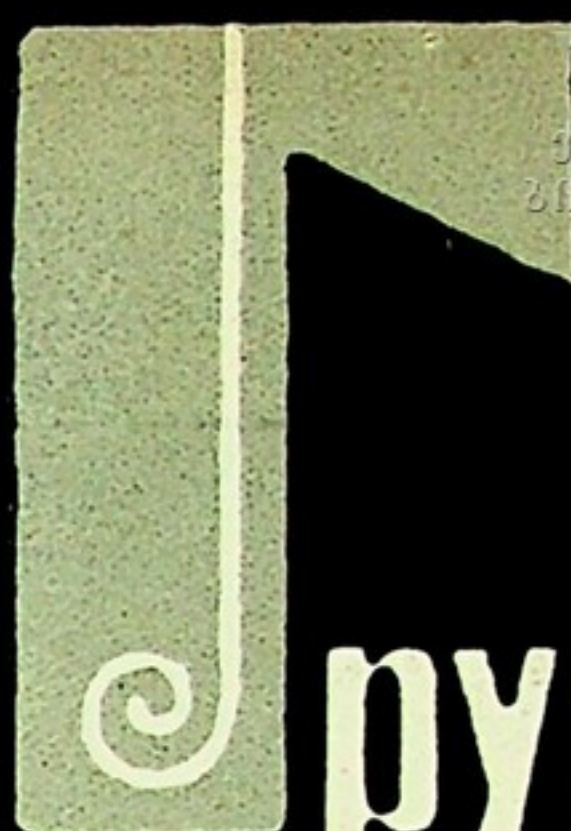

№ 3 • 1964

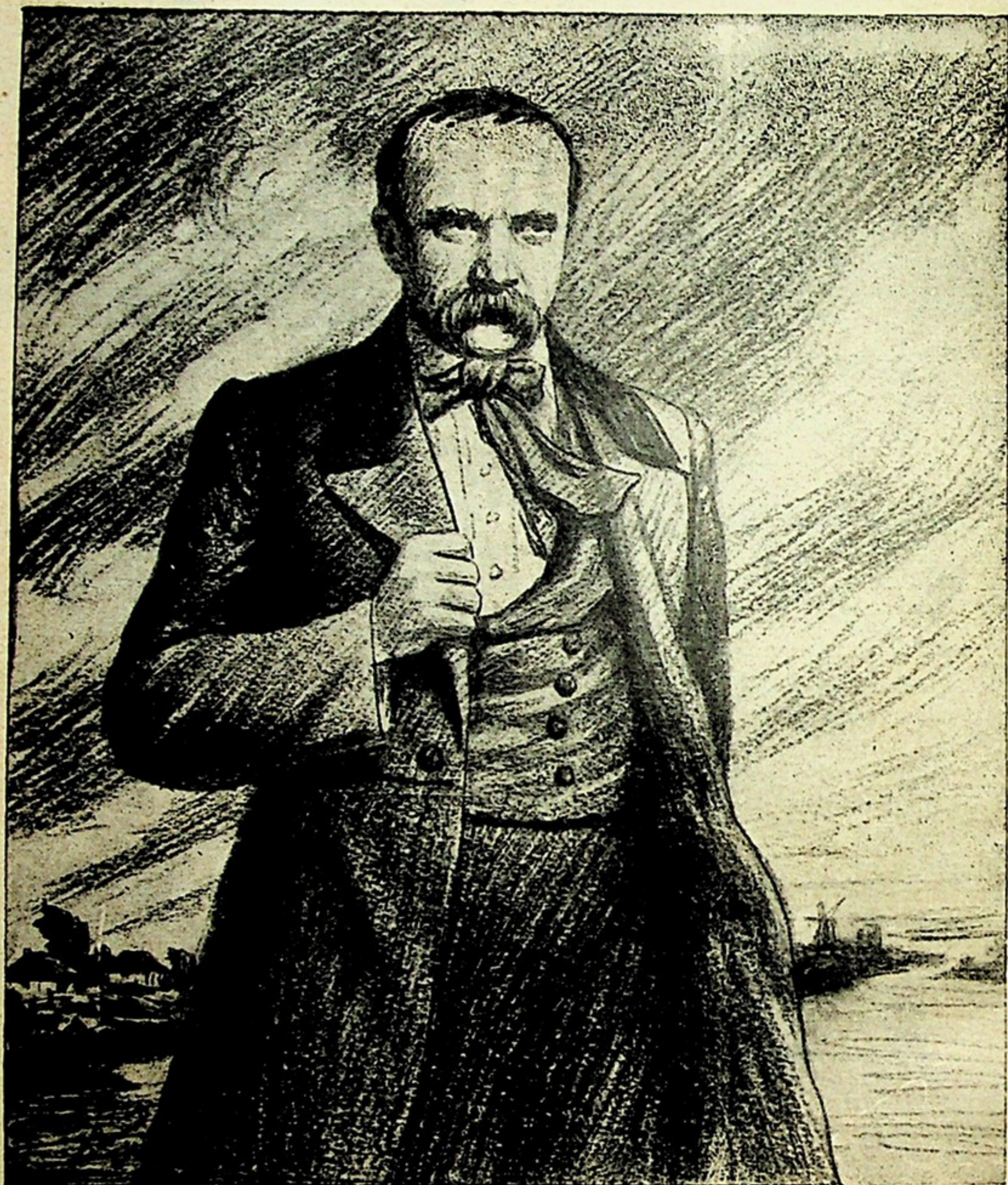
საქართველოს
ბიბლიოთეკა

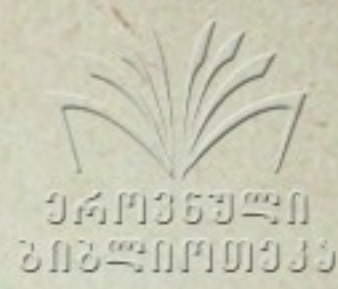
литературная Грузия

10.335
1964/2

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

литературная **Г**рузия

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ ● ГОД ИЗДАНИЯ ВОСЬМОЙ

С О Д Е Р Ж А Н И Е

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ. Поклон тебе... Стихи. Перевод с грузинского Г. Маргвелашвили 3
ГЕОРГИЙ АБЗИАНИДЗЕ. Великий Кобзарь 4
Новые книги о Шевченко 5

МАКВАЛА МРЕВЛИШВИЛИ. Краски моря. Стихи. Перевод с грузинского О. Арцимович 11

✓ЛИДИЯ МАГИСТРОВА. Тбилиси. Стихи 11

МЕДЕЯ КАХИДЗЕ. Солнце над Родиной. Маленькая Шатилура. Стихи. Перевод с грузинского Е. Николаевской 12

МАРИНА ГЕЛЬВИ. Девчонки. Рассказ 13

ТАМАЗ ЧИЛАДЗЕ. Зонтик. Рассказ. Перевод с грузинского А. Тархан-Моурави 16

ГАФЕЗ. Орел. Ночью была метель... Звезды. Стихи. Перевод с осетинского Д. Маркиша 26

НОДАР ДУМБАДЗЕ. Я, бабушка, Илико и Илларион. Повесть. Перевод с грузинского З. Ахведиани. Продолжение 27

А. Т. СТУЧЕНКО, генерал-полковник. Завидная наша судьба. Окончание 36

ПУБЛИЦИСТИКА

Путешествие в страну книг 73

МЕДЖИД ХВАРЦКИЯ. За действенность научно-атеистической пропаганды 76

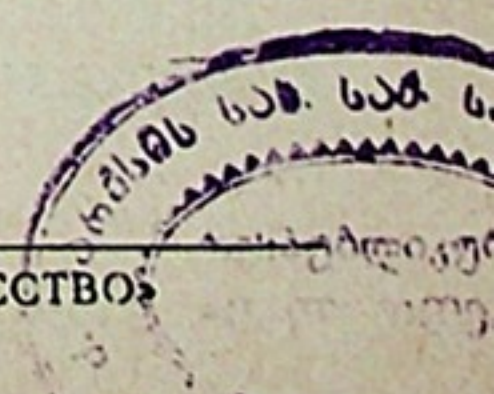
См. на обороте.

МАРТ

1 9 6 4

75/32

3

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

БЕСО ЖГЕНТИ. Павел Антокольский	31
МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ. Слово о друге	89
АРТАШЕС МХИТАРЯН. Многогранное творчество	92
ГУРАМ ГВЕРДЦИТЕЛИ. Основа основ	94

ОЧЕРКИ

ТИНА ДОНЖАШВИЛИ. Щедрость души человеческой	102
---	-----

ИСКУССТВО

О графике Нателы Ианкошвили	106
ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	109

На 1 стр. обложки: «Сванская башня». Худ. Н. Ианкошвили.

На 2 стр. обложки: «Тарас Шевченко». Худ. Т. Бардадзе.

На 3 стр. обложки: Т. Шевченко в грузинских изданиях.

Редактор **МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ**

Редакционная коллегия:

**И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель редактора), М. ЗЛАТКИН,
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕЙГИН,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Георгий ЛЕОНИДЗЕ,
народный поэт Грузии

ПОКЛОН ТЕБЕ...

Перевод с грузинского Г. Маргвелашвили

Прими от нас привет и ласку,
Поклон из края Руставели.
От гордых гор моих кавказских
Поклон холмам твоим неброским, —
Чтоб от Куры до воли днепровских,
От мцхетских роц до нив полтавских
Перекликались мы, как в сказке,
И расстояньям неподвластны,
Не расставались, не старели.
Ты держишь факел Прометея,
Чтобы из тьмы годин жестоких
Навстречу нам, без промедленья,
Презрев самодержавный окрик,
Презрев немислимые муки,
Неслыханную горечь их,
К нам простереть любовно руки,
К нам донести пресветлый стих.
И он дошел — он здесь, он с нами,
Он хочет нашей стать судьбой,
Разделаться с дурными снами,
Возрадоваться, что так близок
Давно возжажданный прибой.
И в жаркой схватке исполинской
Смерть заклевать, и снова в бой —
Тобою высеченной искрой,
Слезой пролитой тобой.
О, этот сокол сизокрылый,
Птенец днепровских кобзарей!
Шарахались свиные рыла
Твоих мужающих воскрылий,
Но на просторах Украины

Светлели очи косарей.
Судьбу молили и корили —
Ох, лишь бы тучи не сокрыли
Тебя, летящего к заре!
О кобза, вторящая сазу,
О струны вещие в крови!
Как донеслись до вас с Кавказа
И стон и гром моих равнин?
Как совершилось чудо братства?
Но раз оно сотворено —
Да будет вволю нам дано
За этим пиршеским убранством
Испить живительную радость —
Слеза с слезою, искра с искрой,
Овеществленьем бескорыстья —
Давиду ведомой давно,
Грузинско-русско-украинской
Беседы терпкое вино.
За этой круговой чашей,
За речью, в лад сердцам звучавшей,
За три столетия — не раз
И ликовали, и тужили
Сковорода с Гурамишвили,
И ты с Акакием, Тарас.
А мы — наследники и внуки, —
Из века в век, из рода в род,
Все той же круговой порукой
Вовлечены в круговорот
И славим с чашею по кругу
Тебя, твой стих, и твой народ.

Георгий АБЗИАНИДЗЕ

Великий Кобзарь

Тарас Шевченко — Прометей украинской литературы. В этом сравнении — глубокий, обобщающий смысл. Великий Кобзарь всю свою мученическую жизнь посвятил одной цели: освобождению родного народа.

Тарас Шевченко беспощадно заклеймил цинизм и античеловеческую сущность самодержавия и крепостничества, пробудил социальное и национальное самосознание народа. И в этом его историческая заслуга.

Истории известно немало имен писателей-борцов, жертвовавших собой ради блага народа, которых она увенчала терновым венцом мученика. Но в истории мировой литературы нельзя найти такого второго примера, чтобы человек, вырванный из бездны крепостнического рабства, выкупленный меценатами, смог подняться до высоты поэта-трибуна и стать духовным вождем своего народа.

Трагическая жизнь Шевченко напоминает бесчисленные страдания украинского народа. Это сходство хорошо видел сам великий Кобзарь, когда он с полным сознанием своей исторической миссии и с чувством национальной гордости писал: «История моей жизни составляет часть истории моей родины».

Бескрайняя скорбь слышится в поэтических строках Шевченко, посвященных матери-родине:

...И кроткой мыслию следил
Дела минувшие народов,
Дела страны своей родной,
И горько плакал... О святая!
Святая родина моя!
Чем помогу тебе, рыдая?
И ты закована, и я.

Но не только своей горькой участью повторил поэт исторические судьбы родины. В творчестве Шевченко отразился героический дух украинского народа,

его непоколебимая воля, стихийная сила масс, поднявшихся на борьбу за освобождение от тираннии.

Шевченко — пламенный певец крестьянской революции. Своими стихотворениями и поэмами, широко распространенными в народе и по своей форме понятными и доступными для крестьян, поэт проповедовал народную революцию. Не жалея ярких поэтических красок, Шевченко рисует образы национальных героев, сложивших головы в борьбе за освобождение родины от угнетателей, и прививает глубокую любовь к ним.

В своем известном «Завещании» (1845 г.) Шевченко смело призывает народ к восстанию, к топору. В его творчестве вера в окончательную победу угнетенного народа переплетается с суровой ненавистью к угнетателям, со справедливым чувством мщения:

Когда же суд? Падет ли кара
На всех царят, на всех царей?
Придет ли правда для людей?
Должна прийти! Ведь солнце встанет,
Сожжет все зло, и день настанет.

Жизнь и творчество Шевченко — самые яркие доказательства его самоотверженного патриотизма. Центральная тема его творчества — родина, борьба за ее освобождение — это святая мечта поэта и его высший гражданский долг. Эту веру Шевченко прививал своему народу и этим закалил его для предстоящей борьбы. Поэтому для Украины Шевченко является национальным героем, предтечей и знаменосцем обновленной жизни. Народность и самобытность — главная черта поэзии Шевченко. Подлинный ценитель его творчества, Добролюбов писал: «Всегдашний предмет его поэтических дум... — далекая Украина. Весь круг его дум и сочувствий находится в

совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни».

В буржуазном литературоведении были созданы легенды, по которым Шевченко всего-навсего безобидный либерал, певец сельской идиллии и горестной судьбы несчастной девушки. Авторы этих ложных теорий старались и стараются лишить творчество поэта его революционного духа, его идейного содержания. Но Шевченко со своими бессмертными творениями остается борцом за счастье Украины, заступником за социальную справедливость и прогресс, поэзия которого и сегодня служит великим целям борьбы за мир и счастье человечества. Шевченко — выразитель того ценного и прогрессивного, что было создано его родным украинским народом. Эти богатые демократические традиции украинской культуры возникли не на голом месте, они родились и развивались в ожесточенной борьбе с реакционной националистической идеологией. Великий Ленин неоднократно отмечал, что в каждой нации существует прогрессивная и реакционная культура. Вместе с тем он указывал, что социалистическая идеология в истории каждой нации должна выдвинуть на первый план и особо подчеркнуть именно прогрессивные, демократические тенденции. Ленин писал: «Ставя лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», — мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации».

Новая украинская культура развивалась под сильным влиянием поэзии Шев-

ченко — знаменосца украинской духовной культуры, ее славы и гордости.

Эпоха, когда Шевченко выступил как поэт-борец, была эпохой пробуждения революционного сознания народа как в России, так и на Украине. Поэтому вполне понятно то благотворное влияние, которое оказали на него знаменосцы русской революционной демократии. Передовое, революционно-демократическое мировоззрение поэта складывается на почве мощного движения угнетенных масс, на почве общественно-исторической жизни его родины; поэтому он и стал выразителем настроений и стремлений многомиллионной крестьянской массы, ее поэтическим эхом.

В лирике и поэтическом эпосе Шевченко чувствуется ритм борьбы, поступь революционных масс:

...вставайте,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите.

Этот революционный лозунг национального поэта Украины перекликается с идеями вождей русской революционной демократии — Чернышевского и Герцена. В «Колоколе» Герцена в 1858 году было напечатано обращение к крестьянским массам России, которое призывало их взяться за топор и расправиться с царем-кровапийцей и его приспешниками. Эту революционную идею, высказанную в публицистической статье, выразил великий украинский Кобзарь в вышеприведенной поэтической формуле, и этим объясняется возросшее влияние его поэтического слова. С русскими революционными демократами — Чернышевским, Добролюбовым, Герценом, Не-

Новые книги о Шевченко

Первое произведение Шевченко на грузинском языке — поэма «Наймичка» — было напечатано в журнале «Иверия» в 1881 году. С тех пор стихотворения и поэмы великого Кобзаря переводились на грузинский язык свыше ста раз. Многие грузинские поэты посвятили ему свои стихи, о нем написаны сотни статей, сборники его стихов выходят многотысячным тиражом.

Широко отмечались в печати и юбилейные даты поэта.

В этом году 150 лет со дня рождения Тараса Шевченко издательства Грузии отметили рядом новых книг. «Литература и искусство» выпустило в свет сборник «Грузинские писатели о Шевченко». Он открывается разделом, куда вошли высказывания о Шевченко А. Церетели, И. Чавчавадзе и других; раздел «Грузинские поэты — Шевченко» представлен стихотворениями В. Гаприндашвили, Г. Кучишвили, Г. Леонидзе, Х. Вардошвили, Л. Асатиани, К. Каладзе, К. Бобохидзе и других. Немало стихотворений посвятили великому украинскому поэту и молодые авторы. Среди них — «Шевченково» Т. Джангулашвили, написанное им по воспоминаниям Великой Отечественной войны, «Дуб Шевченко» Д. Хуродзе, повествующее о жизни украинского поэта, «Нас радуют стихи великого Кобзаря» А. Бегашвили и многие другие.

Художественно оформленный И. Джанашивили, сборник отразил исконную дружбу грузинского и украинского народов.

красовым, Курочкиным Шевченко объединила как общность идейных позиций, так и личные связи с ними. В их кругу украинский поэт, измученный бесконечными репрессиями самодержавных палачей, находил душевный покой, черпал силы для предстоящих битв. Добролюбов был одним из первых его знатоков и ценителей, а Курочкин — переводчиком его стихов. Шевченко являлся подлинным проповедником единения русского и украинского народов. Призывные звуки его поэзии перекликались с освободительным набатом герценовского «Колокола». Не случайно и то обстоятельство, что великий украинский поэт послал Герцену в Лондон сборник своих произведений — «Кобзарь» и написал при этом человеку, отправляющемуся туда: «Передайте это А. И. Герцену вместе с моим благоговейным поклоном».

В вождях русской демократии Шевченко видел не только знаменосцев социального освобождения, но и искренних друзей поработанных наций царской России, поборников национально-освободительного движения.

В свою очередь русские революционные демократы высоко ценили священное чувство патриотизма в творчестве Шевченко. Примером тому служит высказывание Н. Добролюбова о характере поэзии великого Кобзаря. «Он не мог не обратиться к своей Украине, не мог не посвятить всего себя тому, что веяло на него святыней чистого воспоминания, что освежало и согревало его в самые тяжелые и темные минуты его жизни... И он остался верен своим первоначальным дням, верен своей Украине».

Насыщенность творчества Шевченко социальными идеями отнюдь не означает, что он придавал меньшее значение форме. Форма шевченковских стихов как нельзя лучше соответствует тем ре-

волюционным идеям, которые нес народу его великий певец. Его поэтическое слово было доступно народу, подхвачено и использовано им как грозное оружие в борьбе против внешних и внутренних угнетателей.

Украинские народные легенды, стихи, песни и сказания вдохновляли Шевченко и давали богатый материал его поэтическому воображению:

Наша душа, наша песня
Не умрет, не сгинет...
Вот в чем, люди, наша слава,
Слава Украины!

Шевченко органически усвоил богатые возможности народной поэзии, он открыл путь в литературу живой разговорной речи. Поэт всегда восторгался стихией и прелестью народного языка и поэтическим мышлением народа. Он писал: «Прочитали себе по складам «Энеиду» Котляревского, да пошатались возле шпика, да и думают, что вот когда они уже разыскали мужиков. Э, нет, братцы! Прочитайте вы думы, песни; послушайте, как они поют, как они разговаривают или как они в дружеской пирушке вспоминают старину и как они плачут, будто в самом деле в турецкой неволе или у польских магнатов, закованные в цепи; тогда и скажете, что «Энеида» хороша, а все-таки это юмористика на московский образец».

Шевченко — родоначальник новой украинской литературы. Он как трезвый реалист открыл перед читателем совершенно новый поэтический мир. Главным героем его творчества стало крестьянство и его революционные устремления, что было подлинным новаторством для того времени. Поэтому-то в ответ на выпады реакционеров, которые называли его музу «пьяной», поэт гордо заявлял: «Пусть я буду и мужицкий поэт,

Другим юбилейным изданием того же издательства явилась монография В. Имедадзе на русском языке «Тарас Шевченко и деятели грузинской культуры».

Первая глава этой книги отведена Тарасу Шевченко и Георгию Майсурадзе, судьбы которых во многом схожи. Оба в одни и те же годы учились в Петербургской Академии художеств у замечательного русского художника К. Брюллова, и тот, и другой получили волюнцию от крепостной зависимости.

Вторая глава рассказывает о встрече студента Петербургского университета Акакия Церетели с вернувшимся из ссылки Шевченко в начале 60-х годов прошлого столетия, третья — о том, как перекликалось творчество Ильи Чавчавадзе и Тараса Шевченко в своих ведущих идеях.

Заключительная глава посвящена другу и сподвижнику Шевченко — Николаю Гулаку, долгое время проживавшему в Грузии и на Кавказе.

Тема дружбы и взаимосвязи грузинской и украинской культур пронизывает и юбилейное издание «Накадули» — «Жизнь Кобзаря». Автор книги — кандидат филологических наук Т. Буачидзе дает развернутый обзор жизни и творчества Шевченко, его влияния на развитие грузинской литературы.

В книге приведены слова Алексея Толстого о глубоком впечатлении, произведенном Шевченко на Акакия Церетели, воспоминания Акакия Церетели, Дмитрия Кипиа-

лишь бы только поэт, мне больше ничего не нужно».

Шевченко — высшее воплощение гения украинского народа, его духовной мощи, его слава и гордость. «Таких великих людей, как Шевченко, — сказал полвека тому назад грузинский народный поэт Акакий Церетели, — создают великие нации».

• • •

По постановлению Всемирного Совета Мира в первой половине текущего года будет отмечаться юбилей великого поэта Украины. Шевченко во всем мире приобрел имя поэта-борца за счастье трудового народа Украины. Но прославленному Кобзарю принадлежат большие заслуги не только перед его родным народом, Шевченко заслужил любовь всех народов, которым дорог мир, в том числе и грузинского народа.

Из грузинских деятелей больше всего с Тарасом Шевченко исторически был связан великий грузинский поэт Акакий Церетели.

Имена Т. Шевченко и А. Церетели уже давно стали символом дружбы украинского и грузинского народов.

Молодой Акакий Церетели познакомился с украинским поэтом во время пребывания в Петербурге в 60 гг. прошлого столетия. Это знакомство произошло на квартире профессора Н. И. Костомарова. Шевченко был в то время уже известным поэтом. Беседа двух поэтов, которая продолжалась довольно долго, касалась главным образом исторических судеб их родины. Украинский писатель проявил большой интерес к жизни грузинского народа, в частности, очень интересовался историей грузинской культуры. Первый вопрос, который задал украинский писатель молодому поэту, касался грузинской письменности. Акакий Церетели удовлетворяет любо-

пытство украинского писателя, рассказав ему, что грузинская письменность и литература своими корнями уходят в глубь веков, вспоминает гениального Шота Руставели как поэта мирового значения, останавливает внимание своего собеседника на непрерывной героической, но в то же время неравной борьбе маленькой Грузии с многочисленными ордами агрессивных соседних государств.

Нет сомнения, что беседа этих двух представителей революционно-демократической мысли в Петербурге приняла определенный политический характер. Конечно, Акакий Церетели в условиях царского режима не мог рассказать в своих воспоминаниях об этой стороне беседы. Но все же он дает читателю представление о положении вещей в завуалированной форме. В этом отношении интересна та часть беседы, где Шевченко спрашивает у Акакия Церетели, почему грузины не пытаются вынести на передний план свою историческую культуру.

Вот отрывок из их диалога:

«— Но теперь ведь полвека, как вы успокоились в руках России. И отчего же вы, теперешние грузины, умалчиваете? Или прошлое уже не интересует вас?»

— На это много причин... Но... позвольте о них умолчать.

— А-а!.. Понимаю!.. Понимаю!..»

Нетрудно догадаться, что подразумевал Акакий Церетели под теми причинами, о которых надо было умолчать, или под многозначительным восклицанием Шевченко.

Акакий Церетели не мог открыто показать политическую сторону этой исторической беседы, но и из сказанного ясно, что было предметом дум и переживаний обоих поэтов. Их беседа продолжалась долго.

Великий Кобзарь видел много общего

ни, высказывания об украинском поэте Нико Ломоури, впервые переведшего его поэму «Наймичка» на грузинский язык, Ильи Чавчавадзе, Нико Николадзе, Якова Гогешашвили и других грузинских писателей, общественных и литературных деятелей.

Значительное место в книге, оформленной художником Э. Амашукелечи, отведено описанию юбилейных дней, отмечавшихся в Грузии в 1911, 1914 и последующих годах.

Наряду с монографиями и сборником стихов грузинские читатели познакомятся с повестью Шевченко «Художник». Это волнующий автобиографический рассказ о трагической судьбе талантливого юноши в условиях крепостного права. Повесть «Художник» переведена Гегелашвили и вышла в издательстве «Сабчота Сакартвело».

Новые книги о Шевченко завершает монография Г. Надарейшвили «Тарас Шевченко в грузинской литературе», вышедшая в издательстве «Цодна» под редакцией Н. Агашвили.

Она состоит из двух разделов, которые можно озаглавить: «Жизнь и деятельность Шевченко», «Шевченко и Грузия».

Сюда же вошли библиография его изданий на грузинском языке, литература о нем, юбилейные и другие материалы.

в исторической судьбе Грузии и своей родины и постепенно все с большим воодушевлением включался в беседу.

Как пишет Акакий Церетели, «Шевченко подсел ближе, сделался словоохотливее и стал спрашивать меня о многом.

— Как много общего у этого народа с нашим! — заметил он. Шевченко вздохнул и стал говорить об Украине, унии и проч. Говорил грустным тоном, но оживленно...

Беседа наша тянулась до трех часов ночи. Разошлись мы друзьями, дав друг другу обещание встречаться почаще.

Но, увы, моему счастью не удалось сбыться...»

Когда Акакий Церетели встретился с Шевченко в Петербурге, великому украинскому поэту было 46 лет, а он показался грузинскому поэту стариком, настолько был сломлен страданиями, которые испытывал по милости самодержавия. Лишь задушевный разговор о судьбах народных с молодым грузинским поэтом несколько оживил великого борника свободы.

На поэта, который горячо мечтал об освобождении родины, беседа с широко известным украинским писателем оказала большое влияние.

Акакий Церетели так заканчивает свои воспоминания: «Только первая и последняя встреча осталась у меня светлым воспоминанием на всю мою жизнь. Признаюсь, я первый раз понял с его слов, как надо любить родину и свой народ...

Когда я справлял свой пятидесятилетний юбилей, у меня были гости с Украины и привезли мне в подарок портрет Тараса. Я был этим очень тронут и обрадован».

Юбилей, о котором упоминает Акакий Церетели в своих воспоминаниях и во время которого представители украинской делегации преподнесли ему портрет Шевченко, состоялся в 1908 году.

Юбилейные торжества состоялись не только в многочисленных уголках Грузии, но и в Москве, Петербурге, Харькове. Необходимо отметить и юбилейный вечер, устроенный в Баку 21 декабря 1908 года, на котором вместе с грузинской делегацией поэта приветствовали русская, украинская, азербайджанская, армянская, польская, латвийская и еврейская делегации. Характерно, что посланцы украинского народа обратились к маститому юбиляру с пламенной речью и преподнесли ему большой, богато украшенный портрет Тараса Шевченко. Поэт был тронут этим дорогим для его сердца подарком и горячо поблагодарил украинскую делегацию в следующих словах: «...Я был совсем молодым, когда исполнилась моя мечта и я увидел Шевченко. С тех пор я его не видел. С сегодняшнего дня он

всегда будет со мной в моем кабинете. Этот портрет будет со мной до моей смерти». О портрете Шевченко, преподнесенном на юбилей, грузинский поэт с любовью вспоминает в приведенных воспоминаниях о великом Кобзаре. Он и сейчас хранится в музее грузинского писателя в его родной деревне Схвитори как драгоценная реликвия. На это событие в числе других откликнулась специальная статья украинская газета «Рада».

Акакию Церетели принадлежит большая заслуга в популяризации имени Шевченко как великого певца дружбы и братства народов.

В то время, как по приказу самодержавного правительства во всей Российской империи были запрещены юбилейные торжества, посвященные Шевченко, народный поэт Грузии, по воспоминаниям современников, сумел получить разрешение на устройство юбилея Шевченко в столице своей родины — Тбилиси.

Запрещение юбилея Шевченко было многозначительным актом, на который откликнулось все передовое человечество. Великий Ленин в 1914 году в статье «К вопросу о национальной политике» писал: «Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя. Я думаю, все наши лучшие социал-демократические агитаторы против правительства никогда не достигли бы в такое короткое время таких головокружительных успехов, каких достигла в противоположительственном смысле эта мера. После этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов».

Как видно, Акакию Церетели удалось убедить представителей местных властей при помощи влиятельных лиц, которые уважали маститого поэта, в том, что вечер, посвященный памяти Тараса Шевченко, будет проведен в дозволенных рамках. В сущности этот вечер, который был устроен украинским драматическим кружком в Тбилиси, в Народном доме (в здании теперешнего театра имени К. Марджанишвили), имел ярко выраженный прогрессивный характер; это была демонстрация братства и дружбы народов. Тогдашняя пресса широко осветила это событие. Народный поэт Грузии Иосиф Гришашвили хорошо передает огромный энтузиазм, которым был согрет этот юбилейный вечер, превратившийся фактически в трибуну выражения устремлений демократических и интернациональных сил: «Афиша, между прочим, извещала, что маститый грузин-

ский поэт Акакий Церетели выступит с речью о батюшке Т. Г. Шевченко, которого он лично знал. Вышел наш Акакий на сцену, овациям не было конца. Когда они замолкли, Акакий начал говорить: «Да, я лично знал батюшко Тараса Григорьевича Шевченко». Последние слова грузинского поэта покрыл взрыв аплодисментов.

Поэтическую, содержательную речь А. Церетели аудитория выслушала, стоя на ногах. Украинцы обнимали и целовали грузин. Это был протест против политики царизма, который запрещал даже произносить имя Шевченко; это было чувство, охватившее оба народа, чувство, продиктованное любовью, призыв к свободе, к объединению под знаменем родины.

Акакий так закончил свою речь: «Любите свою родину и свой родной язык так, как его любил покойный Шевченко... это будет ему лучшей наградой и нерукотворным памятником». Закончив свою речь, А. Церетели приблизился к бюсту Шевченко, установленному в глубине сцены, встал на колени и склонил перед ним свою убеленную сединами голову.

Эта картина произвела впечатление, которое невозможно описать... от аплодисментов и восклицаний зрителей задрожал театр.

Акакий Церетели в своей речи говорил о необходимости борьбы за национальную культуру, об общенародной борьбе за свободу, он говорил о пламенном гуманизме Шевченко, о глубочайшей любви великого Кобзаря к родине».

В Институте рукописей имени академика К. Кекелидзе Академии наук Грузинской ССР хранится фрагмент речи Акакия Церетели, написанной на русском языке под названием «Речь к украинцам».

Эта рукопись относится к 14 апреля 1914 года и представляет собой черновик речи, произнесенной на юбилейном вечере Шевченко.

Эта речь — блестящий документ, который свидетельствует о том, какое огромное значение придавал великий грузинский поэт творчеству Шевченко как для украинской культуры, так и для культуры других народов. Ревнитель демократии и вождь национально-освободительного движения, Акакий Церетели в своем приветственном слове прежде всего касается сущности национального своеобразия народа и связывает с ним историческую роль Шевченко в духовной жизни его родины.

Надо отметить, что в этой речи А. Церетели подчеркивает мировое значение Шевченко.

Вскоре А. Церетели получил письмо украинского драматического кружка при Народном доме, в котором была выражена глубокая благодарность за его активное участие в юбилейных торжествах, посвященных Шевченко. В этом же письме было сказано, что доход, полученный от вечера, переслан в Киев в фонд для установления памятника Шевченко.

Отметим еще один факт, связанный с именем Шевченко. На юбилей Ильи Чавчавадзе в 1898 году откликнулись лучшие представители украинского народа во главе с известным украинским писателем Мих. Коцюбинским, приславшим послание юбиляру на украинском языке.

Пламенное письмо М. Коцюбинского к Илье Чавчавадзе — блестящая страница в истории грузинско-украинских литературных связей. В этом замечательном документе в настоящее время нас особенно интересует тот факт, что Шевченко признан в нем символом дружбы украинского и грузинского народов. Вот часть этого послания, содержащая начало поэмы Шевченко «Кавказ»:

«...Светлый дух нашего поэта Шевченко, витая над пленительной Грузией, так рисовал вашу страну в поэме «Кавказ»:

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
Спокой века Прометей
Там орел карает,
Что ни день, долбит он ребра,
Сердце разбивает,
Разбивает, да не выпьет
Крови животворной,
Вновь и вновь смеется сердце
И живет упорно...»

(Перевод П. Антокольского)

Письмо заканчивается следующими словами:

«...Мы обращаемся к вам со словами нашего поэта: «Боритесь — вы победите!»

Первые грузинские переводы произведений Шевченко появляются в 70-х годах прошлого века. Стихотворение «Наймичка», переведенное известным грузинским писателем-народником Нико Ломоури, было опубликовано в журнале И. Чавчавадзе «Иберия». Вскоре появляются и другие переводы стихотворений Шевченко, выполненные Мамия Гуриели, Домением Томашвили, Иасамани, Давидом Эристави, поэтессой Гандегили, Сандро Шаншиашвили и другими грузинскими поэтами.

В 1911 году грузинская общественность широко отметила юбилей Тараса Шевченко. Особенно большие за-

слуги в этом деле принадлежат литератору Александру Гарсеванишвили, который прочел в ряде городов Грузии лекции о великом Кобзаре. Эти лекции впоследствии были объединены в брошюру, напечатанную в 1912 году.

В юбилейные дни 1911 года была написана статья известного педагога Якоба Гогешашвили «Маленькая заметка о великом поэте», каждая строка которой проникнута любовью к украинскому народу и к его славному сыну — Тарасу Шевченко.

Выдающийся грузинский деятель говорит об общности исторических судеб своей родины и Украины и призывает грузинских писателей переводить произведения пламенного певца свободы Шевченко: «Несмотря на тяжелую участь, которая выпала на долю Шевченко, — писал Я. Гогешашвили, — он создал на своем любимом украинском языке такие восхитительные поэтические творения, что они в настоящее время переведены на все основные языки культурного мира и читаются с огромным наслаждением.

Отмечая этот факт, я хочу посоветовать нашим поэтам обогатить родную литературу переводами произведений Шевченко, как это сделали лучшие русские писатели, выпустившие целый том стихотворений и поэм Шевченко».

Великий Октябрь возродил бессмертное наследие гениального Кобзаря. Исполнилась мечта народного певца — в свободной Украине во весь голос зазвучала его поэзия.

В наше время по всей стране имя Кобзаря звучит с особенной силой.

Известные грузинские поэты — Георгий Кучишвили, Валериан Гаприн-

дашвили, Иосиф Нонешвили и другие во вдохновенных строках воспевают великого украинского певца.

Народный поэт Грузии Георгий Леонидзе в замечательном стихотворении, посвященном Тарасу Шевченко, которые он прочитал на могиле поэта, прекрасно выразил искренние чувства грузинского народа к гордости украинской поэзии.

Лучшие грузинские поэты — Симон Чиковани, Ираклий Абашидзе, Александр Абашели, Валериан Гаприндашвили, Шалва Апхандзе, Виктор Габискирия, Давид Гачечиладзе, Гр. Цецхладзе, Ило Мосашвили, Иасамани и другие перевели стихи и поэмы Тараса Шевченко и, собрав их в объемистую книгу под названием «Кобзарь», преподнесли в дар грузинскому читателю. Юбилей, посвященный памяти Шевченко, вылился в праздник дружбы двух братских советских народов, в триумф украинской национальной культуры.

Перу грузинских литературоведов принадлежит немало интересных исследований о творчестве Шевченко и о грузинско-украинских литературных связях, в центре которых, естественно, стоит фигура великого Кобзаря.

И в наши дни поэтическая муза Тараса Шевченко является действенной силой в борьбе за светлое будущее человечества. Она служит благородному делу укрепления дружбы и братства народов, призывает к высоким идеалам. Вот почему благодарное человечество с глубокой любовью и уважением произносит сегодня имя Тараса Шевченко, этого великого певца-патриота, неутомимого борца за свободу, гуманизм и счастье всех народов на земле.

Маквала МРЕВЛИШВИЛИ

КРАСКИ МОРЯ

Перевод с грузинского О. Арцимович

Плавил день легко, бесшумно
краски в солнечных печах...
Ухожу я, уношу я
цвет корицы на плечах.
Уношу я синий вечер
на коричневой руке,
на губах — крупинки соли,
желтый камень — в кулаке.
Словно берег — за кормою —
августовский кончен труд!
Все теперь оставлю морю...
Мне — и копии сойдут.
Чем мы только не писали,
отдых дав своим рукам:

лодками (они плясали
по волнам, как по строкам),
по песку, шурша локтями,
взорами — по небесам,
по морскому дну — сетями
и ступнями — по сетям.
Так старались, забывая
осторожность второпях...
Сети путали, играя,
сами путались в сетях!
Подоспело расставанье!
Строк прибрежных полосу
(До свиданья... До свиданья...)
я на память унесу.

Лидия МАГИСТРОВА

ТБИЛИСИ

Ты синих звезд коснулся пальцем —
Рассвет расцвел, заголубел,
Ты лепестки своих акаций
В мою насыпал колыбель,
Мне «Иав-нана»¹ пел ночами,
Купал, поил своей водой...
Душистый, теплый ломоть мчади
Мне клал в прохладную ладонь.
В подол девчонке босоногой
Ты щедро насыпал туту...

Звал неизведанной дорогой
Смешную детскую мечту.
И неприкаянную юность
Спокойной ласковой рукой
Водил дорогою подлунной,
Дорогой звездной — над рекой...
И в тишине ночных проспектов
И узких улочек твоих
Ты нашептал мне по секрету
Мой первый — самый лучший стих.

¹ Иав-нана — колыбельная песня.

СОЛНЦЕ НАД РОДИНОЙ

Сколько дорог здесь — новых и старых,
Сколько десятков, сотен ли, тысяч —
Торных и временем стертых, усталых,
Тех, что и глазом теперь не отыщешь.

Новые блики, новые тени,
Солнца растаявшего изобилье...
Ты, не увидевший красок цветенья,
Плачь от незнания и от бессилья.

То, что усердно искала я где-то,
На стороне, — все у нас есть в избытке:
Неиссякаемость солнца и света,
Солнца и света нити и слитки.

Ты, ощутивший, как празднично светятся
Краски в горах, — торопясь по дорогам,
Знай, поднимаешься ты, чтобы встретиться
И побеседовать запросто с богом...

Песне гудящей, вершинами спетой,
Вторят каменя в ущельях и недрах...
Сколько здесь солнца, сколько здесь света,
Сколько сердец здесь добрых и щедрых!

МАЛЕНЬКАЯ ШАТИЛУРА

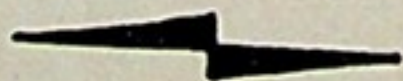
Рвешься прочь ты утром хмурым
Из тумана, как из пут.
Маленькая Шатилура¹,
Ты куда же держишь путь?

Под твоей прохладной кожей —
Струи солнца, соки трав...
Маленькая, от кого же
Убежала ты стремглав?

Хоть подняться вновь не сможешь,
Ты смеешься: не беда!..
Ты совсем девчонка! Кто же
В лес пустил тебя сюда?

Плечи синевой укутав,
Пробираешься сквозь тишь...
Задержись хоть на минуту,
Шатилура, — что спешишь?!

Перевод с грузинского Е. Николаевской

¹ Шатилура — название реки.

Марина ГЕЛЬВИ

Девчонки

РАССКАЗ

Не во что, совершенно не во что наряжаться. Женька выпросила у своей бабушки кружевной корсет с косточками и носит его поверх платья, у Лильки — прозрачный оранжевый шарф. А у меня? И вдруг я вспомнила: новые мамины туфли!

В это время мама, ничего не подозревая, собиралась в школу.

— Уберешь комнату и почишь картошку, — сказала она. — У меня сегодня педсовет.

— Хорошо, — ответила я.

Мама еще стояла у трамвайной остановки, а я, поглядывая на нее через занавеску, лихорадочно напяливала на свои босые ноги новые чудо-туфли. Вышла в них во двор и, конечно, девчонки ахнули.

— Мама разрешила? — ревниво спросила Женя.

— А как же, — небрежно ответила я.

Лена сказала:

— До чего же каблук тонкие. Заграничные?

Я кивнула.

— Дай примерить, — сказала Лида.

Я отрицательно покачала головой.

— Почему? — хором спросили девчонки.

— Колодку можно испортить.

— Как это?

— Очень просто. У вас одни ноги, а у моей мамы другие.

— Так у тебя тоже другие.

— Нет. Походка у меня и у моей мамы одинаковая. Я же ее дочь.

Девочки уселись на скамейку и призадумались. А я хвастливо вытягиваю вперед то левую, то правую ногу и верчу, верчу ступнями перед раздосадованными подружками. Блестят туфельки.

— Вот хочешь верь, хочешь не верь, — беребя косичку, заявляет Лида, — из тебя артистка не получится. У тебя очень худые ноги. У меня красивее ноги, — повеселев, продолжает она, — и я буду играть Золушку.

Вся наша улица играет в театр. И наш двор тоже. Пухленькая белокурая Лида выбрана на роли красавиц, а я играю уродок. Когда распределяют роли, сколько я ни пою, сколько ни танцую, все равно говорят: не гожусь.

Но теперь у меня туфли!

— А во что ты обуешься? — заранее торжествуя, спросила я Лиду. — Во что, а?

Так просто и неожиданно решился вопрос, кому быть Золушкой. Лена старше нас всех и считается очень умной, потому что, подумайте, в двенадцать лет носит очки. Она сказала:

— Что ж, ведь туфли не одолжишь. Значит, играй Золушку ты. Я читала про одну артистку. Она была не то что худая, она была горбатая, а знаете, как замечательно играла!

Я запрыгала от радости.

— Девочки, я еще вату в туфли положу, чтоб не спадали!

И мы сразу приступили к делу. Я сказала:

— Тащите из нашей комнаты все самое лучшее! До маминого прихода тыщу раз успеем занести все обратно!

Во дворе Сережка писал афишу.

— Как писать: те-атр или ти-атр?

— По-моему, те-атр, — отвечаю ему.

— Как, как? — притворяется он глухим.

— Те-атр!

— Значит: ти-атр?

И смеется. Вот вредный!

Наконец он написал: «Театр. Золушка.» и хотел мелким шрифтом краткое содержание пьесы дать, но Лена не позволила.

— Откуда мы знаем, чем она кончится, — рассудительно сказала Лена, — а зрители, может, как в прошлый раз, помните?..

Прошлый раз ставили «Принца и нищего». Мальчишки хотели про Гагарина, а мы, девчонки, любим про царей. Так вот, Юрка играл в «Принце и нищем» лакея. Вышел на сцену, а уходить не хочет. Звали его за кулисы, грозились — не пошел. Все перепутал. Зрители нас и освистали. А потом выскочила из своей квартиры старая Сапуненчиха и прогнала со двора и актеров и зрителей...

В саду, в беседке, мы готовили сцену. На землю постелили наш красный ковер, принесли магнитофон и этажерку. Лида принесла картину «Утро в сосновом лесу». Женя тоже принесла такую картину.

— И у нас такая есть, — удивленно заметила я.

Но нашу картину не притащили. Хватит двух. Повесили их с обеих сторон скамейки.

— Не много ли? — засомневался Сережка. Лена сказала:

— В хороших домах всегда парные украшения. Не заметил?

Куда уж ему замечать. У него дома не то что парных, а и одиночных украшений нет. Они с Юркой во время драк все переломали.

Прогудел пятичасовой гудок, а мы еще не были готовы. Сережка еле сдерживал рвущихся во двор зрителей. Лена гримировала артистов. Сама она играла мачеху, потому что обожает роли злодеек.

— Пускать? — истошным голосом поминутно кричал от ворот Сережка.

— Еще не-ет... еще не-ет!.. — орали мы.

Наконец калитка затрещала, и зрители хлынули во двор. Мигом расселись в саду. Малыши — прямо на земле перед сценой, а кто постарше — на скамьях и стульях.

— Занавес! — скомандовала Лена.

Юрка поднял на перекладину беседки нашу полотняную скатерть, и перед зрителями в изящных светских позах предстали Лена, Лида и Женя. Я, ссутулившись, сидела в углу беседки, около большой дворовой метлы, и громко с ойканьем вздыхала, покачивалась, изображая на лице отчаяние, и судорожно прижимала к сердцу вымазанные сажей руки. Мачеха и ее дочери не обращали на меня никакого внимания. Лида сказала Жене:

— Я выйду замуж за принца.

— Нет, я выйду, — сказала Женя.

— А ну, кто лучше поет? — Лида встала и, приплясывая, запела:

— Родина слышит, родина знает... — Но мотив показался ей слишком скучным и она заголосила: — Я люблю тебя, жизнь...

Зрители с удовольствием подпевали.

Я грустных песен не знала. Вышла вперед и начала петь «Несчастную полосу» Некрасова. Мы это стихотворение только что в школе выучили. От жалости к бедному пахарю у меня дрожал голос и я еще тянула как можно дольше последние ноты каждой строки. Лена прошептала:

— Хватит, ну хватит, теперь плачь!

Я начала плакать. А зрители почему-то засмеялись. Тогда я заплакала еще громче и прямо затряслась от рыданий. Дети озадаченно притихли, а какой-то малыш смотрел, смотрел и вдруг всхлипнул. Меня словно подхлестнули.

— Ой, какая бедная, несчастная Золушка! — закричала я.

Женя больно ущипнула меня и стала ругаться точь-в-точь, как женщины у нас в прачечной.

Потом все трое бросились на меня с кулаками, а малыш, который всхлипывал, как заревет! Я взяла и упала, даже не подогнув коленок. Ну и захлопали же зрители! А Лена, Лида и Женя тоже в роли свои вошли: навалились на меня, не жалея платьев. К счастью, занавес сам упал. Я еле встала.

— Намочи затылок водой, — посоветовала Лена.

Намочила. Отдышавшись, переоделась. И совсем забыла про боль. «Вот теперь еще не так блесну», — подумала я.

— Сережка, застегни бусы!

Он застегивает и с интересом разглядывает мой костюм. Ему нравится. Он просто очарован. Подожди, еще не то будет, когда я выйду и начну танцевать в новых маминых туфлях. Ах, Сережка, Сережка, ты мне уже не нравишься. Вот Виталька, что сидит в первом ряду, больше похож на принца.

Занавес поднялся, и Лена-мачеха открыла бал. Все смотрели на меня. Я пела:

— Марина, Марина, Марина!..

Щеки у меня пылали от радости, перед глазами плыл туман. Я вспотела и охрипла от усердия. Горели пятки, а каблуки, казалось, ушли куда-то в стороны. Крики и аплодисменты гулко отдавались в ушах. Вокруг меня прыгали Лиля, Лена, Лида и Женя. Потом на сцену ринулись зрители и запели, заплясали вместе с нами. Сережка кричал:

— Подождите! А третье действие? Лена!..

Никто его не слушал. В это время в саду произошло какое-то смятение. Прямо над головой мы услышали грозный голос Сапуненчихи:

— От, чертовы дети!

Мы пустились бежать.

После театра играли в «Кольцо с места». Я вытянула вперед прижатые друг к другу ладошки, а мысли мои были там, на сцене. Сережка положил кольцо мне. Я рассмеялась. Все-таки он славный, этот Сережка.

Стемнело. Пошел дождь. Я едва держалась на покосившихся каблуках, но сняла туфли только у своего порога. Дома горел свет. Значит, пришли. Сердце ушло в пятки. Вдруг вижу: мой старший брат волочит из сада ковер.

— Не заходи пока домой, — сердито басит он, — мама вне себя.

Я хорошо знаю, что такое «вне себя», и убегаю к Лене. Сижусь, поглядываю из-под занавески на наши окна.

— Посуши туфли, — шепчет Лена. — Зато ты знаешь, как играла, знаешь, как играла!

Я смотрю на нее, на туфли, представляю себе расплату и плачу.

За нашими скнами мелькают тени. Там уборка. И ругаются, наверное. Ругаются, совсем не подозревая, что их родная дочь замечательная артистка. Вот так гибнут таланты.

Тамаз ЧИЛАДЗЕ

З О Н Т И К

РАССКАЗ

Перевод с грузинского А. Тархан-Моурави

Перрон был пуст. Тяжелые серые облака, казалось, лежали на красной кровле станционного здания. Перед хлебным ларьком, одиноко уютившемся у зеленого забора, стоял высокий мужчина с зонтиком. Зонтик, видимо, мало защищал его от дождя — взмокшие пряди волос спускались на лоб. Лицо у него было худое, чуть тронутое оспой. Капли дождя на ресницах блестели, словно слезы. Надетое прямо на сорочку пальто свисало с сутулых плеч. Мужчина не покупал хлеба и не разговаривал с продавцом. Он просто стоял и смотрел на неподвижный состав.

Дождливый рассвет с трудом выбирался из бледного печального тумана. В нижнем этаже здания вокзала еще не погасили электричества, а в верхних окнах гнездилась ночная мгла и глядела оттуда сумеречными глазами.

За станцией зеленеют тополя. Сквозь их кроны просвечивает черепичный купол старенькой церкви.

Длинный поезд стоял очень тихо. Никто не выглядывал из окон, никто не спешил на посадку, и вид у вагонов был такой, точно они совсем пусты и загнаны на запасной путь.

Со скрипом растворяется тяжелая дверь, и на перроне появляется дежурный в фуражке с красным околышем. Он некоторое время глядит на поезд, потом зевает и собирается идти обратно, но, заметив мужчину с зонтиком, останавливается.

— Здорово, Мамия! — окликает он его.

— Здравствуй, Ваню... — отвечает Мамия, не отрывая глаз от поезда и не оборачиваясь.

— Что ты тут разглядываешь? Мамия молчит.

— Я спрашиваю, что ты здесь нашел интересного?

— Поезд...

По платформе протрусил вымокшая собака, повертелась у ларька и улеглась под забором.

Дежурный опять посмотрел на поезд. Всю свою жизнь он только и видел, что поезда, но этот чем-то привлек сейчас его внимание. Уж больно тихо он стоял. Ваню вдруг вспомнил, как очень давно работал он путевым обходчиком и как поезд переехал его корову. Так неслышно подкрался, проклятый, что какая там корова, сам Ваню едва ноги унес.

— Значит, поездами интересу-

ешься? — сказал он просто так, чтоб поддержать беседу. Потом Ваню взглянул на небо и в сердцах бросил: — Хоть бы уж обвалилось совсем, будь оно неладно!

За речушкой у Ваню небольшой участок. Пойди тут не волнуйся, когда под этими ливнями вся кукуруза раскиснет.

Дежурный медленно вошел в здание, но вскоре торопливо вышел обратно и зазвонил в колокол.

— Гляди, твой поезд пошел! — крикнул он Мамия.

Состав тронулся бесшумно, словно спасался от преследователей. У лесосклада он испуганно вскрикнул и сразу умолк. Потом тускло засветилась красная лампочка последнего вагона, и поезд растаял в тумане.

Еще раз захлопнулась за дежурным дверь. В окнах погасло электричество.

Неожиданно рассвело. Казалось, утро, стесняясь поезда, дожидалось, когда он отойдет.

За путями в серых сетях дождя колыхалось кукурузное поле. За полем поднимался дом, крытый грязновато-серой черепицей. Из высокой трубы выплывали бурые разорванные клочья дыма.

Мамия напряженно пытался вспомнить, кто живет в этом доме. Но тут кто-то тронул его за рукав, и ему пришлось обернуться. Перед ним стоял маленький веснушчатый мальчуган в старом коротком пальто.

— Дяденька Мамия... — Мальчик протягивал ему ломоть хлеба, вздернувшийся узкий рукав обнажал худенький локоть.

От хлеба шел пар. Мамия подвел мальчика к забору.

— Пошла отсюда! — цыкнул он на собаку.

Та убежала, обиженно повизгивая.

— Ты чей такой?

— А ничей... — бойко ответил мальчик.

Казалось, ему приятно было со-общить, что он ничей.

Мальчик опять протянул Мамия хлеб.

— Берите...

Хлеб был теплый и влажный. Мамия отщипнул кусочек, положил в рот, но разжевать не смог. Пришлось сделать над собой усилие и проглотить целиком.

— Спасибо тебе...

— Закройте зонтик, — улыбнулся мальчик. — Здесь дождя нет...

Мамия смутился, сложил зонтик, стряхнул с него воду и сказал:

— Ну и дождь, не перестанет никак.

...В этом местечке почти все ходили под зонтами. А интеллигенция только так и прогуливалась, и каждый знал, у кого какой зонтик. У доктора, например, был широкий старинный зонтик с ручкой из слоновой кости. Он никогда не расставался с ним. В хорошую погоду доктор складывал зонтик и вешал на руку. Зонтик начальника почты походил на пляжный грибок, держал он его так неловко, будто впервые в жизни взял его в руки. Аптекарь носил черный зонтик с инициалами, аккуратно вышитыми у самого края красными нитками.

Мальчик опять протянул Мамия хлеб.

— Не хочу, — улыбнулся Мамия. — Почему ты заставляешь меня есть этот хлеб?

— А потому, что дядя Валико велел никому не давать...

— Почему это он так велел?

— Я, говорит, спину гну, зарабатываю... А раньше...

Мальчик умолк.

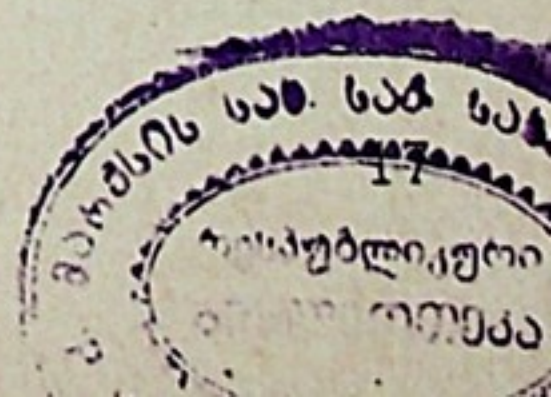
— Что раньше? — осторожно спросил Мамия.

— Раньше меня учили, что всех надо угощать...

— Где тебя учили?

— В интернате...

— Так ты Зурико? — вспомнил вдруг Мамия.

Мальчик помрачнел и ничего не ответил.

— Разве ты не Зурико?

Мальчик отрицательно покачал головой.

— А как же тебя зовут?

— Гага...

— Гага?

— Да...

— Но ведь дома тебя зовут Зурико?

— Это тетя Эленэ придумала, а по-настоящему я — Гага...

Теперь Мамия вспомнил все...

Мальчика этого усыновили. Да, да, года два назад продавец железоскобяного магазина Валико привез его из соседнего городка, где был детский дом. Четырехлетний мальчик многое понимал и помнил. Это, конечно, никак не устраивало супругов. Как только они заполучили ребенка, надели на него с обеих сторон. Перво-наперво они сменили ему имя («Посудите сами, что за имя Гага!»). Часто можно было услышать такой диалог:

— Зурико, а кто я?

— Дядя Валико...

— Да нет же! Я твой папочка, а это — мамочка...

— Это тетя Эленэ...

— Нет, мама. А ну, повтори: ма-ма...

Мальчик упорствовал и никак не хотел называть Валико папой, а Эленэ мамой. Те недоуменно пожимали плечами: что мальчишке надо! Одет, обут, ни в чем не знает нужды — ни в игрушках, ни в лакомствах.

Валико и Эленэ ни с кем не дружили. В городе их видели редко. Как вернется Валико с работы, так больше на улицу носу не кажет. Кирпичный одноэтажный дом их, словно назло соседским, крыт жестью. Двор обнесен прочной стеной с голубой железной калиткой. От калитки тянется проволока. Хочешь войти — подергай за кончик проволоки, зазвенит звонок и кто-нибудь из хозяев выглянет.

Дом этот напоминал хорошо укрепленную крепость. Во дворе росли фруктовые деревья — черешня, абрикос, груша, но вокруг — высокий забор, полезь — попробуй. Соседские мальчишки просто рукой махнули на запретный сад.

Как-то Гаге купили велосипед. Он, конечно, сразу потащил его на улицу. Мальчишки, рассевшись на заборах, издали наблюдали за счастливым. Тот стоял, потупившись под их деланно-безразличными взглядами. Что за удовольствие играть одному! Гага подумал и подошел поближе. Мальчишки не выдержали. Минуту спустя новенький велосипед мчался по спуску, сопровождаемый орущей ватагой, а хозяин, которому даже не удалось ни разу прокатиться, был вне себя от восторга.

Но тут выскочила тетя Эленэ и коршуном налетела на ребят. Те сунули велосипед растерянному Гаге — и врассыпную. Тетя Эленэ с трудом затащила плачущего мальчика во двор.

По вечерам супруги усаживались за лото. На жестяную коробочку из-под конфет высыпали медяки, торжественно раздавали картонки. Гага еще не знал цифр и играть не умел, но пока он не засыпал за столом, его не отпускали, а картонку заполняли за него сами.

— Тринадцать... — провозглашал Валико, доставая из мешочка фишки.

— Тридцать семь...

— Девятнадцать...

— Я кончила! — раздавался радостный голос тети Эленэ. Тетя Эленэ всегда выигрывала.

По воскресеньям Валико облачался в пижаму. Это был его праздничный наряд. Под пижаму он надевал белую сорочку и галстук в синюю крапинку. Если, случалось, шел дождь, сверх отутюженной пижамы он накидывал пальто и брал зонтик. Сначала он отправлялся на станцию за хлебом и газетой, потом заворачивал на

базар и прогуливался вдоль прилавков, ничего не покупая, а просто так, чтобы глаз порадовать.

Было у него и любимое развлечение. На маленьком пустыре за домом он собирал камни одного размера, приставлял к стене бутылку, отсчитывал пятнадцать шагов и, подолгу целясь, швырял в нее камнями. Весь день он мог так бросать камни. Было у него при этом задумчивое и сосредоточенное лицо.

— Пойди сюда, поучись, — звал он Гагу.

Но мальчику быстро надоедала странная однообразная игра.

— Иди домой, дорогой, обед простыл! — кричала тетя Эленэ.

Валико недовольно бурчал в ответ, швырял в сердцах еще пару камней и шел к дому.

Мальчик расправился с хлебом и засунул руки в карманы.

— Замерз? — спросил Мамия.

Мальчик кивнул.

Мамия прислонил к стене зонтик, опустил на корточки и протянул мальчику обе руки.

— А-ну, давай...

У него защемило сердце, такие слабенькие и бледные были эти детские руки. Он потер их между своими и подышал на них, стараясь отогреть.

— А откуда ты меня знаешь?

— Вы ведь учитель...

— Верно.

— Вот и знаю. На будущий год мне в школу...

— Не согрелся?

— Холодно...

— Тогда идем...

Мамия встал, раскрыл зонтик и протянул мальчику.

— Держи.

Тот улыбнулся.

— Не надо...

В зале ожидания стоял полумрак. На длинной узкой скамье, подложив под щеку обе руки, лежал мужчина. Казалось, он вовсе

не спит, а только прислушивается к жужжанию мухи, зажатой между ладонями.

Сколько же времени не видел Мамия этого мальчонку? Впервые он заметил его на улице. Из комнаты Мамия видна калитка Валико. Гага стоял тогда у этой самой калитки и, не отрываясь, смотрел, как две усталые клячи, лениво перебирая ногами, тащили по камням гроыхающий фургон. На передке дремал седой лохматый цыган. В фургоне на соломе расположились две смуглые молодые женщины. Цыганенок лет десяти сидел на краю фургона, болтал босыми ногами и прижимал к груди медвежонка...

Гага медленно пошел за повозкой.

— Каро! — окликнул цыганенок возницу. — Останови!

Не поднимая головы и не меняя позы, седой натянул вожжи.

Цыганенок спрыгнул с фургона и спросил у Гаги:

— Ты здешний?

Тот кивнул.

— А водой не напоишь?

Гага опять кивнул.

— Чего киваешь, неси сюда скорее.

Гага бросился к дому и вернулся с кувшином.

Цыганенок дал напиться женщинам, а сам тем временем пустил на Гагу медвежонка. Гага вначале растерялся, потом отчаянно вцепился в медвежью шерсть, и оба забарахтались в дорожной пыли.

Кувшин перешел к седому. Наконец напился и цыганенок, поставил кувшин на землю, привязал к ошейнику медвежонка веревку и оттащил его от противника.

— Забери кувшин...

Фургон медленно двинулся дальше. Гага отряхнулся, поднял кувшин, постоял немного, словно решаясь на что-то, и побрел за фургоном, как замороженный.

Тишину разорвал пронзительный женский голос:

— Зурико! Зурико!

После того Мамия изредка встречал мальчика на улице. А раз — даже на школьном дворе. Гага стоял у забора совсем один и смотрел на играющих ребят. Глаза у него были очень грустные. Мамия, помнится, даже подошел к нему и погладил по волосам, собрался что-то сказать, но зазвенел звонок, все бросились по классам, и Мамия пришлось уйти, чтобы не опоздать на урок. Из окна он еще раз взглянул на мальчика, который все так же стоял у забора. А потом? Потом мальчик куда-то исчез. Во всяком случае Мамия его больше не встречал.

— Слушай, а что ты делаешь на вокзале в такую рань?

Мальчик, съездившись, сидел на длинной скамье, натянув пальто на коленки. Будь все хорошо, у Мамия был бы такой вот сын.

— Я спрашиваю, что ты тут делаешь? — повторил он.

Гага понурился.

— Ты что, не слышишь? — Мамия повысил голос.

— Я хочу уехать... — Гага поднял было голову, но туг же опустил ее.

— Как это? — переспросил Мамия.

— Уехать хочу, — негромко повторил Гага.

— Куда?

Мальчик молчал. Он еще больше съезжился и казался совсем крошечным.

— Ну, скажи мне, куда это ты собрался?

— Не знаю, — проговорил мальчик. — Хочу уехать, — тихо и твердо повторил он.

Странное дело... Этот малыш словно сидел в душе у Мамия и произносил те самые слова, которые ему самому хотелось высказать. Спроси Мамия сейчас, что

он делает на перроне, он ответит так же несвязно. Оттого и пришел он сюда, что хочет уехать. Но куда — и сам не знает, да это и не имеет значения. Просто хотелось уехать, уехать во что бы то ни стало.

Мамия прикрыл глаза ладонью и снова заговорил, не отнимая руки от лица:

— Хочешь вернуться?

Гага сразу понял и радостно подтвердил:

— Да, в интернат...

Некоторое время они молчали. Мамия сидел, упираясь локтями в колени и пряча лицо в ладонях.

— А почему? — опять спросил он.

Вопрос этот обжег ему горло, словно накипевшая слеза.

— А ты чего, ты чего уезжаешь? — послышалось ему.

Он удивленно поднял голову. Мальчик сидел очень тихо и даже не смотрел в его сторону.

Мамия понял, что только сейчас пришел в себя после вчерашнего. До сих пор все было как во сне. Где-то бродил, как лунатик, и сам как следует не понимал что к чему.

— Ты сказал что-нибудь?

Гага пожал плечами и отрицательно покачал головой.

— Почему же ты все-таки едешь? — опять спросил тот же голос.

— Шесть лет, шесть лет я ждал...

— Кого? — заинтересовался Гага.

— Это я так, просто...

Ему стало горько, оттого что мальчик слишком мал и ничего не поймет. А так хочется кому-нибудь все рассказать.

«Все? Нет, всего не расскажешь...»

Утром, едва раскрыв глаза, он начинал думать о Тине. Шесть лет он думал только о ней. Впрочем, не только о ней. К мыслям о Тине прибавлялись тысячи других мыслей.

В юности, например, он мечтал работать на электростанции. А что вышло? Заболела мать, пришлось уехать в деревню и там учительствовать. Шло время, и мечты сменялись неуверенностью и сомнениями. Проходили ночи, бессонные и дождливые, когда он разговаривал с самим собой, не таким, как он есть на самом деле, а таким, как рисовало его воображение.

— Где ты был? — спросит его мать, а, может, — жена, когда он, усталый, придет с работы.

— На строительстве электростанции... — ответит Мамия.

— А еще?

— Читал в университете лекции.

— Еще...

— Летал.

— Летал?

Мамия скоро сорок, а с мечтами этими он все никак не распрощается.

— Сколько тебе лет? — спросил он мальчика.

— Скоро семь, — быстро ответил Гага и добавил: — весной...

На всех уроках он обязательно рассказывал про Архимеда, про то, как поглощенного работой ученого убил какой-то варвар. Эту историю он рассказывал столько раз, что ученики за глаза называли его Архимедом. Узнав об этом, Мамия очень огорчился, но отказаться от любимой темы все же не мог. Превозмогая смущение, он в несчетный раз возвращался к судьбе великого человека.

Вот и вчера из-за этого он едва не поссорился с доктором. Когда он увлеченно рассказывал про Архимеда, и гости терпеливо и вежливо слушали, хотя и были уже навеселе, доктор вдруг прервал его в самом патетическом месте и воскликнул:

— Голубчик! Да ты спас меня, ей-богу, спас!

Мамия взглянул на него, не понимая, в чем дело.

— Целую неделю ломаю голову, — продолжал доктор, — никак не заполню кроссворд... Ученый, семь букв... ну, конечно, — Архимед...

«Обыватель!» — рассердился Мамия. Драповое, подбитое мехом пальто доктора, очки в золотой оправе, широкий зонт с ручкой из слоновой кости всегда вызывали в нем глухое раздражение.

Остаток вечера Мамия просидел надутый. Домой он шел вместе с Андро — директором совхоза.

— Что за человек наш доктор... — начал Мамия.

— А в чем дело? — не понял Андро.

— Да какой-то странный...

— Прекрасный человек. Угощал нас сегодня на славу!

— Это верно. И квартира, и угощение — все в полном порядке...

— А чего тебе еще надо?

— Живет, как улитка в своей раковине.

— Улитка? — Андро рассмеялся. — В раковине, говоришь...

— Ничего на свете его не беспокоит, сидит себе...

Андро остановился:

— Я тебя понял, а теперь послушай, что я расскажу. В прошлом году в соседнем селе заболел ребенок. Вызвали нашего доктора, он поехал, осмотрел больного. Нужна была срочная операция. Посадили больного в машину и повезли. В дороге — хлоп! — машина портится. А каждая минута на учете. Доктор оставляет шофера, сам — ребенка в охапку — и пошел. Зима, метель, он завернул ребенка в свое пальто, а сам, так, в костюмчике. Гололед. Доктор поскользнулся, упал, потеряв сознание. Потом не знаю, как до больницы он ребенка донес и операцию сам сделал. А после — заболел. Пролежал два месяца — едва спасли... — Андро улыбнулся. — Когда человек живет себе потихоньку и делает на совесть свое дело, так уж кажется, что ничего его не беспокоит.

— Так, значит, наш доктор... — смущенно проговорил Мамия.

— Да-да, именно наш доктор... Знаешь, что я тебе посоветую, Мамия, не суди ты людей поверхностно... А ну, погляди на меня и скажи, что я за человек, по-твоему?

— Ты?

— Да я сам тебе отвечу: люблю поесть, непрочь выпить в хорошей компании, песню душевную люблю, вниманием женским, кажется, не обижен... Вроде бы все.

— Да нет...

— Я Герой Социалистического Труда, и Золотая звезда у меня имеется. Это ты хотел добавить? Да у меня в совхозе все такие, если хочешь знать... Звезду эту они мне заработали... Не пойму я тебя, Мамия... Всю войну ты прошел, орден заслужил, а бродишь, как потерянная овца...

Так вот оно что выходит. До вчерашнего дня он жил только для Тины, а теперь и этому пришел конец. Кому признаешься, что любишь замужнюю женщину, которую видишь ежедневно. Тина преподавала географию. По воскресеньям, когда она не приходила в школу, Мамия шел к ее дому и грустно смотрел на занавешенные окна.

Потом, огорченный, он возвращался домой, и снова им овладевали все те же мысли. «Я должен был раньше познакомиться с Тиной. Даже в этом не повезло...»

Он чувствовал, что опоздал получить ту любовь, которую выделила ему нещедрая судьба. И не по своей вине... Война... Не будь этой войны...

— Ты, небось, думаешь, что я и в поле выхожу в полном параде, со звездой на груди и вдохновляю колхозников на трудовые подвиги... — продолжал Андро. — Девять шкур с меня спускают, милый ты мой... Никак, я перебрал сегодня,

уж очень разболтался с тобой. До мой пора.

Андро ушел, а Мамия вдруг почувствовал такое одиночество, будто остался совсем один в целом городе. Он вышел на площадь и присел на ступеньку памятника Ленину. Некоторое время сидел, низко опустив голову, потом взглянул на небо и подумал: «Хоть бы дождь, что ли, пошел...» Ему захотелось, чтобы снова заладил этот надоевший дождь. Как будто это могло спасти от одиночества.

Не успел он подумать, как дождь и вправду пошел, и не мелкой крупной, которая обычно постепенно усиливается, а прямо непроглядным ливнем. Мамия так обрадовался, что и не подумал встать и укрыться где-нибудь.

Но спустя некоторое время он все же поднялся и пошел через площадь. В лужах неровно мерцали отражения уличных фонарей.

— И вчера был дождь, и сегодня... — сказал Гага, подходя к окну. — Какой-то поезд стоит...

Мамия встал и выглянул в окно. — Товарный.

Дежурный стоял у вагона и разговаривал с проводницей. Проводница все время смеялась. Ваню снял свою фуражку и нахлобучил ей на голову. Тогда она всплеснула руками и засмеялась еще громче. Мужчина, до сих пор безмятежно спавший на скамье, наконец, приподнялся, пошарил обутыми ногами по полу, видно, искал по привычке ботинки, потом протер глаза, зевнул и, заметив Мамия с мальчиком, сконфуженно улыбнулся:

— Горазд я спать!

Мамия присел рядом на скамью.

— Табачком не богат? — поинтересовался мужчина.

Мамия протянул ему пачку сигарет. Он взял две штуки: одну положил за ухо, другую размял хорошенько и зажал в губах.

— Спасибо...

Он достал опички и закурил.
— Выспался? — спросил Ма-
мия.

— Как будто. Только вот про-
стыл, все тело ломит. Сыро тут.

— Ждешь поезда?

Мужчина улыбнулся.

— Нет...

Мамия не стал спрашивать —
какое, мол, мне дело...

— Схожу на рынок. Сегодня что
у нас — воскресенье?

— Да.

— Вот и ладно... Чемодан вот
только... — Он взглянул на малень-
кий ободранный чемодан. — Вы
еще долго здесь будете? — спросил
он у Мамия.

— Нет, — ответил Мамия, — не-
долго.

— А пусть его! Кому пона-
добится такое богатство!

Мужчина махнул рукой и ушел.

Гага смотрел на Мамия, с тру-
дом удерживая смех.

— Кто он такой?

— Не знаю, — пожал плечами
Мамия.

— И чемодан бросил...

— Знает, наверное, что делает.

Потом он спросил у мальчика:

— Как там, дождь не перестал?

Он хорошо слышал шум дождя,
и все же спросил.

— Все идет, — ответил Гага.

Мамия прошел через всю пло-
щадь и остановился перед киноте-
атром. На освещенной афише, под
стеклом, боец с перевязанной го-
ловой швырял гранату.

«Пять лет провоевал — и ни од-
ной царапины... Пять лет на пере-
довой — и выжил... Получается, что
только затем и началась война,
чтобы отнять у меня Тину».

Он долго смотрел на афишу,
словно определяя, на кого похож
солдат с гранатой.

Война не тронула его, она про-
сто отобрала у него самое дорогое
и оставила таким вот беспомощ-
ным, одиноким...

Странно, не столько уж он вы-
пил, чтобы лезли в голову подоб-
ные мысли...

Там, на фронте, он думал, что
вернется и все устроит как надо.
Вернулся — и ничего не смог сде-
лать... А так твердо решил: вер-
нусь — и все улажу. Первым
делом разрушу этот отвратитель-
ный забор, утыканный бутылочны-
ми осколками... И вот вам — раз-
рушил... Ни на что, ни на что не
способен... Только и умеет, что
проводить свои четыре урока в не-
делю, книжки читать, да о Тине
плакать. Да! Еще выпить. И в ок-
но глядеть, когда идет дождь. И
все?

— Гага, знаешь, я ведь тракто-
рист...

— Как это?

— А так, умею водить трактор.
Эта мысль возникла внезапно,
как лопнувшая по весне почка. До
сих пор она зрела и росла в нем
незаметно и тихо.

— На войне я был танкистом...

— Ну и что? — Мальчик ничего
не понимал.

— А то, что я не только учи-
тель... управляюсь и с лопатой, и с
граблями, и с вилами, если понадо-
бится...

Мальчик внимательно смотрел на
него.

— Не бойся, Гага, не бойся, я
им еще покажу! — Мамия вскочил,
прошелся по залу, потирая руки, и
повторил: — Не бойся, я тебе гово-
рю...

Потом он успокоился. Сел на
скамью и закурил.

Знать бы все это вчера, чтобы
сказать Тине.

С площади он завернул в темную
улочку. Он знал, что идет к Тине,
хотя и не признавался себе в этом.
Необоримая сила закрутила его и
понесла легко, как пушинку. Он
чувствовал, что обязательно дол-
жен повидать Тину. Для чего? Что

он мог ей сказать? И вообще, какое имеет на это право?

Никакого права он не имел и сказать ей ничего не мог. Не знал он и того, для чего шел к ней. Знал одно — он должен ее увидеть, только раз взглянуть, услышать ее голос... Ничего больше ему не надо... и права он никакого не имеет. А главное — и надежды на большее у него не было. Господи, ну какая-нибудь надежда ведь могла быть!.. Что такое право по сравнению с надеждой?! Право — это только стена, а надежда — железный лом, которым можно разрушить любую стену...

Он шел и уже явственно ощущал дождь. Ему приходилось продира- раться сквозь его струи, как через колючие заросли ежевики. Он спешил. И дождь только мешал ему.

Мамия не беспокоился о том, окажется ли дома ее муж. Дома так дома. Пусть обо всем узнает. Что с того?.. что с того?.. что с того?..

Он словно считал толчки собственного сердца. Нет, больше, чем толчки, больше и важнее, — считал годы, проведенные в одиночестве.

— Погоди, ты же видишь, я занят, — сказал Архимед своему убийце.

Мамия взбежал по лестнице и распахнул дверь.

Вначале ему показалось, что он ничего не увидит, так потемнело в глазах, но это только казалось — он увидел все с поразительной ясностью. Тина стирала. Она склонилась над корытом, и волосы ее рас-трепались. Рукава были закатаны до локтя, и кисти рук скрывались в мыльной пене. Там же, в углу, на керосинке стоял огромный котел для варки белья. В комнате было только одно окно. На подоконнике увядшие цветы в глиняных горшках. Занавеска с вышивкой.

На столике — сверкающая чистой посудой. Календарь на стене.

В комнате было жарко и, несмотря на раскрытое окно, стоял густой и теплый запах стирки.

Тина подняла голову и взглядела в вошедшего. Сначала она его не узнала или просто не смогла рассмотреть хорошенько. Потом лицо у нее изменилось. Она медленно вынула из корыта руки и обтерла их о передник. Убрала с лица волосы и неторопливо запахнула раскрывшийся ворот халатика.

— Простите... — сказал Мамия и опустился на стул у самых дверей.

Казалось, Тина совсем не удивлена. Только она почему-то не сходила с места.

Мамия сидел, опустив голову, и ждал, сам не зная чего.

— Отчего ты так поздно? — донесся до него спокойный женский голос.

Он ответил, не смея поднять голову.

— Простите...

— Бежал? — спросила Тина. — Не надо было так бежать...

— Я не бежал...

— Испугался чего-нибудь?

— Да, — сказал Мамия. — Да...

— Чего же?

— Ничего.

— Ты пьян, Мамия...

Голос ее смягчился.

— Да, — сказал Мамия и сразу поправился, — то есть, нет...

— Я же вижу, что пьян...

Мамия почувствовал, что Тина улыбается. Он поднял голову — она действительно улыбалась.

— Тина, — у него задрожал голос. — Тина...

— Погоди, я дам тебе воды...

Она была так спокойна, словно каждый день разговаривала с ним. Откуда она догадалась, что ему хотелось пить, что у него во рту пересохло.

Тина принесла в кружке воды и подошла к Мамия.

— Пей...

Мамия хотел сказать что-то, но во рту было так сухо, что говорить было трудно.

— Еще... — попросил он, напившись.

Второй кружки он пить не стал, поставил ее на стол и подошел к окну.

Только бы она не говорила, что останемся, мол, друзьями, я тебя уважаю, но у меня двое детей... только бы она не сказала — останемся друзьями... Это будет самое страшное...

Взгляд его упал на календарь.

— Этот листок уже можно сорвать...

— Сорви...

Мамия обернулся.

— Тина...

Она подошла совсем близко.

— Я знаю, Мамия...

Она не стала ждать, что он скажет дальше, подошла и положила ему на плечо руку.

— Ты совсем промок... Иди домой, Мамия...

Она сказала это так просто, что Мамия стало вдруг легко и спокойно, и он доверился, покорился этому голосу.

Вот Тина и сказала все. Что можно было к тому добавить?

Он пошел к дверям.

— До свидания, Тина...

Он толкнул дверь и повторил с порога:

— До свидания...

Тина улыбнулась.

— Опять дождь, — растерянно сказал Мамия.

— Да, дожди...

Последние слова он услышал уже на улице, а, может, ему просто почудилось, что она их сказала...

— Идем, Гага, этот дождь, видно, никогда не перестанет, — сказал Мамия.

— Куда?

— Домой... давай, я отведу тебя к тете Эленэ. Послушайся меня. Ты что, мне не веришь?

Мальчик не ответил. Он засунул руки в карманы короткого пальто и пошел. Нет, нельзя было отпустить его вот так, надо было еще что-то сказать.

— Постой, — окликнул его Мамия.

Он остановился.

— А ну, подойди к тому окошку...

Он показал на билетную кассу...

Мальчик не двигался с места...

— Чего же ты, иди, не бойся...

Гага нерешительно подошел к оконцу... Оно было закрыто.

— Постучи...

Он привстал на цыпочки, но не дотянулся.

— Мал ты еще, Гага, — улыбнулся Мамия.

Мальчик попытался еще раз, но убедился, что все равно ему не достать. И повернулся к Мамия.

— Не могу...

— Ничего... скоро подрастешь.

— Вырасту и буду большой-большой... — Гага мечтательно улыбнулся.

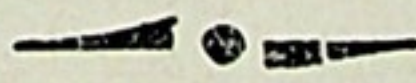
Когда они вышли на улицу, Мамия протянул ему зонтик:

— Держи, промокнешь...

— Не надо... я так... — мальчик отрицательно покачал головой.

— Я прошу тебя, — настаивал Мамия, — понимаешь, прошу.

Гага крепко взялся за ручку зонта и зашагал впереди. Его почти не было видно под широко раскрытым черным куполом.

ГАФЕЗ

ОРЕЛ

Я на скале высокой в небо вписан,
И силуэт мой четок издали.
К заоблачным, заиндевелым высям
Меня мои мечтанья увлекли...

Орел взлетает с голого утеса,
Мне вызов шлет с небесного пути:

«Ты весь свой век утаптываешь осыпь —
Попробуй-ка, подобно мне взлети!»

Орел! И вправду — небожитель ты,
И мне с тобою в небе не сравниться.
Но выше человеческой мечты
Ты не взлетишь, заносчивая птица!

* * *

Ночью была метель.
Ночью метель мела...
Смотрит в окошко ель —
Елка белым-бела!
Вчера была зелена —
Была молода она...

Ветер острей копья,
Снег залепил глаза.
Но солнце спасет тебя,
Зеленая егоза!

Брызнут лучи с высоты —
И помолодеешь ты...

Ночью была пурга...
Мне в справедливом бою
Запорошили снега
Молодость злую мою.

Ветер рассеял мглу,
И наступила весна...
Но неподвластна теплу
Эта моя седина!

ЗВЕЗДЫ

О звездах хорошо молчать,
О тьму изранив взгляд...
Здесь детства моего печать,
Мне здесь и камень — брат.

Вот рощица невдалеке,
За ней — плечо горы.
Вот тополя сошли к реке —
Зеленые костры...

Ушли те годы навсегда —
Их не вернуть назад, —
Когда всю ночь одна звезда
Мне свой дарила взгляд.

Я к ней взывал из темноты
В полночной тишине:
«Звезда моя! Ведь только ты
Дать счастье можешь мне!»

Зачем я годы вспомнил те?
Изведав жизни вкус,
Я и в кромешной темноте
Теперь не оступлюсь.

Иль тесно сердцу моему
Здесь, на плече горы?..
Мигают звезды мне сквозь тьму —
Далекie миры.

Перевод с осетинского Д. Маркиша

Нодар ДУМБАДЗЕ

Я, БАБУШКА, ЦИЦКО И ЦИМАРИОН

П О В Е С Т Ь

Перевод с грузинского З. Ахвледиани

Я вздрогнул, словно ужаленный, и проснулся. Пассажиры дремали. За окном вагона дождь лил как из ведра. Промокшие деревья, перегоняя друг друга, спешили где-то укрыться... Вдруг на лоб мне упала холодная капля, затем вторая, потом капли забарабанили чаще. Я отодвинулся, и вода потекла вниз, на чью-то голову.

— Эй, что ты там вытворяешь?! — завопил пострадавший, вытирая лоб ладонью и подозрительно нюхая мокрую руку.

— Я? Я — ничего. Это дождь, — ответил я спокойно.

— Так ты сообрази там что-нибудь...

— А что я могу сообразить? Небось вагон — не дом, черепицу не поправишь!

— Не болтай лишнего, сукин сын! Дырку-то заткнуть можно?

Я присел на койке, нащупал в потолке небольшое отверстие и вставил в него палец. Вода потекла по вытянутой руке, устремилась к животу... и вскоре я почувствовал, что дедовские сапоги наполняются водой.

— Ничего не получается! — сказал я и стал спускаться вниз.

— За что с нас деньги сдирают! — возмутился пассажир с билетом.

— Уж ты бы помолчал! Едет бесплатно и еще обижается! — огрызнулся безбилетный.

Я спрыгнул на пол, и вода из сапогов фонтаном брызнула до самого потолка.

— Скинь, парень, сапоги, простудишься, — посоветовал мне «топор», — протяни-ка ногу, я подсоблю!

— Ничего, дядя, не беспокойтесь! — Я ухватился за полки, подтянулся на руках и легко высвободил ноги из сапогов.

— Ого! — воскликнул «индюшачье яйцо». — Разве можно так безбожно истязать себя? Сшил бы себе на номер больше!

Вокруг засмеялись. Я с трудом втиснулся между двумя попутчиками. Дождь перестал, все облегченно вздохнули. Я согрелся.

— Слушай, — начал опять «топор», — убери хоть сейчас свой проклятый чемодан, иначе, вот те крест, выброшу его в окно!

«Индюшачье яйцо» молча взял чемодан и в сердцах забросил его на мою полку.

Продолжение. Начало см. в № 1, 2.

Снова наступило молчание.

Вдруг кто-то робко чихнул.

— Будь здоров! — отозвались хором со всех сторон. Потом чихнул еще кто-то. А спустя полчаса в купе только и слышно было, что пожелания здоровья, долгой жизни и благополучия.

— Ну, нет, так дело не пойдет! — заявил вдруг «топор». — Пока мы все не схватили воспаление легких и на этом вагоне не поставили красный крест, нужно что-то сообразить!

— Видать, не такой уж он балда, каким казался! — сказал владелец чемодана и вытащил откуда-то бутылку водки.

— У меня есть вино, целый пуд, вон там, на третьей полке, в бочонке... — вмешался в разговор молодой блондин, которого никто до сих пор не замечал.

— Нет, не нужно вина... Выпьем-ка лучше водки! — ответил «топор», радостно потирая руки.

— Воля ваша, — вежливо согласился блондин.

— Ты лучше вынь пробку из бочонка. Как бы он не лопнул и не залил всех нас! — обратился кто-то к молодому блондину.

Блондин молча выполнил приказ и снова сел.

Пассажиры стали доставать разную снедь. Кто-то пожертвовал нам еще бутылку водки, «топор» добавил две и сам же занял пост тамады.

— Товарищи! Среди вас нет ни одного, кто был бы моим товарищем, но знаете ведь, как бывает в поезде? В поезде люди сближаются, становятся друзьями. Кто мы? Откуда мы?

— Я из командировки возвращаюсь, — заявил пассажир с билетом.

— Вот и я об этом! — продолжал тамада. — А он кто? Откуда? Черт его знает! — «топор» указал пальцем на владельца чемодана.

— Как это — «черт его знает»? — подпрыгнул тот. — Ты что это разошелся?! Придержи язык, а то...

— Успокойся, успокойся, уважаемый. Дай досказать. Так о чем я говорил? Да. Знаете вы меня? Нет! Знаю я вас? Тоже нет! Поезд соединил, сблизил, сроднил нас! В том-то и заключается сила поезда. А поэтому — да здравствует поезд! — закончил он и опрокинул стакан.

— За наш поезд!

— Да здравствует поезд!

— М-да... Действительно, странно... За поезд! — сказал пассажир с билетом и передал стакан мне.

— Я, товарищи, первый раз еду в поезде, — начал я.

— Счастливый ты человек! — сказал владелец чемодана, которого, кстати, звали Антипо.

— Перед отъездом Илико и Илларион предупреждали меня — в поезде, мол, много жуликов и проходимцев, нужно держать ухо востро. Выходит, ошибались они. Вот этот, например... Как вас зовут, дядя? — обратился я к «топору».

— Амбако!

— Да, Амбако. Когда я впервые увидел его, подумал: «Куда этого типа черт несет?» А теперь... Теперь поезд нас сдружил! Да здравствует поезд! — закончил я и выпил.

Тамада снова наполнил стакан. Второй тост он хотел провозгласить стоя, но, больно стукнувшись головой о полку, тотчас же сел и начал:

— Когда бог научил обезьян человеческой речи, то первое слово, которым они обменялись друг с другом, было «здравствуй!» Потом вырубили леса, возвели дома, построили железную дорогу, пустили по ней поезд, сели в этот поезд мы и сказали друг другу «здравствуй!».

— Я никому не говорил «здравствуй!».

— Это вопрос вежливости...

— Так выпьем за то, чтобы люди всегда обращались друг к другу с теплым словом «здравствуй!» — закончил Амбако.

— Хороший тост!.. Подумать только, что такое доброе приветствие? Пустяк! А ведь находятся люди, которые не хотят сказать человеку этого доброго слова! Вот есть у меня товарищ, вместе в университете учились...

— Вы из какого села, уважаемый?

— Из Нигоити!

— Хорошее село. А какой нынче урожай?

— Благодарю, неплохой... Так вот, есть у меня товарищ...

— Который с тобой не здоровается? Знаем мы про это!.. А ты-то знаешь, что у нас всего один стакан? Выпей, ради бога, поскорей!

...Очередь снова дошла до меня. Я держал в руках стакан с водкой, смотрел на жидкость, наполняющую тело теплом, и мне хотелось рассказать этим незнакомым людям про бабушку, про Илико и Иллариона, про Мери, хотелось петь и кричать. Но я стыдился чего-то, стыдился так, как стыдится каждый деревенский мальчик своих залатанных брюк и дырявых чувяков...

— Будьте здоровы, друзья! — сказал я, прослезившись, и быстро сел.

— Я продолжаю, товарищи! — сказал тамада. — Вот мы говорили, что бог создал обезьян, потом от обезьян произошли мы. Ерунда это... Большинство людей произошло от собственных родителей! Не будь наших родителей, этот проводник не собрал бы сегодня столько денег. Не родись мы на этот свет, мы и этой водки бы не выпили. А не имей мы водки, не смогли бы выпить за родителей. Я не видел еще пьяного человека, который не вспомнил бы своих родителей!

— Когда я напиваюсь, я ничего и никого не помню, — заметил молодой блондин.

— Хорошо еще, что ты хоть об этом помнишь! — сказал Антипо.

После тоста за родителей мы осторожно подняли блондина и уложили на третьей полке, рядом с его бочонком.

Тосты продолжались. Скоро и Антипо был благополучно водворен на полку рядом со своим злополучным чемоданом. За трапезой остались я и Амбако.

— Я хочу, чтобы ты, дядя Амбако, познакомился со мной ближе, — попросил я.

— Кто же ты такой?

— Я — Зурикела Вашаломидзе!

— Что ж, фамилия у тебя хорошая, и выпить ты, видать, не дурак. А чей ты сын?

— Я сын моей бабушки, Иллариона и Илико.

Амбако вытаращил глаза.

— Может, еще чей-нибудь? — спросил он наконец.

— Больше ничей. А теперь я петь хочу.

— И потому едешь в Тбилиси?

— Нет, в Тбилиси я еду учиться. Ведь у меня есть аттестат зрелости. А у тебя есть? Нету! Ты и знать не знаешь, что такое аттестат зрелости. Да здравствует учение! — сказал я и опорожнил стакан.

— Я вот что тебе скажу... Ты, видать, неплохой парень... Ты слушаешь меня? Да перестань же смеяться, как дурак! Слушай! Я, Амбако Горделадзе, тоже еду учиться. «Куда тебе, старый хрыч, учиться!» — скажешь ты. Вот и напрасно. Учиться, брат, никогда не поздно... Вот, когда царя Николая с престола свергли... Да ты держись, не падай!.. Когда Николая, говорю, свергли с престола, я был таким же, как ты

молокососом. И думал я, что сидел царь на большой тахте¹, а потом пришли к нему рабочие и крестьяне, взяли его за ноги и стащили с той тахты... Так я тогда думал. А почему я так думал, знаешь? Неучем был, вот почему! Зато сыновья у меня ученые. Понял? Да здравствует учение!..

— Да здравствует, дядя Илларион!

— Амбако мое имя!

— Нет, Илико!

— Слышь, сынок, меня зовут Амбако!

— Дядя Илларион, дай-ка я тебя поцелую!

— Черт с тобой, Илларион — так Илларион, но если, бог даст, протрезвишься, зови меня Амбако!

— Не хочешь меня поцеловать?

— Чудак ты! Отчего не поцеловать хорошего парня?

Амбако вытер губы рукавом и громко чмокнул меня. Я положил голову на плечо Амбако и закрыл глаза.

— Помнишь, Илларион, как ты подстрелил бедного Мурада?

— Помню, сынок, как же не помнить!

— А помнишь, что ты тогда сказал?

— Ну-ка, напхни!

— Утешал меня, не плачь, мол, Зурикела!

— Да, да, вспомнил!

— А ты? Ты ведь тоже плакал!

— Я плакал? Ну да, конечно, плакал!

— А табак помнишь? Тот, которым нас угощал Илико?

— Как же, отличный был табак!

— Да нет, я спрашиваю про наперченный табак!

— Помню и про наперченный.

— Ты ведь знаешь: ты и Илико для меня дороже всех на свете!

— Знаю, знаю, сынок... А теперь засни!

— Бабушка уже спит. Нет, не спит. Думает обо мне...

— Конечно, думает, а как же? Бабушка ведь любит тебя.

* * *

Мчится поезд, плавно покачиваются вагоны, качается земля и все вокруг. Как бы поезд не сошел с рельс. Впрочем, мне бояться нечего — я сплю на груди Иллариона. Мозолистая, шершавая рука его нежно гладит меня по влажному лбу. Постукивают на стыках колеса. Поезд мчится, гудит.

— Ау-у-у, Зурикела, куда ты, ау-у-у!

— Иду, иду, бабушка! — кричу я и бегу сквозь легкий туман.

— Спи, сынок... — успокаивает меня кто-то.

ЧТО ТАКОЕ ДОМ

Я уже студент экономического факультета. Богатство мое по-прежнему состоит из одной пары брюк и одного несданного зачета по политической экономии. Пока я учился на первом курсе, мою стипендию аккуратно получала моя домохозяйка, причем при каждой получке она упрекала меня:

— Мог бы, лентяй, стать отличником...

Теперь, в связи с «хвостом», домохозяйку лишили стипендии, и поэтому к политэкономии мы готовимся вместе.

¹ Игра слов. Тахти — по-грузински трон и тахта.

— Ну как, когда сдаешь? — спрашивает она каждое утро.

— Отвяжись, ради бога, тетя Марта! — злюсь я. — Что ты пришла стала ко мне, точно моя бабушка!

— Пропадите вы оба пропадом! — кричит хозяйка. — Нужны вы мне... Ты думаешь расплатиться со мной или нет? Забыл про управдома? Сегодня опять он меня предупредил — держишь, говорит, непрописанного жильца, а про благодарность забыла?

— Ну и поблагодарила бы его! Жалко тебе хороших слов, что ли!

— Дурак! — в сердцах выругала меня хозяйка. — Садись и занимайся! Если тебе через два дня не восстановят стипендию, выгоню из дому!

— А может аспирантуру закончить за два дня? Подумаешь — дом! Конура какая-то!

— Может, ты желал комнату с ванной и горячей водой?

— Да, кстати, принеси-ка, пожалуйста, стакан горячего чаю!

— Чтоб тебе лопнуть! — злится хозяйка.

— И не забудь положить сахару!

Хозяйка уходит. А я грустно смотрю на свои конспекты. Тетя Марта живет в крохотном двухкомнатном домишке в конце Варазис-Хеви. Моя хозяйка — некрасивая, сварливая, но добрая женщина. У нее всего один жилец — я. Я занимаю одну комнату, в которой, кроме меня, помещаются одна кушетка, один стул, кошка Софья и коврик, на котором изображена женщина с рыбьим хвостом. У Софьи зеленые глаза. Утром, после моего ухода, она старательно чистит мою единственную тарелку, потом весь день сидит на подоконнике и глядит на старое тутовое дерево и прыгающих на нем воробьев... Софья — очень хитрая и себялюбивая. Вечерами она терпеливо ждет, когда я лягу и согрею постель. Лишь после этого она сходит с подоконника и осторожно лезет ко мне под одеяло. Я очень люблю Софью, нет, не то что люблю, просто очень привык к ней, — наверное, это и есть любовь. Откуда она пришла к нам — об этом ни я, ни моя хозяйка не знаем. Было это вечером. Она молча вошла в мою комнату, задрала хвост, потерлась боком о ножку кушетки и вопросительно взглянула на меня, словно спрашивала: «Я нравлюсь тебе?» Она была похожа на соседскую девушку, и поэтому понравилась мне. «Софья, Софья!» — позвал я ее. Она повернулась ко мне спиной и неспеша направилась к двери. «Куда ты, Софья, останься, пожалуйста!» — попросил я. И Софья осталась. С тех пор мы живем вместе... Софья чувствует, что дела мои обстоят неважно, и всячески старается поддержать меня.

Я в десятый раз перечитываю конспект и в отчаянии кладу его под подушку. Вчера вечером тетя Марта сказала мне, что я — страшный безбожник, отсюда и все мои беды. Я ответил, что, по-моему, самый отъявленный безбожник — это сам бог, лишивший меня покоя, а ее — стипендии. Тетя Марта заявила, что господь не простит мне подобного богохульства и потребовала, чтобы я немедленно пал на колени и вымолил у всевышнего прощения, дабы он не лишил меня дара речи. На это я резонно заметил, что всевышний уже лишил меня языка — второй раз выхожу на экзамен и не могу вымолвить ни слова! Тогда тетя Марта испуганно перекрестилась, плюнула и с шумом захлопнула за собой дверь...

...Сегодня утром я снова иду на экзамен. На всякий случай я решаю последовать совету тети Марты, становлюсь перед кушеткой на колени, воздеваю руки к потолку и молю бога:

— Боже, прежде всего, прошу тебя, сделай так, чтобы этот прогнивший потолок не обрушился мне на голову... Потом, боже всемогущий, сегодня, в 10 часов утра, у меня экзамен по политэкономии. Ты

знаешь, что такое товар? Корова, свинья и козел — это не товар, как я думал вначале. Но, с другой стороны, корова, свинья и козел — могут стать товаром. Не понимаешь? Я тоже не понимаю. Потому и прошу тебя — помоги мне сдать этот предмет! Не позорь меня перед Илико, Илларионом и бабушкой! Только не говори, что в мои годы ты учился на круглые пятерки! Это ты брось! Илларион тоже так говорит. Вы, старики, только и умеете, что читать молодым нравоучения!.. Если уж ты такой умный, забудь про вчерашнее и помоги мне на экзамене! Вот это будет по-божески! И в самом деле, что тебе стоит подбросить мне одну захудалую тройку?! Ну, как, боже, ты слышишь меня?!

— Эй, кто ты такой?! — раздался вдруг громкий окрик.

У меня от страха кровь застыла в жилах, во рту пересохло.

— Тебя спрашивают! — повторил голос.

— Я... Я... Я — Зурикс...

— Вашаломидзе?

— Да, Вашаломидзе!

— И не стыдно тебе жить без прописки?

— Что?!

— Ступай немедленно за мной в милицию! Там я тебе покажу «что»!

Кровь снова потекла по моим жилам.

— А ты кто такой?! — спросил теперь я и обернулся. Передо мной стоял высокий, тощий мужчина в видавшей виды шляпе, с истертым портфелем под мышкой, — наш управдом Доментий.

— А, дядя Доментий!

— Черт тебе дядя! — огрызнулся Доментий.

— Товарищ Доментий! — поправился я.

— Какой я тебе товарищ?! — вскипел Доментий.

— Ну, тогда мне все равно, кто ты, — взорвался я. — Отстань от меня, я спешу на экзамен!

— Придержи-ка язык! Одевайся поживее и марш со мной! — рявкнул Доментий и засунул руку в карман.

— Вынь руку из кармана, а потом разговаривай со мной! — повысил я голос.

Доментий даже застонал от удивления.

— Да ты!.. Да как!.. Как ты смеешь? Молокосос!..

— Говорю тебе по-человечески: оставь меня в покое, сегодня у меня экзамен! Завтра я сам пойду в милицию!

— Нет. В милицию ты пойдешь сегодня!..

Я понял, что Доментий не шутит. Софья догадалась, что я оказался в безвыходном положении, и начала истошно мяукать.

— Заткни ей глотку, не то вышвырну в окно! — крикнул Доментий.

Софья испугалась и замолчала. Я оделся.

— Нет у тебя сердца и жалости! Человек собирался на экзамен, а ты его тащишь в милицию, — говорил я, когда мы спускались по Барзис-Хеви.

— Это у меня нет сердца? — обиделся Доментий.

— У тебя! У кого же еще?

— А у тебя оно есть? Вот ты живешь без прописки и не думаешь о том, что отвечать-то за тебя придется мне! Скажут — Доментий покрывает непрописанных, Доментий с них... А ты мне что-нибудь давал? Ну, скажи, давал ты мне хоть одну копейку?

— Нет!

¹ Игра слов: по-грузински слова «скот» и «товар» звучат одинаково.

— То-то! А то — Доментий взяточник, Доментий грабитель, Доментий обманщик... На деле же... Сколько ты платишь за комнату? — спросил вдруг Доментий.

— Двести пятьдесят в месяц, — ответил я.

— Откуда у тебя такие деньги?

— Бабушка присылает.

— А у бабушки откуда?

— Занимает у Иллариона.

— А Илларион где достает?

— Если урожай хороший — продает вино, а нет — занимает у Илико.

— А где достает Илико?

— Да что ты ко мне пристал?! А тебе-то самому кто их дает?

— Никто. Потому и веду тебя в милицию!

— Говори прямо: что тебе от меня нужно?

— Мне — ничего. Отведу тебя в участок, сдам по всем правилам и доложу: вот, гражданин... Какая у тебя профессия?

Я пожал плечами.

— Прекрасно!.. Вот гражданин без определенной профессии, без прописки, провалившийся на экзамене... Ты по какому предмету провалился?

— По политэкономии...

— Тем хуже для тебя! Политически неграмотный, верующий... Ведь молился богу?

— Молился...

— Замечательно!.. Сдам тебя и... Ты в тюрьме сидел?

— Нет...

— Ну так пожалей себя! В два счета могу оформить тебе прописку. — Доментий остановился около закуской. — Ты меня понял?..

— Нет...

— Болван! О чем с тобой говорить, когда ты даже не понимаешь, что значит дом и прописка!.. Ну, что ты на меня уставился? Зайдем к Риголетто, закусим...

По правде говоря, я был очень голоден. Я посмотрел на Доментия благодарными глазами, нежно улыбнулся и последовал за ним в подвал.

Мы подсели к столику в углу закуской.

— Ну, что будешь есть? — заботливо спросил Доментий.

— Все! — живо ответил я.

— А пить?

— За твой счет хоть керосин! — пошутил я. Доментий улыбнулся и стукнул по столу рукой:

— Риголетто!

Из-за стойки вышел хромой буфетчик и замер на одной ноге у нашего столика.

— Привет, Риголетто! Знакомься — свой парень, хлебосольный, сегодня распоряжается он!

Я встал, вежливо поклонился, крепко, по-тбилиски, пожал руку Риголетто и назвал свое имя.

— Видать, крепкий парень! — сказал Риголетто и с сожалением посмотрел на меня, — Что прикажете подать?

— Два пива, два сыра, две зелени, — редиску не забудь! Два хлеба и бутылку водки! Икра есть?

Вскоре стол был накрыт.

Доментий наполнил стаканы, чокнулся со мной и молча выпил. Вторым стаканом выпили за наше знакомство. Потом Доментий произнес тост.

— Я, Доментий Хачапуридзе — маленький человек. Но Наполеон тоже маленький был, а мой отец — еще меньше него, но горы сворачивал. Я — управляющий домами, и сердце у меня мягкое. От меня висит — жить человеку в доме или на улице. Тебе приходилось жить на улице?

— Что я, беспризорный, что ли? — обиделся я.

— А вот захочу — и выгоню тебя на улицу, потому что ты не прописанный!

— А ты возьми и пропиши меня. И делу конец!

— Я-то возьму, но ты разве даешь?

— Что? — не понял я.

— Ладно, выпей! — сказал Доментий и наполнил стаканы. Мы выпили. И тут я заметил, что глаза Доментия начали косить.

— Ты знаешь, что такое дом? — продолжал он.

— А что тут знать? Дом это дом!

Доментий захихикал и снова взялся за стакан.

— Чудак ты! Дом — это прежде всего семья! Есть у тебя семья?

— Нет!

— Ну и дурак же ты, братец мой! В твои годы, если хочешь знать, у меня была уже вторая жена. Теперь я опять живу с первой... О чем я говорил? Да! Семья и дом неотделимы друг от друга. Не имеешь дома — не сможешь жениться, не женишься — не сможешь жену в дом привести! А ты знаешь, как появился дом?

— Знаю!

— Скажи!

— Из кирпича, досок, извести, камня, черепицы...

— Замолчи, жалкий ты человек!.. До того, как придумали кирпич, человек жил на дереве...

— В пещере, — поправил я.

— Одни жили в пещерах, другие — на деревьях... Потом человеку надоело жить на дереве, и он спустился на землю... А потом знаешь, что с ним случилось?

— Прошелся немного и снова полез на дерево...

— Нет, сперва он гулял, а потом ему стало холодно! И что он сделал?

— Надел пальто и согрелся!

— Идиот! Где тогда были пальто? Взял он кремь, высек огонь, развел костер и согрелся. Но ты же знаешь, природа коварна. Подул вдруг холодный ветер с востока. Взял человек и возвел стену с восточной стороны — чтоб огонь от ветра оградить. Подул потом ветер с запада, возвел тогда человек вторую стену с запада. Потом как налетит, как засвистит сквозной ветер — с севера на юг! Что оставалось делать бедному человеку? Поставил он еще две стены — с севера и юга. А дело было осенью. Хлынул дождь — холодный, проливной. Видит человек — плохо дело, гаснет огонь. Что делать? Тут он и сообразил перекрыть стены.

— Дальше?

— Дальше — новая беда: горит костер, дым ест человеку глаза — хоть плачь! Он — туда, он — сюда, что делать? Не разбирать же стены? А человек тем и отличается от животных, что соображать и говорить умеет... «Человек я, а ты животное»,¹ слышал ведь?

— Сам ты животное, Серапиона ты, вот кто! — сказал я и схватился за бутылку.

¹ Из стихотворения Ильи Чавчавадзе «Пахарь».

— Поставь бутылку, глупец! Руставели не читал, что ли? Так вот, чуть не задохнулся, несчастный. Потом он догадался: пробил отверстие в потолке, дым вышел, вздохнул он свободно... Сидит человек у костра, греется. И захотелось ему узнать — не перестал ли дождь. А как узнать?

— Очень просто: высунул бы руку!

— Куда?

— В окно, куда же еще!

— Болван! Окна-то ведь не было? Вот он и решил сделать в стене окно... А потом ему потребовалось выйти... Риголетто! Два по сто! — Доментий икнул и продолжал: — Пробил он дверь и получилось... Что?

— Отверстие! — ответил я.

— Вот идиот! Дом получился, понимаешь ты, дом!

— Не знаю, мой дед дом иначе строил...

— А мой совсем не строил, он в чужой вошел, но это неважно...

Потом человек привел из лесу собаку, поручил ей сторожить дом, а сам ушел. Привел жену, поручил ей вести хозяйство и снова ушел. Принес дичь... Стали они есть да похваливать... А потом пошли у них дети, внуки, правнуки, праправнуки... Появилось село, затем район, затем город и, наконец, столица... Столица Грузии — Тбилиси... Ты знаешь, с каким трудом создавался наш Тбилиси? А ты свой труд сюда вложил? Нет! Так как ты смеешь после этого жить в Тбилиси без прописки?! Но ничего, не огорчайся... Ты славный парень... Как тебя звать?

— Зурико!

— Зурико... С Мартой я поговорю отдельно, а с тебя возьму всего-навсего двести рублей, не больше... Смотри, только не проговорись!.. Как тебя звать?

— Зурико!

— Да. Значит, молчок! Понял, Зурико? — Доментий лукаво подмигнул мне, да так и остался с закрытым глазом. Тогда он подмигнул вторым глазом, и тоже не смог открыть его. Так он и заснул.

Окончание см. в № 5

А. Т. СТУЧЕНКО,
генерал-полковник

ЗАВИДНАЯ НАША СУДЬБА

II. РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

Утро 22 июня 1941 года застало нас в Москве, куда мы приехали из Серпухова в выходной день. Всею семьей сидим в квартире Брагиных за утренним завтраком. Вдруг...

— Внимание! Внимание! — Четкий, как-то по-особому суровый и встревоженный голос диктора предупреждает, что сейчас будет передаваться сообщение чрезвычайной важности.

И вот в эфире прозвучало страшное, отдавшееся острой болью в сердце каждого человека слово: «война»...

Через несколько часов я был в Серпухове. У входа в общежитие собралась почти вся наша группа. Настроение одно: драться не на жизнь, а на смерть. На следующий день началась дружная атака на кадровиков с требованием немедленно отправить нас на фронт. И, конечно, каждый хотел вернуться в родную стихию, в свою старую часть. Все мы, как один, протестовали против назначения в авиацию, в которой так и не успели прижиться. Вскоре мы начали разъезжаться по новым местам назначения. Большая часть группы попала в воздушно-десантные войска. Тех, кому удалось вернуться в свои части, мы считали счастливыми.

Меня вызвали в Наркомат обороны. Вхожу в большой кабинет. За столом сидит К. Е. Ворошилов, рядом Е. А. Щаденко, слева на диване Б. М. Шапошников, который выглядит очень усталым.

Окончание. Начало см. в № 1, 2.

— Ну, чонгарец, изменил коннице? Вон как вырядился, совсем летчиком стал! — встретил меня Климент Ефремович.

— В авиации он не по своей воле. Сам-то он все просит дать ему умереть в коннице, — вставил Е. А. Щаденко.

— Ну, раз так, пусть идет в конницу. Только не умирать, а воевать и побеждать.

— Я думаю, — тихо сказал Б. М. Шапошников, — вам надо работать в большом кавалерийском штабе.

— Только не это! — взмолился я. — Готов идти хоть в эскадрон, только на командную должность. Или забрасывайте меня во вражеский тыл — организую партизанский отряд.

Борис Михайлович, внимательно взглянув на меня, промолчал. До конца беседы он не проронил больше ни слова. А Климент Ефремович рассказал, как хорошо дралась конница, в частности, родная мне 6-я Чонгарская кавалерийская дивизия. Столкнувшись в первые же часы войны с немецко-фашистскими войсками, она показала чудеса храбрости и героизма.

— Бросались на танки, даже с шашками, понимаете? Видимо, поторопились мы расформировать конницу.

(Дело в том, что перед самой войной многие кавалерийские дивизии и даже корпуса решили переформировать в мотомеханизированные. Война застала большинство из них в небоеспособном состоянии: лошади были сданы, а автомашины и танки еще не поступили, да и люди не успели пройти переподготовку.)

— Сейчас будем исправлять ошибку, — сказал К. Е. Ворошилов. — Есть решение Политбюро ЦК и правительства о формировании кавалерийских корпусов и дивизий. Вы теперь тоже пойдете в конницу. Позже узнаете, кем вас назначат. А пока погуляйте.

В приемной я столкнулся с генералом Николаем Михайловичем Дрейером: его вызвали в этот же кабинет. Через четверть часа он вышел оттуда и, направившись прямо ко мне, спросил:

— Ты согласен идти ко мне в дивизию командиром полка?

— С радостью! — Я облегченно вздыхаю: вариант назначения на штабную должность, по-видимому, отпал.

Так я стал командиром 58-го кавалерийского полка отдельной 45-й кавалерийской дивизии, командовать которой будет Н. М. Дрейер. Эту дивизию мы должны сформировать в Коврове и в конце июля уже повести на фронт.

Формирование прошло быстро. Мы едва успевали принимать людей, снаряжение. Бойцы поступали из запаса, в основном обученные. Командиры были разные — и молодые, и старые, воевавшие еще в гражданскую войну. Но все одинаково горели желанием сражаться с врагом, не жалея жизни. Не было отбоя от добровольцев. В основном это были горьковчане.

В адъютанты мне был назначен лейтенант запаса Игнатий Леонардович Сакович, в прошлом директор ипподрома города Чебоксары.

Однажды Сакович попросил меня отпустить его на денек в Чебоксары.

— Хороших лошадей приведу, — сказал он.

Я не поверил ему. Подумал: «Соскучился по дому, хочет проведать семью перед отправкой на фронт». Но все же отпустил.

Каково же было мое удивление, когда Сакович привез восемь чудесных полукровных лошадей. Самую красивую — золотисто-рыжую Зою — я взял себе, двух лошадей приказал вести «в заводу» (в запасе), остальных отдал своим заместителям и комиссару И. И. Шаповалову.

В первых числах августа мы отправились на фронт. Ночью наш эшелон подошел к Москве. Начался налет вражеской авиации. Взрывы бомб, стрельба зениток, вой сирен угнетающе действовали на людей. В вагонах ржали и металась лошади. Они били ногами в стенки вагонов, кое-где уже проломил доски.

В ночь с 14 на 15 августа мы выгрузились и походным порядком двинулись в район боевых действий. Шли только вечерами и ночами. В колоннах царил тишина, слышался лишь приглушенный стук копыт да изредка произ-

несенная вполголоса команда. А с запада уже доносился гул канонады, кровавое зарево пожаров поднималось над горизонтом. В сводках Совинформбюро было мало утешительного. Наши войска отходят, враг занимает город за городом...

Днем укрываемся в лесах. Особенно прячем лошадей. Немцы ищут нас. С рассвета в воздухе появляются «рамы» — немецкие двухфюзеляжные самолеты «Фокке-Вульф-109». Обстреливаем их из автоматов и пулеметов, но проку от этого мало. Стоит им обнаружить лошадей, как с запада появляются бомбардировщики и засыпают нас бомбами...

17 августа мы остановились в лесу в районе Канютино. На следующий день нам уже предстояло идти в бой.

Враг рвался к Москве. На Витебско-Московском направлении наступали немецкая 9-я армия и 3-я танковая группа. Войскам Западного фронта было приказано преградить путь врагу. По замыслу Ставки 30-я армия, в которую вошла и наша 45-я кавдивизия, должна была нанести удар на Духовшину. Мы, кавалеристы, вместе со 107-й танковой дивизией получили задачу обойти город с запада и действовать по тылам группировки противника.

Но 18 августа у нас ничего не получилось. Авиация и артиллерия противника не подпустили нас даже к линии фронта.

На рассвете следующего дня дивизия вновь двинулась к линии фронта.

— Ваш полк головной. Надо уничтожить с ходу прикрытые немцев в поще и овладеть ею как исходным рубежом для атаки дивизии. — Генерал Дрейер ткнул пальцем в карту.

— Задача ясна, — отвечаю, — сейчас выброшу разъезды.

— Никаких разъездов, потеряем внезапность.

Я пытался возразить, но, видя, что это не поможет, скомандовал:

— Полк, рысью за мной марш!

На всякий случай все же приказал головному взводу первого эскадрона на галопе оторваться от полка и первым ворваться в рощу.

Вскоре эскадроны в конном строю приблизились к опушке. И тут началось...

Нас встретил бешеный пулеметный и автоматный огонь. Сзали рвались мины, отрезая нас от остальных полков дивизии и выводя из строя лошадей, тащивших пушки и пулеметные тачанки. «Кукушки» (как называли бойцы немецких снайперов), замаскированные в листве, били на выбор.

По сигналу эскадроны спешили и повели наступление в пешем строю. Артиллерия их поддержать не могла...

В разгаре боя я не заметил, что стал объектом для одной из «кукушек». Почувствовал это только тогда, когда мой адъютант лейтенант Сакович толкнул меня и пули пролетели мимо, пробив только околыш фуражки. В тот же миг стрелявший по мне фашист свалился с дерева, снятый меткой очередью автомата Саковича. Этот случай навел на мысль «прочесать» верхушки деревьев. В каждом эскадроне выделили взвод, который вел стрельбу по кронам деревьев. Результаты оказались превосходными. Но едва мы показались на противоположной опушке, как напоролась на такой плотный огонь, что вынуждены были залечь, а потом и отползти назад, под укрытие деревьев.

Жара невыносимая, в горле пересохло, а фляги пусты — всю воду отдали раненым. Ползу мимо глубокой воронки, наполненной наполовину водой. Свесив в нее голову и руки, лежит мертвый, вспухший от жары немец. Стараясь не смотреть на него, пью теплую, вонючую воду. Ползу дальше. Навстречу офицер связи. Он доставил приказ: выйти из боя и отойти на исходное положение. Приказываю эскадронам отходить. Прикрывая друг друга, начинаем выходить из боя. Я иду с последним эскадронам, задерживаю его на опушке. На дороге стоят наши орудия. Вокруг лежат убитые лошади.

— Вывезти пушки вручную!

Люди бросаются к орудиям. Но тут обрушивается на нас очередной минометный налет. Люди падают. Уцелевшие все же вытягивают пушки...

Подобрав всех раненых, эскадроны стали подходить к своим коноводам и разбирать лошадей. С ужасом вижу бьющуюся в предсмертных судорогах мою красавицу Зою, рядом с нею лежит убитый коновод. Иду, шатаюсь, как пьяный. Слишком много потрясений в один день — первый день боя.

Ночь тихая и темная. Небо закрыто тучами. Дышится тяжело: воздух перенасыщен влагой. Вот-вот брызнет дождь. Да он уже идет — мелкий, почти незаметный. В полночь втянулись в болотистый лес. Бесшумно перешли линию фронта.

Рассвет застал нас в густом лесу уже в тылу противника. Остановились. Выставили охранение, организовали засады. Через час появились первые пленные. Они в ужасе смотрели на нас и дрожащими голосами твердили:

— Казакен... Казакен... Майн гот!

Полученные разведывательные данные доложены генералу Дрейеру. Он приказывает 58-му и 52-му кавалерийским полкам выйти на опушку леса, с тыла атаковать расположенный в обороне 35-й

немецкий пехотный полк, чтобы облегчить нашей пехоте прорыв фронта.

Часам к восьми утра мы приготовились к атаке, развернувшись в две шеренги вдоль опушки леса. Дождь перестал. Выглянуло солнце. На листьях деревьев бриллиантами засверкали капли дождя. Тишина полная. С дерева в бинокль слежу за немцами. Они ничего не подозревают, ходят во весь рост по траншеям. Хотел уже подать сигнал ракетой, как вдруг наблюдатели заметили оживление у противника. Видимо, там готовились к завтраку. «Лучше подождать: ударим, когда начнут завтрак», — решил я и сигнала к атаке не подал. Через несколько минут начальник штаба Шубин доложил:

— Товарищ командир! Радиограмма генерала Дрейера: требует немедленно атаковать.

— Хорошо, — буркнул я, продолжая наблюдать за противником.

— Товарищ командир! Опять радиограмма, генерал передает требование фронта — атаковать немедленно.

— Товарищ командир! — слышу вдруг взволнованный голос Саковича. — Смотрите влево.

Взглянул туда и вздрогнул. Из-за выступа леса появилась колонна вражеских мотоциклистов. Пойди мы в атаку — как раз попали бы под ее фланговый удар...

— Товарищ командир! Опять радиограмма. Грозят под суд отдать за промедление.

Я в сердцах выругался, но решил продолжать наблюдение.

Выжидаю еще двадцать минут. И только когда мотоциклисты втянулись в ложину, поставили мотоциклы и тоже принялись за завтрак, я выпустил сигнальную ракету.

Эскадроны с мощным «ура» вылетели из леса. Грозно сверкнули клинки. Немцы, попав под шквал огня с тыла, на секунду онемели, а потом заметались в панике — кто бросился в траншею, кто побежал к лесу, навстречу нам, кто — к позициям нашей пехоты. Всюду их поджидала смерть. Рубили беспощадно. Но многие гитлеровцы уже опомнились и начали отстреливаться. Приближаясь к траншее, отчетливо вижу немца, поворачивающего пулемет в нашу сторону. Иду на него. Сверлит мысль: успеть бы до того, как он даст очередь... Безжалостно шпорю коня, замахиваюсь шашкой... но пулеметная очередь упредила мой удар на доли секунды. Конь по инерции прыгает через траншею. Успеваю нанести гитлеровцу сильный удар по голове и вместе со смертельно раненым конем падаю на землю.

— Товарищ командир! — кричит Сакович. — Вы ранены?

— Коня давай!.. Коня! — выдавливаю с хрипом.

И снова, уже на запасном коне, мчусь я к группе немцев возле куста. Бой разгорается беспощадный.

Спустя некоторое время мы уже подгоняем к лесу группу пленных. На поле много убитых и раненых вражеских солдат. Потери есть и у нас, но совсем незначительные. Специально выделенные команды подбирают раненых и убитых. Вижу, пора кончать. Даю сигнал отхода. Все бросаются в лес. Жадно всматриваюсь в позиции пехоты, но никакого движения ее в нашу сторону не замечаю. Очень досадно, что пехота не использовала нашу атаку с тыла, хотя бы в целях улучшения своих позиций. Почти у самого леса конь, на которого только что я сел, прошитый не то автоматной, не то пулеметной очередью, рухнул на землю, увлекая меня за собой. Снова пришлось менять коня...

Наш удачный набег был подробно описан в «Правде» от 14 сентября 1941 года.

Успешные действия нашего полка подняли боевой дух не только у нас, но и во всей дивизии. Однако на войне редко бывает все гладко. Не обошлось без неудач и жертв. Когда полки дивизии собрались в назначенном районе, чтобы ночью перейти линию фронта и возвратиться к своим, гитлеровцы подняли разведывательную авиацию и обнаружили нас. Район сбора подвергся минометному обстрелу на протяжении нескольких часов, вплоть до сумерек. Мы потеряли людей и лошадей гораздо больше, чем во время самого набега.

29 августа перед рассветом мы с пленными и трофеями перешли линию фронта. Командование встретило нас тепло и очень высоко оценило наши действия в тылу врага.

К 3 сентября наша 19-я армия вынуждена была правым флангом перейти к обороне, левым флангом же, вместе с 16-й армией, продолжала наступать в общем направлении на Духовщину.

45-я кавалерийская дивизия получила задачу быть готовой войти в прорыв на участке одной из стрелковых дивизий. Ранним утром 3 сентября мы начали выдвижение к линии фронта.

— Ну, Андрей Трофимович, — сказал мне Дрейер, — тебе опять быть в голове. Прорывайся с ходу. 55-й кавполк развернется вслед за тобой. Пехота должна сделать для нас «коридор», а расширить его придется нам самим.

Я ввел полк в лощину. До переднего края противника оставалось километра полтора. Слева от нас на большом бугре несколько командиров в бинокль наблюдали за боем.

— Кто ведет конницу? — слышал-

ся голос с бугра. — Быстро к командарму!

Передаю командование начальнику штаба и, прищипив коня, ^{с галопом} взлетаю по склону. Ищу глазами командарма.

— Я Конев, — сказал один из командиров.

Представляюсь ему и докладываю о полученном мною задании.

— Правильно, — подтверждает командарм. — «Коридор» вам пехота сделала, овладев вон тем хутором и рощей левее. Дело теперь за вами. Не теряйте времени, смелее прорывайтесь. — И неожиданно отрывисто и резко добавляет: — Назад вам пути нет, только вперед!

Я галопом догнал свой полк. До переднего края оставалось метров пятьсот, когда на нас обрушились мины. Послышались стоны раненых.

Надо развернуться для атаки. Но как? Лощина узкая, с крутыми, почти отвесными краями. Здесь и одному эскадрону не развернуться. Что ж, будем атаковать поэскадронно. Приказываю построиться в три эшелона.

Эскадроны уже шли галопом, когда с «прорванного» переднего края обороны противника застрочили пулеметы. Все смешалось. Передние лошади падали, переворачиваясь через голову. На них налетали скачущие сзади и тоже падали. Уцелевших всадников вражеский огонь прижал к обрывистым краям лощины. Такая картина представилась моим глазам, когда я оглянулся назад. Видя, что за мной уже никого нет, поворачиваю назад. Пытаюсь восстановить строй. Вдали показался головной эскадрон следующего за нами 55-го кавалерийского полка. Он тоже уже начал нести потери. Мои команды никто не выполняет. Видимо, люди просто не слышат их в грохоте стрельбы. Слева от меня сгрудились человек пятьдесят всадников. Спешившись, они пытаются укрыться от пуль. Подскакиваю к ним.

Возле меня, весь вымазанный в глине, стоит комсорг полка Фабрикантов. Под ним убили коня. Приказываю ему садиться на свободного. Под огнем кое-как собираем людей. Их уже больше сотни. Нельзя терять ни секунды, пули продолжают градом сыпаться на нас. Подняв над головой шашки, снова скачем в атаку. Вот и траншея, занятая врагом. В лицо нам полыхнуло свинцом. Несколько взмахов шашки — и мы по ту сторону траншеи. Топот сзади ослабевает, чувствую, что за мной следует совсем мало всадников. Дрожь охватила меня. С кем же атаковать дальше? Оглядываться не хочу — боюсь. Скачу, помня слова командарма: «Только вперед!». Метрах в трехстах от траншеи все же оглядываюсь. За мной скачут только несколько всадни-

ков, видимо, остальные вышли из строя уже за передним краем противника. Все... Конец... Перевожу коня в рысь, а затем, повернув кругом, возвращаюсь в лощину. Мимо меня, поддерживая друг друга, идут раненые. Кругом трупы лошадей.

«Кто же виноват?» — жжет мысль. — «Я, как командир, или кто другой? Зачем мы пошли в атаку в конном строю на непрорванную оборону противника?»

Глухой удар прерывает раздумья. Конь мой падает на колени, а потом валится на бок.

— Товарищ командир! — слышу взволнованный голос Саковича. — У меня коня убили, я, пока другого доставал, потерял вас из виду. Товарищ командир...

— Дай коня! — обрываю его.

Приказываю отводить остатки эскадронов за бугор, на котором стоит командарм. Вложив шашку в ножны, поднимаюсь на холм. Конева окружают те же командиры. Здесь же теперь и генерал Дрейер.

Слова официального доклада не идут на ум. Показываю рукой на лощину, на проклятую траншею:

— Видели?!

Командарм посмотрел на меня и ничего не ответил. Устало вздохнув, я повернул коня. Уже спускаясь с бугра, услышал, как Иван Степанович обрушился на командира стрелковой дивизии:

— За это расстреливать надо!

Прошло несколько дней после нашей неудачной попытки прорваться в район Духовщины. Пополнения мы не получили, если не считать возвратившихся после излечения во фронтовых госпиталях. Пришлось переформировать эскадроны, каждый эскадрон теперь насчитывал по 50-60 сабель.

Враг сосредоточивает силы для решительного наступления на Москву через Вязьму. Наш Западный фронт вынужден перейти к обороне. Правый его фланг, где сражается 22-я армия генерала Юшкевича, только что вырвавшаяся из окружения, подвергается особенно сильным атакам — здесь наступает девять немецких дивизий группы армий «Север». Ставка и командование фронта принимают меры для усиления этого фланга. Сюда перебрасывается и наша 45-я кавалерийская дивизия. В ночь на 11 сентября мы трогаемся на север. Утром 12 сентября подходим к городу Белому. Уже издали видим густые тучи дыма. А когда подошли поближе, перед нами открылась леденящая кровь картина. Вот что я записал тогда в своем дневнике:

«Город лежит в развалинах и дого-

рает. Ни одного целого дома. Удушливый дым, запах горелого мяса. Из-под груд щебня торчат руки, ноги, полуобгоревшие тела женщин и детей.

Видя такое, можно потерять рассудок. Находим двух полуживых от страха и горя стариков. С трудом выясняем у них, что произошло. На город налетела фашистская авиация. Бомбила вчера весь день, пока не осталось ни одного целого дома. Я смотрю на бойцов. На их лицах — гнев и решимость».

И когда нам под Андриаполем нужно было идти в атаку, я обратился к бойцам и напомнил им город Белый.

Неделю наша кавалерийская дивизия металась с одного участка фронта 22-й армии на другой, помогая пехоте, которая вела изнурительные и кровопролитные бои. Правда, нам не привелось побывать в серьезных схватках, но от постоянных переходов люди и кони очень устали. Плохо было с фуражом для лошадей, особенно с овсом — его нам просто не успевали доставлять. А на Вяземско-Московском направлении назревала катастрофа. Немцы готовили операцию «Тайфун»: в районе севернее Духовщины создавалась группировка из основных сил 9-й армии и 3-й танковой группы, а в ста километрах южнее (в районе севернее Рославля) создавалась вторая группировка из 4-й армии и 4-й танковой группы. Обе группировки должны были нанести удар на Вязьму, окружить основные силы Западного фронта западнее Вязьмы и создать условия для беспрепятственного наступления на Москву. Вяземско-Московское направление защищали 19-я армия генерал-лейтенанта И. Ф. Лукина, 16-я армия генерал-майора К. К. Рокоссовского и 20-я армия генерал-лейтенанта Ф. А. Ершакова. Сюда в последних числах сентября была перебросена наша 45-я кавдивизия, составлявшая резерв фронта.

Переброска совершалась по железной дороге. Во время погрузки на станциях Селижарово и Кувшиново пришлось отбивать воздушные налеты врага. Путь же был относительно спокойным, выгрузка тоже. На станции Новодугинская, не успев еще сосредоточиться после выгрузки, мы получили приказание командующего фронтом немедленно выйти к Соловьевской переправе через Днепр и прикрыть ее, остановив немцев, которые сбили пехотные части и теперь двигались вдоль берега реки с севера. Если гитлеровцы захватят переправу, будет сорван план отхода наших войск за Днепр, в руки противника попадет вся техника.

Дивизия с ходу ввязалась в бой. Начался он не очень организованно. У нас не было достаточных разведывательных

данных — не имели времени их добыть. Не успели мы подтянуть и свою артиллерию. А самое главное — кавалерийские полки вошли в столкновение с противником, пройдя боевые порядки отходивших частей пехоты, что вовсе не способствовало укреплению боевого духа конников. И случилось то, чего мы больше всего опасались. Масса отступающих захлестнула кавалерийские полки и увлекла их за собой. Исключением составил лишь наш 58-й полк, но и то, пожалуй, лишь потому, что находился в резерве комдива.

Генерал Дрейер, начальник штаба и я стояли на песчаном холме, поросшем лесом, и в бинокль наблюдали безотрадную картину отхода пехоты вперемежку с кавалерийскими полками. Генерал Дрейер, сгорбившись на своем огромном коне, в отчаянии схватился за голову.

И в это время ему подали радиogramму. Дрейер прочитал ее и, облегченно вздохнув, протянул мне. Читаю:

«По распоряжению командующего фронтом дивизию передать тов. Стученко. Вам явиться в штаб фронта. Лукни».

— Сдавать нечего, дивизия-то вот она... все ты знаешь, — сказал Дрейер. — Желаю успеха.

Генерал пожал нам руки, повернул коня и галопом ускакал.

Итак, на меня вдруг неожиданно навалилась вся ответственность за дела на этом участке. А обстановка такая, что действительно остается только за голову схватиться. Принимаю решение: 58-му кавполку занять опушку леса и, пропустив через свои боевые порядки отходящие части, остановить наступление фашистов. Дополнительно приказываю вновь назначенному командиру полка Шубину организовать службу завесы для сбора полков своей дивизии и отступающей пехоты. К вечеру порядок был наведен. Оправившиеся пехотные части сменили 58-й кавполк. Вся наша дивизия, собравшись и приведя себя в порядок, тоже была готова к бою. Много поработали офицеры штаба и политотдела дивизии. Они действовали весьма решительно, смело, проявляя разумную инициативу. Останавливали, собирали, ободряли людей, на ходу разъясняли им задачу.

Немцы, напорвшись на организованный огонь с опушки леса, остановились, а потом, оставив здесь небольшие силы, повернули влево, видимо, пытаясь нас обойти. Данные разведки подтвердили эту догадку. Надо было помешать противнику обойти наш фланг. Я доложил обстановку командарму. Он одобрил наши действия, но напомнил, что дивизия в назначенный район все еще не выш-

ла и прикрытие переправы по-прежнему остается нашей боевой задачей.

С рассветом мы тронулись в путь. К месту назначения прибыли в самый нужный момент. Под давлением превосходящих сил противника наши разрозненные подразделения отходили. Следом за ними густыми толпами шли немцы, беспорядочно стреляя из автоматов и оглашая окрестность пьяными криками. Они настолько были уверены в своей победе, что двигались без всякой разведки и охранения. Их беспечностью мы и воспользовались. Почти на глазах у немцев, в полукилометре от них, за небольшой высоткой развернулись для атаки в конном строю два наших кавалерийских полка. Заняли огневые позиции артиллерийские батареи. Ко мне подошел артиллерийский командир Флеров Иван Андреевич¹ и предложил дать по немцам залп из «катюш». До этого я только слышал, что есть какие-то «катюши», но ни разу их не видел. Не дожидаясь «катюш», я приказал своим батареям открыть беглый огонь по немцам и, выхватив шашку, подал команду для атаки.

Проскакав метров двести, мы очутились на открытом месте, откуда было видно, как немцы, попав под огонь наших орудий, мечутся, пытаясь встать в цепи — принять боевой порядок. И тут послышался непривычный для слуха шелестяще-свистящий звук, и над толпой гитлеровцев выросли столбы огня, дыма и взметенной взрывами земли. Заговорили наши «катюши». Немцы в ужасе попадали и лежали, пока над их головами не перестала бушевать огненная буря. Потом они, как безумные, заметались по полю. Наши всадники с криком «ура» налетели на них. Через несколько минут от пьяной толпы гитлеровцев почти ничего не осталось, лишь некоторые успели убежать в лес, многие были захвачены в плен.

В течение первой недели октября враг двумя группировками севернее и южнее Ярцево продолжал наступать на Вязьму, охватывая 19-ю, 20-ю, 24-ю, 32-ю армии и группу генерала Болдина, в состав которой были включены резервные соединения Западного фронта. Попытки группы Болдина контрударом задержать продвижение северной группировки противника успеха не дали, и к утру 7 октября кольцо окружения замкнулось восточнее Вязьмы. С запада, форсировав Днепр, наступали 5-й,

¹ В эти дни капитан Флеров взорвал батарею, чтобы она не досталась врагу, и сам при этом погиб. Указом Президиума от 14 ноября 1963 года И. А. Флеров посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

8-й и 20-й армейские корпуса немцев, теснее сжимая кольцо вокруг наших войск.

САМЫЕ СТРАШНЫЕ ДНИ

Штаб выслал разъезды, чтобы связаться с соседями на флангах. Они вернулись с тревожной вестью: ни справа, ни слева наших частей нет, и противник обходит нас на обоих флангах. В ночной темноте беспрерывно трещат немецкие автоматы, со всех сторон взвиваются осветительные ракеты. Пытаюсь связаться со штабом армии, но разъезды теряют людей, а пробиться не могут.

Если подходить к делу формально, мы могли бы спокойно просидеть на месте до четырех часов утра. Но мучила мысль: что с командным пунктом армии? Может, командарму и штабу нужна наша помощь?

А разъезды опять возвращаются ни с чем.

— Дай я попробую, — сказал мне комиссар дивизии А. Г. Полегин. В эти тяжелые дни в полной мере раскрылись замечательные качества нашего комиссара. Александр Гаврилович всегда был первым в бою, мастерски владел шашкой, он умел заечь сердца людей пламенным словом, которое делало бойцов отважными и решительными, вселяло веру в светлое будущее и вело на подвиг во имя этого будущего.

Полегин разделял мои волнения. Он так же, как и я, считал, что надо во что бы то ни стало связаться со штабом армии и узнать, что там произошло.

— Дай мне двух разведчиков и двух коноводов. Я подъеду ближе к хутору, спешусь и незаметно проберусь на КП, — предложил он.

Очень не хотелось его отпускать, но все же я дал согласие. Быстро отобрали нужных людей. Я обнял Полегина. Мы поцеловались.

— Адрес не потерял? — спросил он.

— Нет, — ответил я (мы с ним давно обменялись домашними адресами и дали друг другу слово, что в случае гибели одного другой найдет его семью и будет о ней заботиться). — Береги себя!

Я с тревогой ожидал возвращения разъезда. Наконец послышался приглушенный топот и показались силуэты всадников.

Комиссар все-таки пробился на хутор, где размещался штаб армии, но уже никого там не застал. Удалось выяснить, что еще в полночь оба командарма и Болдин, собрав своих штабных работников и сколотив отряд, насчитыва-

ющий человек шестьсот, забрали радиостанцию и ушли в неизвестном направлении. Итак, мы около четырех часов сидим здесь зря — ведь прикрывать-то уже нечего.

В пятом часу утра полки по моему приказу бесшумно снялись с места. Держа коней в поводу, мы начали движение на юг, как приказал еще вечером командарм.

На рассвете 13 октября дивизия подошла к деревне Жипино. Разъезды, высланные нами, были встречены огнем: в деревне стоял враг. Чтобы избежать ненужных потерь, я решил обойти ее с северо-запада и повел дивизию через лес на деревню Буханово. Но до нее мы не добрались. У ручья головной эскадрон попал под ураганный автоматный и пулеметный огонь. Стало ясно, что пробиться здесь будет еще тяжелее. Решил вернуться назад, в Жипино. Немецкий гарнизон в Жипино видел только наши разъезды и ничего не подозревал. Мы внезапно навалимся всей дивизией и сомнем его. Я приказал Саковичу вызвать ко мне командиров полков. Но Сакович не успел даже отъехать, как с деревьев посыпались на нас автоматные очереди. Немецкие «кукушки» в упор расстреливали всадников и коней.

Ранило коновода. Пулей оторвало кончик уха у моего коня. Мотнув головой, конь забрызгал меня кровью.

— Товарищ командир, вы ранены? — вскричал Сакович. Он заслонил меня своим телом, и следующая очередь, предназначавшаяся мне, сразила моего верного друга, заботливого, самоотверженного, скромного, любящего человека... Он за смертью упал с коня.

В треск автоматов вплелись разрывы мин. Падали люди, кони. Приказываю своему комендантскому взводу спешиться и открыть огонь по деревьям. Это сразу дало результаты. «Кукушки» на ближайших деревьях смолкли. Примеру комендантского взвода последовали и другие всадники. Наконец удалось навести относительный порядок. Подобрали раненых, уложили их на пулеметные тачанки, на хозяйственные и санитарные повозки. Полки организованно оставили лес и к девяти часам утра вновь вышли к Жипино.

Я отдал приказ: 55-му и 58-му кавполкам атаковать в пешем строю в одной цепи, 52-му кавполку по сигналу красной ракеты атаковать в конном строю. И тут совершенно неожиданно увидел я перед собой командира 127-й танковой бригады генерал-майора танковых войск Федора Тимофеевича Ремизова.

— Здорово, кавалерия! — приветствовал он меня.

— Здорово, танкисты! — отвечаю ему в тон. — Много вас?

— Танков всего у меня три, все КВ. Вот они, в кустах, на ходу, и боеприпасы есть. Остальные вчера потерял, пытаюсь пробиться через Вязьму.

— Да, танков немного, но и это хорошо. Будем пробиваться вместе. — И я изложил ему план атаки, предложив поставить танки в наш боевой порядок в центре, рядом со штабом. Ремизов согласился. Он познакомил меня с комиссаром бригады и начальником штаба.

В десять часов, после короткого огневого налета, мы пошли в атаку. За цепью спешенных кавалеристов шли пулеметчики, они время от времени открывали огонь, помогая нам продвигаться. В ста—ста пятидесяти метрах от деревни в наших боевых порядках стали рваться мины. Цепь начала редеть и вскоре залегла. Еще рывок, и мы были бы в деревне, а тогда уже считай—прорвались. И вот на этот рывок сил не хватило. Особенно много потерь приносили центру нашей цепи пулеметы, установленные на крыше дома. Одна из тачанок на галопе вырвалась вперед, развернулась, и в тот же миг ее пулемет открыл огонь по этой крыше. Через минуту смертельно раненный наводчик свалился. Его заменил помощник, но вот и он упал, схватившись руками за грудь. Тогда ездовой, привязав вожжи за передок тачанки, перемахнул через спинку своего сиденья и, присев за пулемет, возобновил огонь. Мы с волнением налюбовались за ним. Пулеметы врага на крыше смолкли. Но наша радость сменилась болью: прямым попаданием мины тачанка была разнесена в куски. К великому сожалению, мне так и не удалось узнать фамилии пулеметчиков-героев.

Решив, что настало время, пускаю красную ракету. Сверкая шашками, с криками «ура» 52-й полк во главе с подполковником Герасимом Ефимовичем Фондеранцевым с остатками нашей пешей цепи почти без потерь ворвался в деревню. Но где же танки генерала Ремизова? Во время атаки их не было с нами, а как бы они нам помогли, сколько людей сохранили! И только когда мы миновали деревню и дошли до шоссе, на дорогу выползли три знакомых танка. Спрашивать танкистов, что у них произошло, было некогда: со стороны Вязьмы показались вражеские танки и начали нас обстреливать. Наши подразделения под огнем пересекли шоссе и залегли в кустарнике по другую сторону его. Но тут мы подверглись сосредоточенному обстрелу минометов и артиллерии. Люди укрывались в щелях и

землянках — их здесь оказалось много. А лошадей укрыть было невозможно, и они гибли десятками. В кустарнике, который занимал площадь около двух квадратных километров, собралось много людей из других частей. Они вынуждены были тут скрываться, потому что дальнейший путь на юг преграждала река Вязьма, через которую не было переправ. К тому же на противоположном берегу были немцы. Первые наши разъезды, вышедшие к реке, были обстреляны с противоположного берега и с моста, находившегося в полутора километрах правее нас.

Пришлось ждать темноты. К ночи пошел первый мокрый снег. Он падал большими хлопьями и тут же таял. Холод и слякоть ухудшали и без того подавленное настроение людей. Враг продолжал обстреливать кустарник. Организовав разведку и охранение, штаб начал под огнем приводить в порядок остатки дивизии. Собралось около четырехсот всадников, шесть пулеметов на тачанках, с десятков двухпарных повозок. С наступлением темноты огонь противника стал слабее, что облегчило организацию переправы. Посланные мною разъезды возвратились с весьма неутешительными известиями: берега топкие, болотистые, река широкая — не менее четверти километра. Противоположный берег занят небольшими гарнизонами немцев, расположенными друг от друга на расстоянии 800-1 000 метров. Наиболее подходящим местом для переправы признан плес в трех километрах восточнее шоссе моста. Ближайший немецкий гарнизон на том берегу — в деревне Степаньково, в шестистах метрах западнее намеченного места.

Ночь была темной. Казалось, сама природа хотела выручить нас. Ощупью вышли к реке, держа лошадей в поводу. Посылаем несколько всадников проверить глубину реки и характер противоположного берега. Но, как ни бились конники, ни одна лошадь, пугаясь топкого дна и холодной воды, в реку не пошла. Тогда вызвались три смельчака. В одном белье вошли они в ледяную воду, таща за собой длинную веревку.

Вслушиваемся в удаляющиеся всплески. Люди плывут в ледяной воде. С замиранием сердца следим за веревкой. Вот она натянута. Значит, немцев нет. Радостный вздох вырывается у всех. Теперь мы тревожимся за пловцов. Один останется там, а двое должны вернуться. Снова томительное ожидание. Но вот они на нашем берегу. Укутываем смельчаков в сухие попоны, даем им хлебнуть водки.

Но как все же переправляться? Кони не идут в воду! И как быть с ранеными... А что, если использовать кузова

повозок-тавричанок? Они без щелей, значит, тонуть не будут. Приказываю снять один кузов и испытать ча всде. Результат превзошел все ожидания. Кузов свободно держит трех человек. Теперь надо загнать в воду лошадей. Пробуем нескольких из них связать цепочкой — каждую поводом за хвост впереди идущей. Первой ставим самую послушную. Ее тянут за повод с импровизированного парома. Неохотно, но все-таки вошли лошади в воду. Снимаем с ходов еще шесть кузовов и пускаем их вместо лодок.

Переправа началась. Довольно часто взвивались в небо ракеты, но туман и падающий крупными мокрыми хлопьями снег надежно маскировали нас.

Первыми высадились на левом берегу и заняли оборону пулеметчики. Затем начали переправлять раненых и разведку. Посылаю туда и нескольких командиров, чтобы сразу же организовать управление переправившимися подразделениями. Но вот к кузову-лодке подбегает какой-то боец и кричит в истерике:

— Сейчас же посадите меня, а то открою огонь — пусть немцы услышат и перестреляют вас всех.

Еле сдерживая себя, подхожу к нему, объясняю, что в первую очередь переправляем раненых. Но он ничего не хочет слушать, орет, ломится в кузов. Немцы услышали — над рекой сразу взвилось несколько ракет, треснули автоматные очереди. К паникеру потянулись десятки рук. Схватили, зажали рот. Покончили с ним мгновенно и без единого выстрела. Суровые неписанные законы войны свершили свое дело.

Часам к пяти утра все люди были на правом берегу. Непрерывно падал мокрый снег, временами переходящий в холодный дождь. Все вымокли до нитки. Бойцы забиваются в пещеры и какие-то землянки, вырытые на берегу.

Ждем возвращения разведчиков. Перед ними поставлены две задачи: найти свободные участки для прохода на юг и связаться с группой Лукина, которая, выполняя приказ командующего фронтом, должна тоже продвигаться на юг, в район Стогово. Мы так и не встретились с ней. С Михаилом Федоровичем Лукиным мне довелось снова увидеться только в 1954 году. Во время одной из встреч, в ноябре 1962 года, он подробно рассказал, что случилось тогда с ним и его товарищами.

Покинув район своего командного пункта, группа командиров во главе с Лукиным и Болдиным двигалась на юго-запад. На второй день во время перестрелки с противником Лукин был ранен в ногу осколком мины. Идти он не мог, и его несли товарищи. Добрались до какого-то леса, нашли здесь

покинутые землянки. Лукина поместили с тяжело раненым начальником особого отдела 24-й армии. Спустя несколько минут раздался крик:

— Немцы!

Затрещали выстрелы. Раненые с трудом выползли из землянки. Начальника особого отдела фашисты схватили сразу же. Лукину в суматохе перестрелки удалось было скрыться в кустах, но он получил еще две раны — в уже поврежденную ногу и в руку (рука и сейчас мертва — перебиты нервы) — и потерял сознание. Очнулся уже в немецком госпитале. Ему ампутировали ногу. До конца войны пробыл он в фашистских застенках. В плену генерал вел себя с достоинством, как подобает настоящему советскому патриоту.

(Сейчас М. Ф. Лукин в отставке, живет в Москве, работает в Комитете ветеранов войны.)

В шестом часу утра, разделившись на два отряда, мы тронулись на юг. Шли параллельными колоннами в стороне от дорог. На поводу вели лошадей, на которых сидели раненые. Впереди — пешая разведка. В темноте подошли к железной дороге. Переваливаем через высокую, крутую насыпь. Лошади скользят, падают. Да и люди с трудом удерживаются на ногах. По-видимому, враг услышал шум. Чуть только мы отошли от насыпи, впереди, с флангов, ударили автоматы и пулеметы.

Через несколько минут вспышки впереди нас прекратились. Становится ясно, что мы прорвались через заслон, хотя так и не встретили ни одного немца: наверное, разбежались в стороны. А с флангов и с тыла все еще трещат пулеметы и автоматы. Беспрерывно взвиваются ракеты. Связи с левой колонной нет. Посылаю связных. Вернувшись, они докладывают, что левая колонна входит в лес и там будет ждать моих распоряжений. Мы тоже поворачиваем в этот лес. Вскоре обе колонны соединились.

Наступал рассвет. Решено остановиться в лесу — привести себя в порядок, попытаться связаться с армией генерала Ершакова. Две пеших разведпартии уходят в поиски. Организовали охранение.

Люди дрожат от холода. Пришлось, когда рассвело, разрешить развести костры — один на 15-20 человек, но обязательно из сухих сучьев, чтобы дыма не было.

К полудню бойцы обсушились и отдохнули. Выглянуло солнце. Настроение начало подниматься. Появилась надежда на соединение со своими. Мы считали, что части 20-й армии ведут бой в окружении где-то южнее Стогово. Правда, шума боя не было слышно,

но это нас не смущало. Я приказал начальнику штаба взять на учет всех прикнущих к нам людей и как-то организовано оформить. Их у нас уже более шестисот. Люди продолжают прибывать и в одиночку и группами. Они из разных родов войск, разных званий — от рядового до генерала. Конники 45-й кавдивизии уже стали растворяться в этой разношерстной массе, но пока все же мы по-прежнему называем себя 45-й кавалерийской.

Возвратилась разведка и донесла, что армии Ершакова больше не существует. Разведчики привели с собой нескольких уцелевших командиров и красноармейцев этой армии. Они рассказали о тяжелом бое, который произошел недавно. Мы побывали на этом страшном месте. Развороченную землю усеивали трупы наших и немцев. Здесь же в беспорядке валяются искорканые повозки, орудия, машины. Раненые лошади с низко опущенными головами бродят по мертвому полю. А вокруг — зловещая тишина.

Собираю командиров и политработников. Советуемся, что делать дальше. Один предлагает разбиться на мелкие группы по восемь человек и каждой из них прорываться самостоятельно, другие возражают. Я кладу конец спорам, высказывая свое решение: всем быть вместе и пробиваться организовано, силой. Именем Родины обязываю всех безоговорочно выполнять мои приказы.

Тут же решили и организационный вопрос. Вместо полков и эскадронов, создаем отряды, назначаем в них командиров и комиссаров.

Затем, уже в более узком кругу, определили конкретный план действий.

С наступлением темноты трогаемся в путь. Подошли к железнодорожной станции Пятница. Наша разведка нарывалась на пулеметы и с потерями отошла. Новая разведка получила задание подойти к станции с юга. Прождали ее часа два — как в воду канула. Снова посылаю разведывательную группу. Она тоже бесследно исчезает. Не выдержав, беру с собой человек двенадцать и отправляюсь с ними в разведку. Нашли укрытый участок. Через него и веду весь отряд. Вот и преодолели насыпь. Двигаемся теперь параллельно железной дороге в полукилометре от нее. Я по-прежнему следую во главе разведки. Главные силы идут за нами в 200-300 метрах — на расстоянии зрительной связи. Помогает луна. Она освещает окрестность, и от лунного света блестит слегка запорошенная снегом земля.

Прошли мы таким образом около двух километров. Внезапно начался обстрел с полотна железной дороги.

— Ложись!

Разведчики быстро выполняют команду. Но потери все-таки несем: один убит, другой ранен.

Лежа под пулеметными очередями, подымаю голову. Как там наш отряд? Но его уже нет — он скрылся в ближайшем лесу.

С четверть часа пролежали мы, прижатые к земле ливнем трассирующих пуль.

На миг стрельба утихла. Но только шевельнулись — снова ливень свинца.

— По одному ползти за мной к лесу! — подаю команду.

Ползли мы минут сорок-пятьдесят. На опушке поднялись и бегом бросились в лес. Долго искали главные силы отряда — не нашли. Только теперь я осознал глубину своей ошибки. Разве имел право командир дивизии превращаться в командира разведывательной группы? В результате отряд остался без руководства.

Успокаивало одно: отряд должен следовать по намеченному маршруту, значит, мы сможем его догнать. Надеюсь на это, мы двинулись вперед по намеченному маршруту.

Уже рассветало. Идти дальше было опасно. Мы вошли в перелесок севернее станции Угра и расположились на отдых. Отдых был относительный, так как все промокли от ползания по влажному снегу, дрожали от холода, а костра нельзя было разжечь — не было сухих дров, да и боялись, как бы немцы не увидели дым.

Словом, итог малоутешительный. Пробиться мы пробились, но с потерями. А самым неприятным было то, что мы оторвались от главных сил отряда и с каждым часом гасла надежда на соединение с ним. Настроение у всех препаршивое. Не знаю, что было бы со мной, если бы тогда я знал, что отряд все-таки распался на мелкие группы — сказались вредные разговоры, которые, видимо, мы так и не смогли пресечь до конца.

И не знали мы тогда, что эти группы стихийно, неорганизованно двинулись по кратчайшим направлениям к линии фронта. Некоторые из них прорвались в районе Наро-Фоминска, а некоторые совсем не вышли к своим.

Ночью выбрались мы из лесу и тронулись на юго-восток. Подошли к деревне. В некоторых домах горел свет. Осторожно подкрались к крайнему дому, засели и стали ждать. Вот открылась дверь, и во двор вышла женщина.

— Ох! Кто это? — испуганно воскликнула она.

— Тихо!

Расспросив женщину, мы выяснили, что в деревне размещены пленные — раненые советские бойцы и командиры. Их семьдесят человек. Ухаживают за

ними наши врачи и медицинские сестры. Все раненые в тяжелом состоянии, самостоятельно двигаться никто не может. Их охраняют немецкие солдаты нестроевой команды — десять-двенадцать человек. Размещаются они в одном доме и сейчас, наверное, все спят, кроме часового. Поблагодарив женщину, мы сейчас же направились к тому дому и быстро обезоружили немцев.

К нам подошли советские врачи. Что делать с ранеными? Увезти их невозможно. Предлагаю оставить их на попечение колхозников, а врачам и медсестрам присоединиться к нам. Они отказались: без них раненые погибнут. Их долг — до конца оставаться на посту. Крепко жму руку этим благородным людям. Обходим раненых. Они лежат в избах на полу, на соломе, покрытой солдатскими плащ-палатками. Окровавленные бинты, запах лекарств и гноящихся ран. Хриплое дыхание, стоны. При тусклом свете коптилок вглядываюсь в измученные лица. Раненые понимают, что мы ничем не можем им помочь. Просят только сообщить об их судьбе родным да врага бить крепче.

С болью в сердце мы уходим из деревни. Ненавистью к врагу пылали наши сердца.

Уже под Серпуховом мы захватили «языка» — ефрейтора из 13-го армейского корпуса. От него мы узнали, что уже несколько дней немецкие части не могут продвинуться ни на шаг. Ефрейтор рассказал все, что знал о расположении своих войск. Его показания помогли нам выбрать участок для перехода линии фронта. Решено идти в направлении Трояново — Буриново — Стайки. Здесь леса и болота, меньше вражеских войск.

Самым опасным участком оказалась дорога между Буриново и Воронино, которую нам надо было пересечь. Здесь мы нарвались на вражеский конный разъезд. Немцы, заметив нас, бросились врассыпную в лес. Воспользовавшись их замешательством, мы благополучно проскочили через дорогу. Остаток дня и ночь пролежали в зарослях. Дальше пришлось продвигаться перебежками по одному, укрываясь за деревьями и кустами.

Собрались в кустах перед очередным броском. Неожиданно кто-то резко крикнул:

— Стой! Дальше ни с места! Оружие на землю!

Мы вздрогнули, переглянулись.

— Живей, бросай оружие, руки вверх!

В замешательстве поднимаем руки.

— Один ко мне, остальные — на месте!

Иду к человеку в новом полушубке.

В руке у него советский пистолет ТТ. На голове шапка-ушанка.

Напряженно всматриваюсь. Открытое, явно русское лицо. Но на шапке нет красной звездочки. Неужели полицай?

— Кто вы? — спрашивает он. — Документы!

— А кто вы? Ваши документы! — откликаюсь в тон ему.

— Мы — советские люди, разведчики.

Из-за деревьев появились люди, все в новых полушубках, валенках, но без звездочек.

Вышли из-за кустов и мои товарищи. Решаю открыться:

— Я командир 45-й кавалерийской дивизии, выхожу из окружения с группой товарищей. Вот мое удостоверение.

Когда сомнения окончательно рассеялись, мы, убедившись, что перед нами действительно советские разведчики, бросились обнимать их.

Вскоре я уже был в штабе 49-й армии и доложил ее командующему генералу Захаркину обо всем, что мы видели во вражеском тылу, показал на карте вражеское расположение, аэродромы и другие разведанные нами объекты.

В штабе армии нас разлучили. Товарищей моих поместили отдельно, и больше я с ними не встречался.

Радость возвращения к своим была омрачена унижительными проверками и допросами. Два месяца меня держали в особой группе резерва Западного фронта и не раз допрашивали «в органах». Таким же допросам подвергались и мои товарищи по резерву — командиры всех рангов, которые с невероятными трудностями пробивались из окружения, чтобы продолжать борьбу с врагом.

Как-то после очередного допроса я сел на койку и задумался: что же такое происходит?

Мимо меня прошел майор, бывший командир батальона. Его сопровождали два конвоира. Майор взял со своей койки вещи. Движения его были машинальными, а взгляд потухший, как у слепого.

— Что с ним? — спросил я соседа, когда майора увели.

— Приговорен к расстрелу за то, что его батальон не сумел задержать врага. У него жена и двое детей, второго ребенка еще не видел, родился несколько дней тому назад.

Я лег ничком на постель.

— Встать! — закричал вошедший начальник резерва, капитан (по установленным им правилам днем ложиться на койки нам не разрешалось).

Я не выдержал.

— Ты что на меня кричишь? Ведь

я командир дивизии, а ты, наверное, и ротой не командовал. Что же ты хамишь и кричишь на старших? Вон отсюда!

Со всех сторон послышались одобрителльные возгласы. Капитан, заметив в моих руках табуретку, испуганно попятился к двери и скрылся. После этого случая он стал побаиваться нас и вел себя несколько вежливей.

КОННИКИ В ПЕШЕМ СТРОЮ

Наконец проверка закончилась. Я получил назначение во второй кавалерийский корпус, которым командовал Л. М. Доватор. Еще будучи в резерве, я сумел связаться с Львом Михайловичем, он начал ходатайствовать о моем назначении к нему. Но когда я прибыл в корпус, Доватора уже не было в живых: он погиб 19 декабря 1941 года в бою под деревней Палашкино на Волоколамском направлении. На его место назначили командира 3-й кавдивизии этого же корпуса Плева Исса Александровича, человека очень храброго в бою, спокойного и уравновешенного.

Корпус вел тяжелые бои за Большие Триселы и Быково — крупные опорные пункты противника на Гжатском направлении. Использование конницы здесь затруднено.

* * *

Неудачные атаки продолжались. Кавалеристы были возмущены нецелесообразным использованием конницы.

На чем свет честили мы командарма Власова, командующего фронтом, начальника штаба Сандалова, хотя Леонид Михайлович был вовсе не при чем: он понимал всю несуразность положения, сочувствовал нам, но сделать ничего не мог. Как нам стало известно, Сандалов после двухкратного посещения нашего корпуса высказал командующему фронтом свое мнение о неправильном использовании конницы. Это послужило поводом к большим разногласиям между ними, перешедшим в личную неприязнь. Недобрым словом поминали мы командующего Западным фронтом Г. К. Жукова, считая, что он, как кавалерист в прошлом, не должен был допустить неверное использование конницы. Настроение у нас было тяжелое. Страшно было смотреть на людей, которые в отчаянии выхватывали шашки и шли во весь рост на проволоку и пулеметы, на верную смерть.

Как-то после очередной неудачной атаки я пробирался к себе на НП.

Неожиданно в 400-500 метрах от передовой из-за куста вырастает фигу-

ра командующего армией Власова в каракулевой серой шапке-ушанке: сзади — адъютант с автоматом. Мое раздражение вылилось через край. Я накинулся на него:

— Что вы тут ходите? Смотреть тут нечего... Обидно, зря только люди гибнут. Разве так организуют бой? Разве так используют конницу?

Подумалось: сейчас отстранит от должности. Но Власов, чувствуя себя неважно под огнем, не совсем уверенным голосом спросил:

— Ну и как же надо, по вашему мнению, наступать?

Я, волнуясь, стал горячо обосновывать свою точку зрения. Но, видимо, обстановка не располагала к дискуссии. Командующий меня оборвал и предложил вечером прийти в землянку командира танковой бригады генерала М. Е. Катукова¹.

Возвратившись на свой наблюдательный пункт, связываюсь с И. А. Плиевым и докладываю ему обо всем, в том числе и о сцене с Власовым в лесу.

— Очень хорошо, что ты дал ему бой, но как бы он с тобой сегодня же не рассчитался, — услышал я в ответ.

Вечером, в тесной, жарко натопленной землянке собрались командиры и комиссары дивизий и бригад. Власов снова поставил общие расплывчатые задачи на атаку. Командиры-кавалеристы жаловались, что людей у них мало. Власов предложил опять уменьшить число коноволов. Это даст еще 200-300 пеших бойцов.

С большим возмущением выслушав такую рекомендацию, прошу слова. Резко критикую организацию и управление боем со стороны штаба армии. Ну теперь-то он меня за эту критику обязательно снимет с дивизии. Но, к моему удивлению, командарм ответил спокойно:

— Хорошо, попробуем действовать по вашему плану.

И приказал Катукову идти в атаку совместно с нашей 20-й кавдивизией по моему плану. На этом совещание кончилось.

Договорившись с Катуковым о порядке завтрашней атаки, радостные и полные надежд на завтрашний успех, мы с комиссаром добрались до своего НП. Началась подготовка к предстоящей атаке. Эта работа продолжалась всю ночь.

А утро снова принесло разочарование и досаду. Генерал Катуков сообщил, что в атаке из всех танков бригады могут участвовать только три Т-60, остальные в ремонте. Артилле-

¹ Ныне маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза.

рийская подготовка из-за малочисленности орудий была слабой и не смогла подавить огневые точки противника.

В 9.00 мы двинулись вперед. Противник открыл довольно организованный огонь. Один из наших танков загорелся, не дойдя до проволоки. Остальные два застряли в снегу. Сводный полк Калиновича, дружно поднявшийся в атаку, вынужден был залечь и перейти к медленному продвижению ползком, пробивая себе путь в снегу, как проходчики на подземных работах.

Такое нудное продвижение не предвещало ничего хорошего. Через несколько часов цепи атакующих добрались до проволоки и минного поля. Прорвались через них. Соседи дальше проволочных заграждений продвинуться не сумели. У нас ранены командир сводного полка подполковник Калинович и начальник штаба полка старший лейтенант Основич. Резервов мы никаких не получили. Атака захлебнулась.

Еще несколько дней мы повторяли бесплодные попытки наступать в пешем строю. Результат был один и тот же — теряли людей, а продвинуться не могли.

Мы понимали, что главный виновник неудач — командарм Власов.

Все его ошибки мы считали случайными. Но позже, узнав об измене Власова, многие из нас, участников тех боев, подумали о том, что эти ошибки могли быть и не случайными.

В этих боях, пробиваясь однажды на рассвете со своего наблюдательного пункта к боевым порядкам дивизии, недалеко от переднего края я увидел за подбитым танком девушку, перевязывающую раненого. На вид ей было лет семнадцать-восемнадцать. Взглянув на ее почти детское, взволнованное лицо, я спросил, не боится ли она. Девушка отрицательно покачала головой и улыбнулась. Растроганный виденным, я еще долго оглядывался на танк, за которым бесстрашно работала юная медсестра. Часа через два-три я возвращался с адъютантом и автоматчиком тем же путем. Около знакомого танка в трех-четырех метрах от него лежала та златокудрая милая девушка. Она была мертва. На ее лице застыло удивление. У самого танка лежал ее раненый, тоже мертвый. Рядом чернела воронка от мины. Бережно перенесли мы останки девушки к танку и положили ее рядом с тем, кого она спасала. Прикрыли их ветками ели. Ушли мы сильно взволнованные, со слезами на глазах. Острая жалость сжимала сердце.

В этот же день группа казаков, посланная мною, перенесла девушку в тыл на 400-500 метров и похорони-

ла ее у дороги. И каждый раз, проходя мимо, я счищал с могильного холмика снег и клал на него срубленные ветки.

17 февраля мы получили приказ выйти в резерв Ставки на комплектование. В течение ночи на 18 февраля части 2-го конного корпуса выходили из боя, а с рассветом все дивизии, если их можно было назвать дивизиями, потянулись уже к Волоколамску.

К утру 20 февраля 2-й конный корпус сосредоточился в 50-60 километрах от линии фронта, в районе Нудоль, Ново-Петровское, Никита (штаб корпуса — в Нудоли).

Началось доукомплектование дивизий людьми, вооружением и лошадьми. В корпус стали приезжать московские бригады артистов. Особенно частым гостем стала бригада, возглавляемая известным конферансье М. Гаркави.

Одной из участниц этой бригады была популярная исполнительница русских народных песен Лидия Андреевна Русланова. Бойцы всегда с восторгом слушали ее. Песни Руслановой тревожили сердца, славили просторы нашей Родины, красоту души русского человека.

Не раз бывали у нас и писатели. Валентин Петрович Катаев много раз встречался с казаками, беседовал с ними, записывал их рассказы о боях. У нас в корпусе он собрал материал для своей прекрасной повести «Сын полка». Пробразом юного героя Вани Солнцева послужил наш Борька — воспитанник начальника штаба корпуса Алексея Ивановича Радзиевского.

С наступлением весны глубокий снег, покрывавший поля Подмосковья, начал таять. Весна всегда приносит людям радость, но весна 1942 года мало для кого была радостной. Нашу землю топтал ненавистный враг. Обнажавшаяся от снега земля хранила следы недавних боев. Повсюду валялись неразорвавшиеся снаряды, мины, гранаты. Мы приняли все меры к разминированию и ограждению опасных участков.

В конце апреля в корпус приехал М. И. Калинин. От имени ЦК партии и Правительства он сердечно приветствовал советских конников, пожелал новых боевых успехов. После митинга состоялась беседа. Наш дорогой гость, как всегда, был очень прост, дружелюбно и тепло разговаривал с нами. Меня очень тронуло, что он вспомнил нашу встречу в Минске и от души смеялся над моим рассказом о том, как начальник школы Алехин прятал от него нас, кавалеристов.

— Михаил Иванович! — обращается кто-то к нему. — А действительно был такой случай, о котором еще до войны

рассказывали в народе? Якобы вы, после вручения наград матерям-героиням, пригласили их чай пить. И вот одна из них обращается к вам и застенчиво упоминает о муже, который в ожидании ее ходит на Красной площади под стенами Кремля. Вы, Михаил Иванович, как будто пригласили и его чай пить, а он за чаем вдруг и спрашивает: «Михаил Иванович! Разве это справедливо, ей — моей жене, честь и почет, а я как будто не при чем? Вы позвольте, Михаил Иванович, хоть по очереди нам со старухой носить медаль».

Тов. Калинин, слушая, от души смеется и отвечает:

— Ну, коли в народе говорят — значит, было так, значит, правда. — И вновь заразительно смеется. Смеются и все присутствующие.

Прощание было очень теплое. Мы сердечно пожелали ему здоровья, долгих лет жизни и обещали разбить врага.

Наступил май. А мы по-прежнему еще в резерве. Каждый чувствовал и понимал, что пора на фронт, а приказа о выступлении все нет и нет.

В середине мая нам было приказано подготовиться и принять делегацию союзников, англо-американских журналистов. Одновременно нас предупредили, что принадлежность этих «журналистов» к журналистским кругам весьма сомнительна, скорее всего это офицеры генерального штаба англо-американских вооруженных сил. Позже, во время приема, мы убедились в этом.

Так, например, когда им надо было переехать с одного места на другое, из-за грязи пришлось подать верховых лошадей. По тому, как они садились в седло и разбирали поводья, по манере держаться в седле сразу стало ясно, что они никакие не журналисты, а военные, офицеры. Когда они наблюдали за спортивными выступлениями казаков, то их реакция на виденное изобличала в них кавалеристов. Особенно выдало их поведение во время прыжков конных казаков через препятствия. (Кавалерист, видя, как другой идет на препятствие, обязательно дернет ногой, как бы посылая коня на препятствия ударом шпор — это уже становится рефлексом.)

Для банкета прибыли московские официантки с сервировкой из ресторана «Савой». Стол был накрыт в большой госпитальной палатке. Во время банкета произошли любопытные инциденты.

Командир 2-го кавполка 4-й кавдивизии подполковник С. Аристов буквально через пять минут после начала банкета уже захмелел. Вдруг неожиданно для всех он поднялся. Своим громадным ростом он сразу же при-

влек к себе внимание. Простояв несколько мгновений молча, он хриплым, настойчиво-требовательным голосом обратился к делегации со следующими словами: «Эй вы, делегаты-союзники! Долго вы будете петрушку ломать? Скажите прямо, когда откроете второй фронт? Или вообще не откроете? Тогда так и скажите, нечего волюнку тянуть».

Все ахнули. Я в душе был даже доволен «дипломатическими» способностями Аристова, но в то же время забеспокоился, как это примут союзники и как будут реагировать в Москве, когда узнают. По тому, как реагировали на заявление Аристова почти все члены делегации, стало ясно, что русским языком они владеют неплохо. Некоторые, не дожидаясь перевода, засмеялись и зааплодировали, а другие смущенно уткнулись в свои тарелки.

Справившись со смущением, переводчик поспешил перевести и без того всем понятные слова Аристова на английский язык. Глава делегации встал и, любезно улыбнувшись, заговорил:

— Уважаемые господа генералы и офицеры. Вопрос, заданный нам господином офицером, правильный, он беспокоит нас так же, как и вас. Открытие второго фронта зависит не от нас, а от правительства. Желание открыть скорее второй фронт — это желание и английского и американского народов. Правда, этому желанию не отвечают пока, по некоторым соображениям, наши правительства, но второй фронт будет открыт.

Спустя полчаса за столом уже гремела казачья песня, а делегаты усердно пытались нам подтягивать.

Напротив главы делегации сидел один из командиров — наш гость из Москвы. Он долго и безуспешно пытался разрезать упругий, круглый, как мяч, маринованный помидор. Нож, видимо, был тупой. Вдруг помидор выскользнул из-под вилки и ножа, подпрыгнул и стукнул по носу главу делегации, сбив с него очки. Виновник, пытаясь поймать помидор, неловкими движениями рук повалил все стоящие поблизости бокалы и бутылки. Раздался дружный хохот. Пострадавший глава делегации тоже весело смеялся, а сам виновник происшествия, красный от смущения, стал извиняться...

* * *

Меня вызвали в штаб фронта. Зачем? Что случилось? По пути я вспоминал все свои «грехи».

Вот и Серебряный бор. В штабе фронта, в особняке командующего, не смотря на яркий солнечный день, стоя-

ла удивительная тишина и полумрак. Начальник штаба генерал-лейтенант В. Д. Соколовский, к которому я сунулся, чтобы разузнать обстановку, ничего не сказал, а как-то загадочно улыбнулся и направил меня к «самому».

Г. К. Жуков, едва ответив на приветствие, сразу меня огорошил:

— В пехоту пойдешь! Стрелковой дивизией командовать. А не справишься с пехотой, эскадронам командовать будешь. Ясно? А раз ясно — марш в отдел кадров за предписанием.

Не попрощавшись, он ушел из кабинета в другую комнату.

Возвращался я в подавленном состоянии. Расстаться с конницей, в которой я прослужил более двадцати лет, было очень тяжело.

Вскоре я прибыл в 5-ю армию к И. И. Федюнинскому и принял в командование 108-ю стрелковую дивизию.

Дивизия обороняла рубеж возле автострады Москва—Минск.

В пехоте все было для меня непривычным. Ничего похожего на нашу кавалерийскую походную жизнь. В коннице что рядовой солдат, что командир дивизии — условия одни: оба одинаково мокнут под дождем, рядом идут в атаку, спят на бурке, подложив под голову седло. А здесь совсем другое. Командиры, начиная от ротного, живут в землянках, и чем старше начальник, тем землянка добротнее и тем дальше она от переднего края. А внутри — печка, стол, иногда и кровать — все удобства! Но больше всего меня удивило и встревожило другое — упущения в организации обороны и в несении боевой службы. Система огня перед передним краем была продумана плохо: подступы к позициям не простреливались — попадали в «мертвое пространство». Заграждения были в основном минно-взрывные, реже колючая проволока. Наблюдение за противником велось кое-как. Все это приводило к тому, что вражеские автоматчики нередко прорывались в наше расположение, доставляя большие неприятности.

Прежде всего были приняты меры к усилению заграждений перед своим передним краем. За десять дней перед всем фронтом дивизии сделали кольцевое поле глубиной 25-50 метров. Оно состояло из кольев высотой 40-50 сантиметров, диаметром 4-5 сантиметров, вбитых в шахматном порядке на расстоянии 20-25 сантиметров один от другого. Вершина кола заострялась, и в нее вбивался гвоздь или кусочек проволоки.

Нарыли ям-ловушек, усилили проволочные заграждения, провели от них сигнализацию в землянки. Поставили

дополнительно несколько тысяч мин. Таким образом, предполье мы настолько «засорили» всякого рода заграждениями и сюрпризами, что гитлеровцы при каждой попытке пробраться к нашему переднему краю стали нести потери и попадать к нам в плен.

Я получил новое назначение — стал командиром 29-й гвардейской стрелковой дивизии. У этой дивизии славные традиции. В свое время она отличилась на Хасане, за что была награждена орденом Красного Знамени. В тяжелые дни боев под Москвой она с Дальнего Востока была переброшена в столицу, дралась на Можайском направлении, выстояла, а потом погнала противника на запад. За героизм в боях дивизия получила звание гвардейской.

В конце 1942 года 29-я гвардейская, как и другие дивизии 5-й армии Западного фронта, находилась в обороне. Бойцы нервничали. На юге — под Волгоградом и на Кавказе — шли ожесточенные бои, а мы бездействовали. Люди рвались в бой. Нам казалось, что стоит только нам пойти в наступление, как сразу начнется перелом, мы погоним врага на запад и этим поможем нашим войскам на Волге и Кавказе.

Наступил 1943 год. Все более очевидными становились признаки перелома в ходе войны. Напряженная организаторская деятельность Коммунистической партии по мобилизации всех сил народа на разгром врага, по перестройке народного хозяйства и созданию новой военно-промышленной базы на Урале, в Сибири, в Средней Азии давала свои результаты. Мы стали получать больше вооружения и боевой техники. С фронтов приходили радостные вести: наши войска успешно наступают под Ленинградом; на Волге окружены и уничтожены войска фельдмаршала Паулюса. Эти вести воодушевляли нас. У всех было одно желание — стремительно наступать на врага, уничтожить его.

Мы знали, что этого жлет от нас народ. Он ничего не жалеет для победы. Ежедневно, ежечасно мы ощущали теплую и трогательную заботу тружеников тыла о нас. Это истинные герои. В холоде и в голоде, без сна и отдыха, они трудятся, чтобы дать нам все необходимое для полной победы: оружие, боеприпасы, продовольствие и — моральную поддержку, самое нужное для бойца. Нас до слез трогали подарки, идущие на фронт. Откроешь мешочек, маленький, но такой дорогой, в нем шерстяные варежки или носки, ночами связанные руками работницы или школьницы. Здесь же записка: «Носите, родные, на здоровье, только скорей добей-

те врага!» Прочтешь такое, и от волнения руки задрожат. Не задумываясь, каждый из нас отдал бы жизнь за счастье этих людей, незнакомых, но родных, наших замечательных советских людей.

Командующий Западным фронтом генерал-полковник И. С. Конев решил двумя стрелковыми дивизиями, 29-й гвардейской и 352-й, перейти в наступление и захватить город Гжатск. Сдав свой участок обороны 144-й стрелковой дивизии и 175-му запасному полку, мы совершили нелегкий сорокакилометровый марш на север, в район Сашино Гжатского района Смоленской области. Шли ночью, в суровую февральскую вьюгу. Дороги превратились в сплошные сугробы. Сильный ветер слепил снегом глаза, сбивал с ног. Трудно в такую погоду шагать с полной боевой выкладкой, тянуть за собой санки-лодочки, тяжело нагруженные боеприпасами, минометами и пулеметами. И все же дивизия образцово совершила марш, сосредоточившись в новом районе в сроки, установленные командованием.

Крепкий сон и добрые солдатские щи быстро восстановили силы. Весь следующий день, 21 февраля, шла подготовка к бою. Чистилось и приводилось в порядок оружие, подгонялось снаряжение, каждый еще и еще раз уточнял свое место в предстоящем бою.

Во всех частях и подразделениях состоялись партийные и ротные красноармейские собрания. Провели краткие совещания партторгов и агитаторов. Вышли «боевые листки», посвященные предстоящей XXV годовщине Красной Армии. Мы готовились достойно встретить славный юбилей Вооруженных Сил Советской страны.

Очень обрадовало нас решение командарма выделить нам 153-ю танковую бригаду. Но когда я увидел, какими машинами была она укомплектована, радость сменилась разочарованием. Это были «двухэтажные» (как мы их называли) устаревшие американские средние танки М-3. Очутились они в Красной Армии в порядке «помощи». Танки были со слабой броней, неуклюжие, неповоротливые: над основным корпусом возвышались орудийные башни. Башня с правой стороны имела цилиндрическую форму, в ней помещалось семидесятипятимиллиметровое орудие (главное вооружение). Танк высокий — почти 4 метра, видно его было издали. Даже по неглубокому снегу он проходил с трудом. А вдобавок ко всему его двигатель («Райт») работал на авиационном бензине. Танк легко воспламенялся и сгорал в течение нескольких минут. Если экипаж (7 человек) не успевал выбраться из машины, он весь погибал.

Днем 20 февраля командующий войсками Западного фронта вызвал меня на командный пункт 352-й стрелковой дивизии, которая должна была наступать правее 29-й гвардейской дивизии. К моему прибытию на КП 352-й дивизии уже находились командующие фронтом и 5-й армией. Доложил о прибытии. Иван Степанович Конев, ответив на приветствие, приказал:

— Доложите, как вы представляете себе противника в полосе предстоящего наступления дивизии!

Я стал докладывать. Особенно подробно изложил огневую систему вплоть до каждой огневой точки. Во время моего доклада командующий 5-й армией генерал-полковник Я. Т. Черевиченко из-за спины Ивана Степановича весьма энергично подавал мне какие-то знаки.

— Откуда вы добыли такие данные? — спросил меня командующий фронтом.

— Эти данные проверены всеми видами разведки, и половину этих огневых точек я лично сам наблюдал ночью и днем во время боя.

— Гм... вы хотите сказать, что в группировке противника изменений не произошло?

— Так точно. Не произошло.

— А вот генерал Пронин и командарм другого мнения. Вилимо, вы в обстановке еще не разобрались. — И. С. Конев качает головой и продолжает настойчиво расспрашивать о траншеях противника, о позициях в глубине обороны, о резервах и т. д.

— Значит, вы считаете, что противник находится здесь по-прежнему в старой группировке и главных сил не отводил?

— Так точно. — твердо заявляю я, несмотря на укоризненные знаки командарма.

Окинув меня недоумевающим взглядом, Конев повернулся к командиру 352-й дивизии генерал-майору Пронину, бывшему преподавателю в академии.

— Ну а вы как, не изменили своего мнения после доклада вашего соседа, генерала Стученко?

Пронин, высокий, хулошавый, седой, сутулясь над картой, звучным, хорошо поставленным голосом опытного лектора докладывает, что в полосе наступления обеих наших дивизий противник имеет только слабые части прикрытия, а главные силы он отвел за Гжатск...

События показали, что генерал Пронин был глубоко неправ. Двумя днями позже за такую оценку сил противника мы были жестоко наказаны.

Командующий фронтом благосклонно выслушал Пронина. Одобрительно

закивали головами и остальные присутствовавшие.

— Ну вот, видимо, придется согласиться с выводом старого опытного генерала, — подытожил Иван Степанович. — А вы генерал молодой, но слишком осторожный.

Пришлось молча проглотить эту пилюлю. Глубоко задумавшись, ехал я к себе на командный пункт. Дорого может обойтись нам недооценка сил противника. Оставалась только одна надежда: немцы могут не выдержать нашей дружной атаки и, деморализованные ею, не окажут упорного сопротивления. А наши действия будут поддержаны и развиты другими соединениями, особенно тремя лыжными бригадами. Одна из них оперативно подчинилась мне, и я рассчитывал ввести ее в бой, как только будет прорван вражеский передний край. Первым должен двинуться в глубину обороны противника лыжный батальон дивизии под командой капитана Костырева — очень храброго и инициативного командира. Подстарь ему был и его заместитель по политической части майор Соколов.

В ночь на 22 февраля дивизии заняли исходное положение. Атаку должны были начать после одночасовой огневой подготовки.

Всю ночь крупными хлопьями валил снег. В 8 часов утра из-за продолжавшегося снегопада мы не смогли начать артиллерийскую подготовку и перенесли ее на 9 часов. Снегопад продолжался. Артподготовку отложили еще на полчаса. А снежные хлопья все падают и падают. В десяти-пятнадцати метрах ничего не разглядеть. Несмотря на это, командарм подал сигнал: начать артподготовку.

И она началась.

Такой артиллерийской подготовки, наверное, никому больше за всю войну видеть не пришлось. Все было скрыто густой пеленой снега. Ни о каком наблюдении за результатами огня не могло быть и речи. Звуков разрывов мы почти не слышали, их глушил мягкий пушистый снег. К концу артподготовки стало ясно, что танки атаковать не смогут из-за абсолютного отсутствия видимости.

Дан сигнал пехоте: «Вперед, в атаку!». Бойцы выбрались из траншей и, утопая по пояс в снегу, — лыжи в то время имелись только в лыжных батальонах и у разведчиков, — пошли. Прделанные за ночь проходы в минных полях и проволочных заграждениях противника занесло. Вехи, обозначавшие их, также оказались заметными снегом или поваленными. Пехота, достигнув проходов, не могла их найти, тем более в этом непроницаемом белом месиве.

Гитлеровцы, почуяв недоброе, открыли заградительный огонь. Начался тяжелый бой. Каждый шаг давался дорогой ценой.

К полудню 87-й гвардейский полк ворвался в первую траншею и на участке около 800 метров захватил ее. Снегопад к тому времени утих. В атаку были брошены танковая бригада и лыжный батальон капитана Костырева. Батальон насчитывал четыре сотни человек. Это были замечательные лыжники-бойцы. Сердце забило от восторга, когда они, рослые, стройные, ловкие, легко скользили на лыжах мимо наблюдательного пункта дивизии. Через несколько минут они внезапно, почти без потерь, прорвались вглубь вражеской обороны и в 6-8 километрах от переднего края захватили деревню Лескино, откуда еле унес ноги штаб одного из немецких полков.

Закрепившись в деревне, лыжники начали вести разведку, донося обо всем в штаб дивизии по радио и ожидая подхода своих частей. Но лыжная бригада не последовала за лыжным батальоном. Командарм почему-то отменил ее ввод в прорыв.

Напрасно я, задыхаясь от волнения, уговаривал Черевиченко разрешить мне ввести в бой приданную мне лыжную бригаду, настаивал двинуть в прорыв и остальные лыжные бригады. Если бы командарм решился на это, исход боя оказался бы другим. Бой мог перерасти в крупную операцию, в результате которой Ржевско-Вяземская группировка немцев была бы начисто разгромлена.

Связавшись по телефону с начальником оперативного отдела полковником С. Н. Переверткиным, я умолял его убедить командарма не менять ранее принятого решения и позволить мне использовать бригаду для наступления на Лескино и далее на Гжатск, нацелив туда же остальные лыжные бригады. Семен Никифорович Переверткин (впоследствии Герой Советского Союза, генерал-полковник) пользовался у командарма большим доверием. На это я и рассчитывал, обращаясь к нему со своей просьбой.

— Обстановку понимаю и слезу за ней, но что я могу поделать? — взволнованно ответил он. — «Хозяин» не идет на это решение. Бойтятся, что успеха не будет.

— Товарищ генерал! — дергает меня за рукав начальник артиллерии дивизии полковник Н. Н. Великолепов. — Смотрите, что делается с нашей танковой бригадой.

Бросив трубку, смотрю в сторону противника... «Американские подарки» идут с черепашной скоростью, причем больше буксуют, чем движутся. Многие уже застряли в глубоком снегу, и вра-

жеская артиллерия расстреливает эти громоздкие неподвижные цели. Пытаемся своим минометно-артиллерийским огнем подавить пушки противника, но полностью сделать это не удается, и танки один за другим вспыхивают факелами. Экипажи танков с места ведут орудийный огонь, сражаются они в очень невыгодных условиях. Это уже героизм — ведь танки могут вспыхнуть от любого случайного снаряда.

В это время группа бойцов третьего батальона 87-го гвардейского полка во главе с заместителем командира батальона по политической части старшим лейтенантом Веселовым, захватила рошу, которая начиналась за первой траншеей и вдавалась на 300-500 метров в глубину обороны противника. Заняв круговую оборону, гвардейцы остаток дня и всю ночь удерживали захваченные позиции. Утром враг перешел в контратаку. Численное превосходство было явно на стороне немцев. Две роты фашистов, ведя непрерывный огонь из автоматов, двигались к роше. Подпустив врага на близкое расстояние, гвардейцы ударили из станкового и трех ручных пулеметов, из автоматов и винтовок. Потеряв много убитыми и ранеными, немцы дрогнули и залегли. Вскоре они повторили атаку и снова были отброшены. Девять атак отбили в этот день гвардейцы. К вечеру в строю осталось только семь советских воинов. Но ни у кого не было даже и мысли об отступлении. Делили последний сухарь, бережно подсчитывали и экономно тратили подходившие к концу боеприпасы, трогательно заботились о раненых товарищах. Геройски погиб заместитель командира 2-й роты по политической части лейтенант Попов, до последней минуты не покидавший станкового пулемета. Пал смертью храбрых старший лейтенант Кривенко.

Семь героев-гвардейцев — старшие лейтенанты Веселов и Басанов, сержант Орлов, младший сержант Степанов, красноармейцы Дублик, Кузнецов Нургалиев — решили сражаться до последнего патрона.

К концу второго дня боя их радисту удалось наконец установить связь с командным пунктом полка. Веселов сообщил командиру полка майору Кошелеву о сложившейся обстановке и местонахождении своей группы. Ночью в рошу пробился старший лейтенант Шептунов со своей ротой. Были эвакуированы раненые, доставлены продукты и боеприпасы.

А что же произошло с нашими лыжниками?

Преодолевая сильное сопротивление врага, отбивая его яростные контратаки, лыжный батальон с ходу занял на-

селенный пункт Лескино, перебил находившийся там фашистский гарнизон и захватил трофеи. Дерзкий рейд лыжников вызвал переполох во вражеском стане. Немцы приняли самые решительные меры, чтобы обезопасить свои тылы. Из Гжатска и других пунктов они подтянули резервы, в частности, перебросили на автомашинах батальон финских лыжников. Создав подавляющее численное превосходство, враг предпринял одну за другой яростные атаки на деревню, где закрепился советский батальон. Действия пехотных и лыжных подразделений против советских лыжников поддерживались девятью танками. Долго длился жаркий бой. Был дважды ранен командир батальона капитан Н. И. Костырев. Погиб заместитель командира по политической части майор А. И. Соколов. Вышли из строя все командиры рот и их заместители. Был убит заместитель командира батальона по строевой части капитан Тимофеев. Несмотря на потери, гвардейцы мужественно и стойко отражали вражеские атаки. Дрались до последнего патрона, до последней гранаты, дрались врукопашную. Сражались и умирали, как герои.

Мы, как могли, выручали лыжников огнем нашей артиллерии. Я сам принимал по радио их заявки и отдавал соответствующие команды артиллеристам. После многих часов боя противник все же овладел деревней Лескино. Кольцо окружения немцев удалось пробить только небольшой группе лыжников во главе с комсоргом батальона гвардии старшим лейтенантом Сафоновым. Группа эта смогла пробиться в расположение наших частей.

Скупые записи радиопереговоров ярко повествуют о мужестве лыжников-гвардейцев и об их последних минутах:

— Немедленно откройте огонь прямо на нас! Дайте больше огня! Противник обходит нас со всех сторон.

— Укажите, где противник.

— Два батальона немцев с танками движется из района Кузнечики. Дайте огонь на Лескино, особенно по южной и по западной окраинам.

— Даем огонь. Следите за залпом «катюш». Передайте Костыреву, что он награжден орденом Александра Невского и «сорок четвертый» (позывной командира 29-й дивизии) его поздравляет. Где Соколов и Костырев?

— Соколов тут, Костырев ранен, он не с нами. Противник идет в атаку со всех сторон с девятью танками, дайте больше огня на нас!

— Даем. Как ложатся снаряды?

— Дайте больше огня!

— Даем! Даем!

— Танки от нас в ста метрах, загорелись крайние дома.

— Держитесь! Даем огня...

— Немцы ворвались в деревню, идет рукопашный бой... Их очень много...

— Держитесь, герон! Куда дать огонь?

— Дайте огонь на нас... Дайте огня... Дайте больше огня! Соколов требует огня на нас... Снаряды ложатся от нас далеко... Дайте ближе! Хорошо! Теперь хорошо!

— Еще огня!

В 18 часов 30 минут в эфире раздался шум, выстрелы, крики...

— Товарищи! Умираем за Родину! — послышалось в наушниках, и окрики немцев перекрыли голос радиста. Все смолкло... Связь прекратилась.

Не в силах сдержать слезы, приказываю «собрать» огонь всей артиллерии и обрушить на деревню Лескино...

Спустя много лет из редакции «Красная Звезда» переслали мне письмо, которое меня очень взволновало.

«Уважаемая редакция!

В конце апреля 1942 года я был направлен для прохождения дальнейшей службы в 29-ю гвардейскую многоорденонссную стрелковую дивизию, командиром которой был тогда генерал-майор Стученко.

Осенью, примерно в сентябре-октябре 1942 года, в дивизии начал формироваться отдельный лыжный батальон, командиром которого был гвардии капитан Костырев, заместителем командира батальона по строевой части гвардии капитан Калянов и заместителем командира батальона по политчасти гвардии майор Соколов.

В ночь на 23 февраля 1943 года батальон перешел передний край и ушел глубоко в тыл противника. На рассвете он достиг одного населенного пункта (названия не знаю, примерно километрах в восьми от города Гжатска), выбил из него неприятеля и занял круговую оборону.

Весь день 23 февраля батальон поистине героически отбивал бесчисленные атаки фашистов, и с наступлением сумерек его не стало. В живых осталось около двадцати раненых, которые были захвачены в плен. После гибели батальона автор этих строк долгое время находился в немецком тылу и вернулся в свою регулярную армию из партизанского отряда, но попал уже не в 29-ю дивизию, а в 54-ю.

Уважаемый товарищ! Со времени гибели батальона прошло много времени, но я не могу забыть о его подвиге. Я

помню многих рядовых и офицеров. О них обязательно нужно рассказать, по мне необходимы дополнительные сведения.

Я был бы искренне рад и благодарен вам, если бы вы помогли мне найти хотя бы самое скромное начало, за что бы я мог уцепиться, с чего начать.

Я не сомневаюсь, что где-то хранятся подробные сведения об этих людях, но где они, куда мне обратиться — не знаю.

Быть может, редакция не откажется сообщить мне адрес бывшего командира 29-й гв. стрелковой дивизии, генерала Стученко? Я помню, генерал Стученко до последнего момента, пока не разбита была у нас последняя рация, держал связь с батальоном. Он смог бы много рассказать о гвардейцах-лыжниках. Очень прошу редакцию помочь мне связаться с ним.

С искренним уважением Черепанов».

С Григорием Ивановичем Черепановым, работником ГРЭС в городе Али-Байрамлы Азербайджанской ССР, мы сейчас переписываемся. Наша с ним мечта сделать подвиг лыжного батальона известным всему советскому народу.

ВПЕРЕД, ГВАРДЕЙЦЫ!

Шли последние дни памятного для нас февраля 1943 года.

Горечь от неудач и потерь при наступлении на Гжатск несколько смягчалась хорошими вестями с других направлений, с других фронтов.

Ночь на второе марта началась как обычно. Когда стемнело, я связался с разведчиками и наблюдателями на переднем крае, спросил, как ведет себя противник.

— Нормально, как всегда, — отвечают. — Только кое-где в траншеях было чуть-чуть шумнее, чем обычно. Но сейчас опять тихо. Наверно, наблюдателей меняли.

Меня это насторожило. Внимательно выслушиваю все доклады, сопоставляю их. Потом приказываю:

— Дать сигнал к открытию огня по всему фронту! Наблюдать за противником и засечь его огневые точки! Отряды преследования поднять по боевой тревоге!

Артиллерия и минометы обрушили удар по противнику. Наблюдатели сообщают, что неприятель отвечает вяло. Приказываю отрядам перейти в преследование. О своем решении доношу в штаб армии. Там уже получили доклады и от других дивизий о начавшемся отходе противника. Это же подтвердили пленные, захваченные нашими передовыми отрядами.

Итак, и для нас в ту ночь кончилась оборона.

Мы поняли, что началось великое наступление на всем громадном фронте. Не важно, что нам, возможно, придется и останавливаться, и отходить. Это не изменит общего хода событий — немецкий фашизм катится к концу, спасения ему уже нет. Это мы все, от солдата до генерала, поняли, когда перешагнули рубежи Подмосковья, которые только что удерживал враг и с которых он совсем недавно собирался совершить прыжок на нашу столицу.

Сознание перелома в войне придавало нам силы, воодушевляло людей на подвиги, удесятерило стремление скорее разбить врага и добиться победы.

Как только полки дивизии перевалили за передний край, группа автоматчиков была послана в Лескино со слабой надеждой застать в живых кого-либо из лыжников. Обгоревшая деревня хранила следы недавнего боя. Боицы тщательно осмотрели каждый уголок в деревне. Всюду — безжизненные тела наших доблестных товарищей. Соколова и Костырева среди них найти не удалось. В одной из землянок лежал тяжело раненый командир взвода лейтенант Иванецкий. Немцы забросали землянку гранатами. На раненого лейтенанта упал убитый боец. Гитлеровцы, ворвавшись в землянку, для гарантии оостреляли тела советских бойцов из автоматов и ушли. Они не заметили, что один из лыжников еще жив...

О мужестве советских лыжников рассказали жители Лескино и окружающих деревень, где сражались наши бойцы. Одна женщина со слезами говорила о том, как на ее глазах фашисты пытали «молоденького солдата в белом халате» (все наши лыжники были в белых маскхалатах). «Изверги все чего-то у него допытывались, били, стреляли в него. А он, бедненький, сожмет свои плечики и молчит. Замучили они его, проклятые, а он так ничего им и не сказал, ни одного слова».

К сожалению, все наши попытки установить имя этого славного сына Родины, так скромно свершившего свой подвиг, не дали результатов.

Преследование противника продолжалось.

5 марта, вечером, дивизия двумя полками с боем захватила подступы к Гжатску, овладев деревнями Столбово, Петрецово, Хохлово.

Приказываю Марусняку, командиру 90-го гвардейского полка, выдвинуться к южной окраине Гжатска. Как только он выполнит этот маневр, по моему сигналу все полки перешли в атаку. Но атака захлебнулась: немцы заметили наши перемещения.

Принимаю новое решение: собрать все санитарно-розвальни, имеющиеся в дивизии, посадить на них 90-й полк и перебросить его теперь с юга на север.

Немцы и этот маневр заметили, но с опозданием, и не успели подтянуть резервы. Этим мы и воспользовались. Около трех часов утра я приказал Лазареву:

— Не медлите ни секунды. Подымайте полк и врываютесь в город. Я со штабом иду за вами. Вперед, гвардейцы!

Приказ был выполнен. 93-й гвардейский полк еще затемно прорвался в город. Это облегчило путь и остальным полкам. С севера в город вступил 90-й гвардейский, прибывший на санях. В головной цепи его боевого порядка шел секретарь партийного бюро майор Баканов.

Из боковой улицы появляется женщина. Под огнем перебегает улицу, бросается к цепи... Это жительница города Мария Дмитриевна Лауфер.

— Голубчики!.. Родненькие!.. Как мы вас ждали!.. Возьмите. Полтора года хранила..

В воздухе полыхнуло небольшое красное полотнище на метровом древке. Флаг, какой обычно вывешивался на домах в революционные праздники. Баканов, выхватив древко из рук женщины, целует ее и с поднятым флагом, как с боевым знаменем, бросается вперед. Команды никакой не было, но бойцы, все как один, с громовым «ура» бросаются за Бакановым. И вскоре секретарь партбюро водружает флаг над полуразрушенным зданием горсовета.

Не забудется никогда этот волнующий эпизод в час освобождения Гжатска от фашистских извергов. Со всей силой проявилось единство народа и его армии — могучий источник наших побед.

В 9 часов 30 минут 6 марта 1943 года старинный русский город Гжатск был очищен от врага. Нас вывели на два дня в резерв — привести себя в порядок, отдать последний долг павшим в боях.

В город стали возвращаться прятавшиеся в лесах и в окрестных деревнях жители. Нашим фотографам-любителям и фотокорреспондентам фронтовых газет удалось заснять немало интересных сцен. В частности, на одной из фотографий запечатлена женщина, которая везет санки с домашним скарбом, когда вокруг еще валяются трупы фашистских солдат. На другой фотографии мы видим вездесущих мальчишек, успевших уже переобуться «для интереса» в немецкие эрзац-валенки.

Среди этих мальчишек, встречавших освободителей Гжатска, может быть, и находился будущий герой космоса — Юрий Гагарин.

Юные жители Гжатска встречают Красную Армию

Прошло много лет...

12 апреля 1961 года, когда я командовал Приволжским военным округом, мне довелось встречать в районе приземления первого в мире космонавта. Так я стал «крестным» Юрия Гагарина.

Встреча на аэродроме была короткой. Мы расцеловались. Я поздравил космонавта с благополучным возвращением на Землю и присвоением ему звания майора.

В память об этой встрече Юрий Гагарин подарил мне фотографию с надписью: «Гостеприимному хозяину от благодарного гостя. Гагарин».

А на снимках в журнале, посвященном освобождению Гжатского района, он написал: «Стученко Андрею Трофимовичу, «крестному», с глубоким уважением и признательностью. Гагарин».

На противоположной окраине Гжатска еще шел бой, когда ко мне приблизился священник.

— Гражданин генерал! — начал он радостно. — Позвольте от имени верующих приветствовать вас и ваше воинство и горячо поблагодарить за изгнание супостата из города. Помогите вам бог в победе над врагом и дай вам бог живота на многие и многие лета!

— Ну что же, спасибо на добром слове, — смутился я.

— Гражданин генерал, — продолжает священник, — супостаты взорвали церковь, и под ее развалинами похоронена вся церковная утварь. Не откажите в милости, прикажите воинству достать ее. Люди будут вечно за вас бога молить...

Что ответить? Как выйти из этого щекотливого положения? Решаю отложить ответ.

— Сейчас еще идет бой, — говорю, — отвлекать людей нельзя. Позже разберемся.

— Спасибо и на этом, — поклонился священник.

Чуть в городе стихло, связался я с командармом генералом Поленовым. Спрашиваю, как быть?

— Э, ты с такими вопросами ко мне не суйся. Поговори с Ивановым.

— Павел Филатович, как мне поступить? — обращаюсь к члену Военного совета.

— Знаешь, Андрей Трофимович, на такой вопрос сразу не ответить, надо подумать. Ты лучше сам, на месте, разберись и поступай, как найдешь нужным.

Вот так проконсультировался! Ну, будь что будет!.. Приказываю послать роту саперов к развалинам церкви. К вечеру церковная утварь была извлечена из-под обломков.

Спустя несколько дней, когда мы отошли уже далеко от Гжатска, в город прибыла чрезвычайная комиссия по расследованию зверств фашистских разбойников. Член этой комиссии патриарх всея Руси Алексей, узнав от местного священника о спасении советскими воинами церковной утвари, высказал главе комиссии Николаю Михайловичу Швернику большое удовлетворение и благодарность. А недели через три член Военного совета армии генерал Иванов сказал мне, что английская пресса отметила этот случай. Красная Армия действительно несет всем освобождение и даже не притесняет религию. — писали английские журналы. — Подтверждение тому — помощь советских солдат духовенству Гжатска.

Видимо, правильно мы тогда поступили...

10 марта полки дивизии вновь двинулись вперед. Темпы наступления резко повысились. Помогла солдатская смекалка. Под пулеметы, под орудия пустили самодельные лыжи, широко стали использовать для передвижения наш санный обоз. В результате за 11 дней удалось продвинуться на 140 километров и выйти на подступы к Дорогобужу.

В апреле мы вышли из состава 5-й армии. Военный совет армии проводил нас очень тепло. Мы вошли в состав 10-й гвардейской армии, которая формировалась в районе Вязьмы.

В мае я объехал окрестности Вязьмы, кустарник, в котором мы скрывались. В октябре 1941 года после пересечения шоссе Вязьма—Минск, место переправы через реку. Трудно передать те чувства, которые охватили меня, когда я увидел следы сравнительно недавних боев. Скелеты лошадей, разбитые повозки, пулеметные тачанки и трупы, трупы... Сердце сжалось от боли.

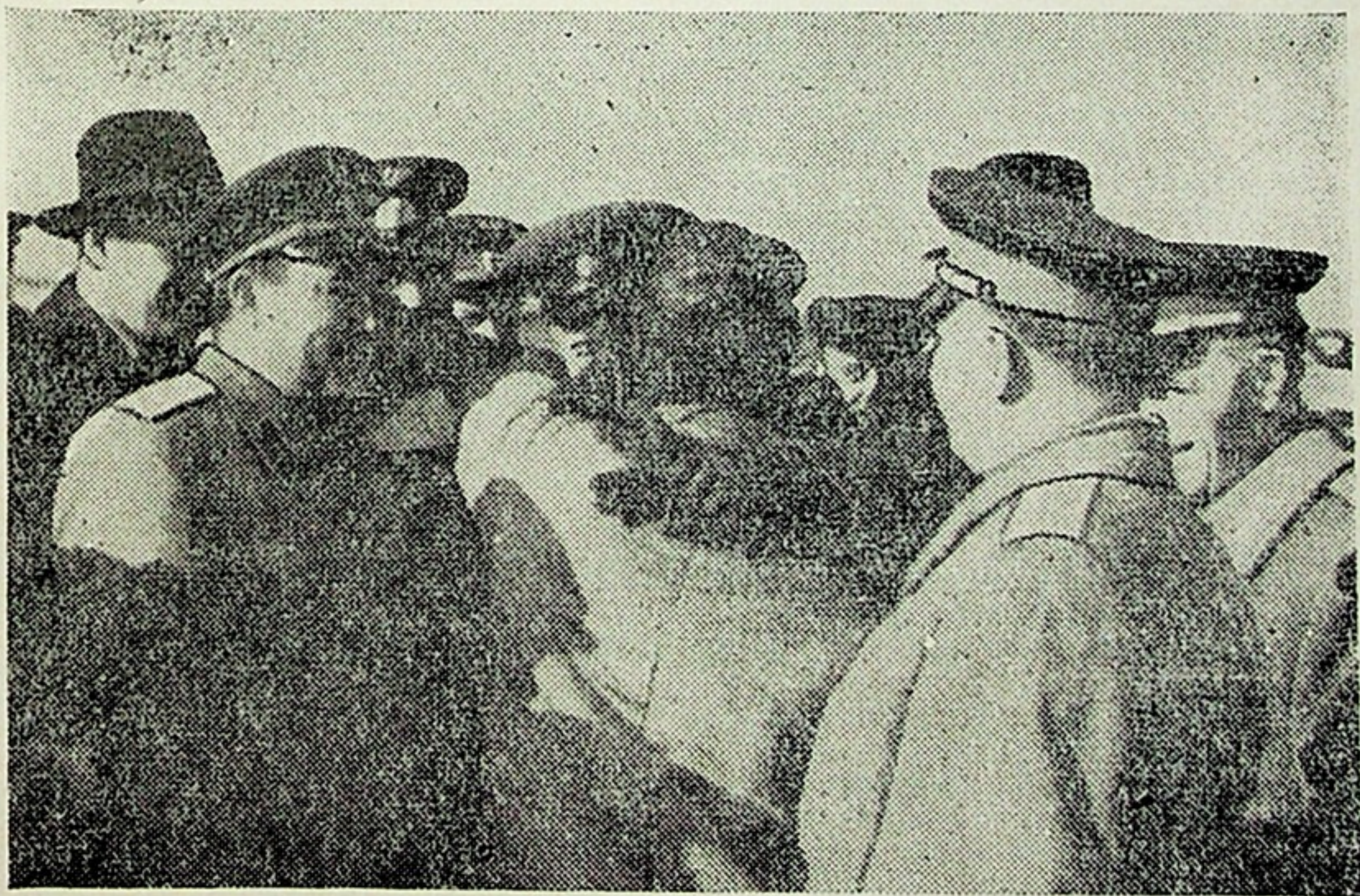
Через несколько дней я возвратился сюда с ротой саперов. Похоронили боевых друзей. В горестном молчании застыли мы у дорогих могил. Имен героев не удалось установить — документы не сохранились..

Впоследствии останки неизвестных солдат и командиров были перенесены в город и торжественно похоронены в братской могиле.

ОСВОБОЖДЕННАЯ ЕЛЬНЯ

Кончается июнь. Нервы напряжены до крайности в ожидании сигнала к наступлению. 5 июля из районов Орел и Белгород немцы перешли в наступление на Курск. В первые дни они сумели, хотя и ценой тяжелых потерь, продвинуться на несколько километров. Понесся в ожесточенных сражениях от войск Воронежского и Центрального фронтов сильные потери, враг уже 9 июля перешел к обороне.

Мы наконец получили боевую задачу. 10-й гвардейской армии было приказано наступать на Ельню-Смоленск. Подступы к Ельне противник прикры-

А. Т. Стученко поздравляет первого космонавта

вал очень мощными узлами обороны, получившими известность в смоленской операции и упоминавшимися в то время в сводках Информбюро как высота 233,3, Гнездилово, Вава, Теренино, Лядцо и другие. 10-й гвардейской армии предстояло прорвать очень сильную оборону немцев, чтобы выйти к Ельне.

Первая полоса обороны немцев была построена в глубину до шести километров, имела пять линий траншей полного профиля, до предела насыщенных огневыми средствами и связанных между собой разветвленными ходами сообщения. Траншеи, пулеметные и артиллерийские окопы на переднем крае были прикрыты проволочными заграждениями, минными полями и противотанковым рвом. Высота 233,3 была как бы ключевой позицией обороны. Эти узлы обороны, построенные по принципу так называемого «восточного вала», по мнению гитлеровского командования, считались абсолютно неприступными.

Вторыми «воротами» Смоленска после Дорогобужа являлась укрепленная оборонительными сооружениями Ельня. Город имел внешний обвод, состоявший из траншей, окопов для орудий и пулеметов. В самом городе на перекрестках стояли железобетонные колпаки с амбразурами для стрельбы из пулемета.

Наступление войск началось 7 августа мощной и длительной (около полутора часов) артиллерийско-авиационной подготовкой. Чтобы нарастить усилия наступающих в этом направлении, командарм Трубников 10 августа приказал ввести в бой резерв — 29-ю дивизию с 119-м тяжелым танковым полком. Вступить в бой нам предписывалось в 14.00.

Никто из нас не ожидал, что нам придется начинать бой днем, на глазах у противника, занимающего господствующие высоты, и, в частности, высоту 233,3, с которой открывалось наблюдение на многие километры в нашу сторону. По совершенно открытой местности нам предстояло пройти три километра до рубежа атаки.

Всего в километре от переднего края нашей обороны, где вели бой усталые бойцы 22-й гвардейской дивизии, на окраине деревни Веселуха стоял одинокий полуразрушенный дом. Незаметно, маленькими группами, туда перенесся наш дивизионный оркестр. На трубах чехлы, чтобы медь не сияла на солнце.

Стоял солнечный день. Зеленела трава. Не хотелось верить, что идет война. Но о ней напоминали дымящиеся воронки, близкий треск пулеметов, грохот орудий, взлетающие то здесь, то там черные столбы земли.

В полдень я, адъютант, коновод и знаменщик со свернутым знаменем ди-

визии на полном карьере проскочили открытое пространство и присоединились к оркестру. Спешившись, прижались к стене разрушенного дома. Противник, конечно, заметил нас. Вокруг начали рваться мины.

— Товарищ генерал, — крикнул вдруг адъютант Гриценко, — смогните, дивизия показала!

Это была незабываемая картина. Полки первого эшелона на ходу, как на учении, последовательно расчленились на батальонные, ротные и взводные колонны и быстро приближались к нам.

— Оркестр, встать! Развернуть знамя! — приказал я.

Оркестр заиграл «Интернационал». Волнующие звуки гимна слышали все. Когда гвардейцы поравнялись с нами, мы увидели воодушевленные, решительные и радостные лица. Я с тревогой ждал, что противник обрушит на гвардейцев весь свой огонь. Но этого не случилось. То ли наши артиллеристы держали врага в страхе, то ли немцев потрясло мужество и дерзость советской гвардии — трудно сказать.

Полки почти без потерь достигли исходного положения для атаки.

В воздухе появились наши штурмовики ИЛы. Через несколько минут подошли танки подполковника Лосика. С подходом их мы, перевалив через боевые порядки 22-й гвардейской дивизии, перешли в атаку.

Завязался ожесточенный бой, местами переходящий в рукопашные схватки. Гвардейцы захватили первую линию траншей и сразу штурмовали вторую линию. Когда враг переходил в контратаку, его встречали залповым огнем в упор и обращали в бегство.

Воля к победе, бесстрашие наших людей спутали все планы фашистского командования. Ни мощь укреплений, ни ударная сила «фердинандов» не могли спасти гитлеровцев. Линия их обороны затрещала по всем швам.

К утру 12 августа 93-й полк полностью овладел высотой 233,3. 87-й гвардейский полк под командованием гвардии подполковника Кошелева занял важный опорный пункт противника на шоссе на северо-западнее Гнездилово. 13 августа фашистская оборона была прорвана на всю глубину.

10-я гвардейская армия медленно, но упорно продвигалась вперед, тесня безуспешно обороняющегося противника. Немецкое командование очень внимательно следило за боями на Смоленском направлении и непрерывно перебрасывало сюда войска с других участков фронта. По данным штаба армии, который непрерывно информировал нашу резервную дивизию об обстановке, захваченные пленные показывали, что Гитлер объявил благодарность своей

4-й армии за упорную оборону подступов к Ельне и заклинал удерживать их. Он требовал также подготовить к обороне западный берег реки Угра и ни в коем случае не допустить русских к Ельне.

Благодарность фюрера помогла мало.

28 августа в 10 часов утра наша дивизия, развернувшись в боевой порядок с рубежа Пречистое — высоты 234,7, двинулась на врага.

Первые же часы боя принесли успех. Молодые солдаты, ловкие, юркие, неотомимые, не обращая внимания на огонь, через все «щели» боевого порядка противника проникали вглубь его обороны и своим неожиданным появлением вызвали панику среди гитлеровцев. Сразу же было захвачено несколько зенитных батарей.

Оперативная группа штаба дивизии двигалась в центре боевых порядков наступающих полков. Настроение у нас было приподнятое.

— Мне генерала надо! Где он? — Слышу мальчишеский голос. Оборачиваюсь и не могу удержаться от смеха. Прямо на нас движется длинный, как каланча, худой немец с поднятыми вверх руками, сзади — юнец из нового пополнения, низенький, щупленький, совсем мальчишка.

— Ну, давай сюда! Я здесь, — отзывается я. — Что, сам взял или только конвоируешь?

Юнец отдал честь и бодро доложил:

— Товарищ генерал! Привел к вам фрица. Сам взял, а не конвоирую. — уже обиженно, по-детски надув губы, закончил он.

— Как зовут тебя?

— Иванов Сергей, рядовой 93-го гвардейского полка.

— Ну так ты не обижайся на меня, Сережа, я пошутил. Я ведь сразу догадался, что именно ты его взял в плен. Ну, докладывай, как же ты осилил такого здоровенного фрица?

— Да так, наступаем, вижу — слева куст, дай, думаю, посмотрю, нет ли там кого. Обошел куст сзади и тихонько подползаю к нему... А он, этот фриц, замаскировался листьями и целится в наших из автомата. Я его ударил прикладом по рукам и крикнул: «Хенде хох!», он и поднял руки.

— Молодец, Сережа! Вот мы обязательно напишем твоим родителям и в школу, где ты учился, какой ты герой. А чтобы было убедительнее, мы вас сейчас заснимем. Гриценко! — кричу адъютанту. — Ну-ка засними героя с его пленным.

Уже к исходу дня 28 августа наша дивизия оторвалась от остальных войск армии и вместе с 119-м танковым полком далеко вырвалась вперед.

30 августа полки, уничтожив фаши-

стские войска на западном берегу Угры, прорвались к Ельне с трех сторон: с севера, востока и юга. Завязались уличные бои. Прорыв был настолько внезапным, что гитлеровцы не сумели использовать железобетонные колпаки, установленные на перекрестках. К 20 часам Ельня была в наших руках.

Уроженец Ельненского района поэт Исаковский посвятил освободителям Ельни стихи:

Идут вперед неустрашимо
Бойцы — товарищи мои,
И Ельня — город мой родимый —
Опять в кругу своей семьи.

Пусть он разрушен, искалечен,
Он возродится из руин,
И подвиг твой да будет вечен,
Советский воин-исполни!

НЕ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ!

В середине сентября Западный фронт повел решительное наступление на Смоленск, Рославль и Оршу. 10-я гвардейская армия входила в ударную группировку, которая двигалась на Оршу, обходя Смоленск с юга.

Наша дивизия, прорвав промежуточный рубеж обороны противника, подошла к линии железной дороги Смоленск-Рославль. Дальше не давал продвинуться огонь противника. Командарм (в это время армией уже командовал генерал-лейтенант Александр Васильевич Сухомлинов) приказал во что бы то ни стало перерезать железную дорогу. Перед рассветом 15 сентября внезапным броском, без артиллерийской подготовки, гвардейцы атаковали части 330-й и 342-й немецких пехотных дивизий и захватили железную дорогу. Враг больше не смог пользоваться ею для переброски своих войск и военных грузов. Выполнение этой задачи было очень высоко оценено. Около сотни офицеров, сержантов и солдат дивизии получили ордена и медали, а меня наградили орденом Кутузова 2-й степени.

На подступах к Орше застряли. Враг оборонялся с отчаянным упорством. Ему помогала погода. Шел ноябрь. Дожди стали сменяться заморозками. И немцам не сладко, но они сидят в землянках. А мы, наступающие, — под открытым небом. Днем мокнешь, а к ночи ударит морозец, и одежда на тебе превращается в ледяной панцирь. Двигаться трудно, действовать оружием еще труднее. И согреться, обсушиться — негде. Лежишь под огнем, дрожишь от холода.

Невесело солдату.

Боевые порядки 93-го и 90-го гвардейских полков, находясь в первом эше-

лоне, как наступали, так и залегли под огнем на совершенно открытой местности. Вечером моросил дождь, а к ночи подморозило. На всем фронте шла вялая ружейно-пулеметная перестрелка.

Оперативная группа штаба дивизии втиснулась в небольшую траншею и в землянку командира 93-го полка Лазарева (отсюда недавно выбили немцев).

— Плохо, товарищ генерал! — вздыхает Лазарев. — Люди мерзнут, кухни еще не подтянулись, да и не доставить еду в цепи: чуть шевельнешься — противник обрушивает огонь.

В середине ночи мороз достиг семи градусов.

— Гриценко, пошли! Попробуем пробраться к людям.

Вышли из землянки. Из-за облаков на землю неровно падал лунный свет. Ориентироваться легко. Вылезли из траншеи. Над головой посвистывают пули.

Вот уже видны на темно-сером фоне земли отдельные точки — это боевая цепь. Подползаем к ближайшему бойцу. Боец не движется. Но ствол автомата направлен в сторону противника. Под рукой лежит маленькая саперная лопатка.

— Дружок, спишь?

Медленный поворот головы в мою сторону и еле слышный вялый ответ:

— Нет!

— Замерз?

Молчание.

— Ты подвигайся, подвигайся и согреешься. А ну-ка давай!..

— Не могу.... Примерз я...

Пытаюсь сдвинуть его. Действительно, он примерз одеждой к жесткой, как камень, глине.

— Что же это ты? Разве можно так?.. Ну ничего, сейчас поможем.

Мы с Гриценко толкаем его, пускаем в дело лопатку. Наконец солдат переваливается на спину.

Поползав по цепям, спешим в землянку. Надо помочь бойцам, скорее накормить их горячей пищей. Вызываем добровольцев из второго эшелона, нагружаем их термосами, флягами с водой.

— Товарищи! — обращаюсь к ним. — Ваши боевые друзья замерзают. Вы должны их спасти, накормить, согреть. Это нелегко сделать, но надо.

Добровольцы поползли к цепям. К рассвету люди были накормлены.

Утром меня, прикорнувшего в углу землянки, разбудили:

— Товарищ генерал, послушайте, что немцы передают...

Я вышел из землянки и услышал четкую русскую речь:

—...Передайте генералу Стученко, что взять Оршу нахрапом, как он взял Ельню, ему не удастся...

— А что они еще передавали? спрашиваю.

— Передавали вам привет. Говорили, что знают о расположении нашей дивизии.

На второе утро, в это же время, повторилось то же самое, но только прибавилось приветствие моему правому соседу — командиру 85-й гвардейской стрелковой дивизии полковнику Городовикову Бассану Багминовичу. (Позже он стал Героем Советского Союза и генералом, сейчас работает секретарем Калмыцкого обкома КПСС.)

— Ну мы их тоже поприветствуем, будут довольны! — Я приказал подготовить огневой налет из минометов.

На третий день в передаче немцев упоминалась фамилия еще одного нашего комдива. Но кончить передачу мы им не дали, обрушив на «говорящую» установку огонь минометов. Гитлеровцы еще несколько раз пытались «приветствовать» гвардейцев, но дежурные группы минометов затыкали фашистским агитаторам глотку. Начался декабрь, а мы все не могли продвинуться. Вели разведку, оборудовали свои позиции. А 7 декабря нам сообщили новость: 10-я гвардейская армия выходит из состава Западного фронта и идет на север в состав другого фронта. Наша дивизия, войдя в состав 15-го гвардейского корпуса, тоже двинулась на север, по направлению к Великим Лукам.

Не доходя до Великих Лук, армия повернула на запад и стала сосредотачиваться в районе Невеля. Теперь мы в составе 2-го Прибалтийского фронта (командующий — генерал армии М. М. Попов, начальник штаба — генерал-лейтенант Л. М. Сандалов). Здесь, в 16 километрах от Невеля, 29-я гвардейская встретила новый, 1944 год. С большими надеждами вступали мы в четвертый календарный год войны. К этому были все основания. В течение предыдущего года советский народ под руководством Коммунистической партии добился многого. Две трети оккупированной врагом территории страны было освобождено нашими войсками. Противник отброшен на запад местами на 1 300 километров. Проведенные Советской Армией крупные операции на Волге и Дону, под Курском, Смоленском, на Днепре показали, как выросли наши силы. Стратегическая инициатива теперь в наших руках, и врагу ее уже не вырвать.

А сколько радости нам принесло освобождение таких городов, как Смоленск, Луганск, Днепропетровск, Харьков, Киев, вести об освобождении Таманского полуострова и о прорыве блокады Ленинграда! Это воодушевляло, укрепляло веру в скорую победу.

Меня, конечно, особенно взволнова-

ла весть об освобождении родного, милого моему сердцу Киева.

Армия продолжала вести тяжелые бои в лесах западнее Ново-Сокольников.

В конце марта мы с радостью узнали о том, что войска И. С. Конева взяли Черновицы и ведут теперь боевые действия уже в Румынии.

Обрадовал нас и приказ о перегруппировке нашей армии под Ново-Ржев. Уж очень хотелось нам поскорее уйти из лесов и болот, которые связывали маневр, обрекали нас на очень медленное, тяжелое продвижение.

Но и под Ново-Ржевом пришлось нам задержаться. Весенняя распутица сорвала наши планы. Все тонуло в грязи. Артиллерия не могла даже сменить своих огневых позиций. Стрелять было нечем. С большим трудом доставлялись боеприпасы, продовольствие людям, корм для лошадей и даже горючее для машин. Передвигаться можно было или пешком, или в танке. Даже лошади увязали в грязи.

К 22 апреля была совершена новая перегруппировка с целью овладения «Пушкинскими горами». Пехота вышла, артиллерия и обозы остались на старом месте: непролазная грязь не дала им сдвинуться с места. Минометы и мины бойцы несли на руках.

Ни о каком наступлении в таких условиях не могло быть и речи, пришлось перейти к обороне. В это время произошла смена командования фронтом.

Командующим 2-м Прибалтийским фронтом был назначен генерал армии Андрей Иванович Еременко, членом Военного совета — генерал-лейтенант Владимир Николаевич Богаткин, начальником штаба остался генерал-лейтенант Леонид Михайлович Сандалов.

23 апреля провели разведку боем, и очень удачно: захватили двенадцать солдат и унтер-офицеров 93-й и 19-й пехотных дивизий.

В разведку ходила прибывшая к нам рота штрафников. Действовали они смело, но безрассудно и неосмотрительно и потеряли убитыми и ранеными человек тридцать. Это опечалило нас всех. А тут еще набедокурил начальник дивизионной школы капитан Иван Третьяк, всеобщий любимец. Любили мы его за безумную храбрость, за то, что охотно шел на любое задание, каким бы оно ни было трудным. Казалось, скажи ему: «Третьяк! Приволоки Гитлера!» — он бы, наверное, ответил: «Слушаюсь!» — и пошел бы его добывать. Таким он был и в бою. Дивизионная школа бросалась в бой лишь в критических случаях, в качестве резерва. Третьяка это не удовлетворяло. Он бесконечно приставал ко мне с просьбой отпустить его командовать батальоном. Я его не от-

пускал, боялся, что он со своим горячим характером сразу голову сложит.

И вот он навлек неприятность и на себя и на меня. Активных наступательных действий мы в то время не вели. Третьяк совсем заскучал и как-то под вечер, взяв с собой двух бойцов, пошел на озеро, расположенное в двух километрах от дивизионной школы — наловить рыбы на ужин.

На берегу оказалась лодка и даже сеть в ней. Обрадовались «рыбаки». Сели в нее и только отъехали от берега, как их нагнали на двух лодках люди комендантской роты охраны нашего же 15-го корпуса. Завязалась словесная перепранка. Третьяк не хотел отдавать сеть и лодку. С ним не стали долго разговаривать, просто перевернули лодку и отняли сеть. Третьяк и его помощники оказались в воде. Рассерженные, они доплыли до берега, побежали в школу и вернулись с подмогой. «Прочесал» капитан местность вместе с расположенным на ней КП по всем правилам военного искусства. Обидчикам из комендантского взвода крепко досталось. Командир корпуса генерал-лейтенант Хоруженко, услышав пальбу, подумал, что на КП напали немцы.

Добряк комкор настолько разгневался, что потребовал отдать Третьяка под суд военного трибунала. Рассердился и командарм. Попало и мне по первое число за попытку защитить Третьяка. Но кое-как я уладил дело. Ограничились тем, что сняли его с дивизионной школы и назначили командиром батальона. Третьяк, узнав об этом, очень обрадовался. Обозлился я ужасно.

— Ты чему радуешься, чертов сын?.. Тому, что чуть под суд не угодил и меня подвел? Так, что ли? — отчитывал я капитана.

Злость моя, конечно, скоро прошла: нельзя было долго сердиться на этого двадцатилетнего капитана.

Сейчас, встречаясь с Героем Советского Союза генерал-майором Иваном Моисеевичем Третьяком, с трудом веришь, что это и есть тот самый Ваня Третьяк — бедокур и сорви-голова...

Мы готовились к наступлению. Фронт получил задачу — во взаимодействии с 1-м Прибалтийским фронтом овладеть Резекне, а в дальнейшем совместно с 3-м Прибалтийским и Ленинградским фронтами продвинуться вглубь Прибалтики, разгромить вражескую группу армий «Север» и освободить Ригу.

10 июля подвижная группа, командование которой было возложено на меня, подошла к исходному рубежу. Прорыв для нас должны были сделать 7-й и 19-й гвардейские корпуса, начав атаку с рассвета 11 июля. Но события развернулись по-иному.

Командующий фронтом А. И. Ере-

менко приказал провести разведку боем во второй половине дня 10 июля, т. е. тогда, когда наша подвижная группа головами двух колонн подходила к исходному рубежу для ввода. Командующий фронтом следил за боем передовых батальонов с наблюдательного пункта командарма М. И. Казакова на высоте у озера Кудеверь, откуда был прекрасно виден передний край противника. После короткого артиллерийско-минометного налета передовые батальоны бросились вперед, ворвались в первую вражескую траншею и захватили ее. Видя это, Андрей Иванович, как истинный кавалерист, быстро оценил обстановку и, решив использовать внезапность, дал команду на ввод подвижной группы.

— Ну, вперед! Желаю удачи, Андрей Трофимович! — сказал мне взволнованно Михаил Ильич.

Сбежав с бугра, сажусь в танк. С высоты башни вижу, что вся группа направилась к переднему краю. Когда мы пересекли его, уже стемнело. Разведывательные и передовые отряды вырвались вперед.

Кое-где в темноте вспыхивали автоматные и пулеметные очереди. Изредка взлетали ракеты. И вдруг... шквальный огонь обрушился на главные силы подвижного отряда. В черное небо взвились десятки, сотни осветительных ракет. Стало светло как днем.

Танки пострадали мало, но среди пехотинцев, сидящих на автомашинах, были раненые и убитые. А на некоторых машинах загорелись дополнительные баки с горючим. Пехота, соскочив с загоревшихся машин, залегла и вступила в перестрелку с противником.

«Эх, рано ввели нас», — промелькнула горькая мысль. Но ничего не поделаешь: теперь надо прорываться только вперед.

— Гриценко!.. Дать серию красных ракет!

Это, как условились на тренировках, означало, что все автоматчики и пулеметчики открывают огонь с бортов машины вправо и влево от оси движения.

— Дать танкистам радиосигнал «Всем молот»!

Этот сигнал означал: танкам с четными номерами вести оружейный методический огонь прямо перед собой и вправо под углом 25-30°, а танкам с нечетными номерами — вперед и влево от оси движения.

Дополнительно всеми средствами связи была дана общая команда:

— Вперед! Только вперед!

Все это относилось только к нашей левой колонне. Правая колонна шла в 4-5 километрах в стороне от нас и встречала лишь небольшое сопротивление противника.

Ведя огонь, мы проскочили опасное

место. Ночной бой прекратился. Организованного сопротивления нам уже никто не мог оказать, так как мы проскочили подготовленную противником оборону.

На рассвете наше внезапное появление в тылу противника произвело большой эффект. Целые подразделения и части, завидя нас, бросали оружие и сдавались в плен.

16 июля мы были у Опочки. Штурмовали два раза. К утру город был в наших руках. Народ высыпал на улицы. Истосковавшиеся советские люди трогательно нас приветствовали, обнимали, целовали. Большое любопытство вызвали у горожан, как и везде до этого, наши погоны. Ведь в начале войны воинские звания у нас различались по знакам на петлицах (треугольники, кубики, прямоугольники-шпалы, ромбы и маленькие золотые генеральские звездочки). И вдруг погоны! Некоторые даже спрашивали:

— А вы Красная Армия? Та, что до войны была, или другая?

Наконец-то мы на ближних подступах к городу Резекне. В ночь на 26 июля перед решительной атакой была произведена разведка боем. И очень удачно. Мы взяли пленных. У одного из них — немецкого офицера — оказалась карта обороны подступов к городу. Этот ценнейший документ был немедленно направлен в штаб армии, а затем в штаб фронта.

На следующий день немцы были выбиты из города. Войсками 2-го Прибалтийского фронта был взят город Даугавпилс (Двинск). Народ радовался нашим успехам. Москва отметила эту победу салютом. В Резекне в основном население латышское, но немало здесь и русских. Нас встречали с восторгом, как спасителей, как родных, близких людей.

А потом опять тяжелые бои с частями 10-го и 50-го армейских корпусов 18-й немецкой армии группы «Север», оборонявшей Прибалтику.

Расстаюсь с родной дивизией. Меня назначили командиром 19-го гвардейского Сибирского добровольческого корпуса. Тяжело расставаться с ельнинцами. Слишком сроднился я с этими замечательными людьми. И сейчас мы помним друг друга. Я получаю много писем от своих бывших однополчан, дорогих моих товарищей.

17 августа, развивая наступление к северу от Мадоны, 56-я гвардейская стрелковая дивизия успешно атаковала промежуточный рубеж, и комдив, полковник Анатолий Иванович Колобутин доложил: «Разгромил 69-ю и 227-ю пехотные дивизии противника. Немцы бегут. Имеем сотни пленных».

Я уже успел немного изучить характер Колобутина. Получив такую реплику, немедленно собираюсь к нему, чтобы разобраться в обстановке.

Полковник Колобутин исключительно скромен, честен, смел в бою. Во всех отношениях хороший офицер. И только одна черточка заставляет меня быть с ним постоянно настороже. Колобутин считается непьющим и никогда даже своей нормы — 100 граммов водки не выпивает, но с него достаточно и половины этого количества. Примет 50 граммов и преобразуется. Становится говорливым, чрезмерным оптимистом. И в это время самый незначительный успех в бою в его глазах приобретает фантастические формы.

Минут через сорок я уже был в дивизии Колобутина. В небольшом овраге неподалеку от наблюдательного пункта комдива в кустах копошилась, как мне показалось, большая группа немцев под охраной наших автоматчиков.

«Видно, напрасно я сомневался, — подумал я, — доложил он правильно. Молодец Колобутин!» Спускаюсь в овраг, интересуюсь, кого же захватили наши. Оказалось, что взято в плен больше сорока вражеских солдат и унтер-офицеров 159-го пехотного полка 69-й дивизии и 412-го пехотного полка 212-й дивизии.

Дальше выяснилось, что гитлеровцы пока и не собираются отступать, а тем более бежать, и по-прежнему упорно сопротивляются.

Да, Колобутин остается самим собой. Но, учитывая все же хоть небольшой, но успех дивизии, упрекать я его не стал. Тем более, встретил он меня с такой радостью, что просто обезоружил.

Спокойно разъясняю ему, что делать дальше. А начальнику штаба и заместителю по политчасти прямо намекаю: надо помогать комдиву при докладах в корпус, чтобы данные были более объективными.

— Постараемся, — отвечает за себя и за начальника штаба заместитель комдива по политчасти полковник Корсаков. Колобутин в нем души не чает — за высокую культуру, выдержку, военную грамотность, за смелость.

Возвращаясь от Колобутина, опять заглянул в овраг. Пленных уже там не было — увели. У кустов стояли две самоходки. Разговорился с их экипажами. Рассказали любопытную историю. Батарея самоходных установок действовала с 254-м гвардейским имени Матросова полком. Пехота с самоходками, овладев первой траншеей, пошла дальше и втянулась в кусты.

Заряжающий Салуквадзе заснул снаряд в орудие и взял в руки второй, когда услышал за спиной какой-то шорох. Обернувшись, он опешил от неожиданности. Два гитлеровца через открытый

задний борт лезли в самоходку. Что делать? Находчивый боец быстро прыгнул в себя. Перехватив снаряд поудобнее, он ударил им по голове сначала одного, а потом и другого. Оба фашиста с разбитыми черепами свалились за борт. Разгоряченный Салуквадзе снова поднял снаряд:

— Ну, кто там еще есть? Подходи, пожалуйста!

На следующий день политотдел выпустил специальную листовку, в которой описывалась находчивость Салуквадзе в бою.

В первой половине сентября нам дали небольшую передышку. Пополнялись людьми, техникой, вели небольшие бои тактического значения и разведку.

А 14 сентября снова загрохотали залпы артиллерии и «катюш». Авиация с воздуха бомбила резервы, артиллерию и узлы обороны врага. Все три Прибалтийских фронта одновременно возобновили наступление. Войска 10-й гвардейской армии, в том числе и нашего 19-го гвардейского корпуса, поднялись в атаку после часовой артиллерийской и авиационной подготовки.

Рядом с корпусом слева наступали дорогие мне гвардейцы Ельненской 29-й гвардейской дивизии. В этих боях они потеряли общего любимца — 23-летнего командира 90-го полка подполковника Владимира Андронникова. Володя глубоко, всей душой верил в силу народа, партии, в своих солдат и в свободные от боя минуты любил думать вслух — о том, как мы победим, как будет вновь хорошо жить людям на земле, и о том, как мы, фронтовики, после войны встретимся в Москве, где он обязательно будет учиться в Академии имени Фрунзе.

И вот Володи не стало. Не дожил он до светлых дней, о которых так мечтал. Пуля фашистского снайпера оборвала жизнь отважного командира с серыми восторженными глазами.

О его ранении мне, как соседу, стало быстро известно. Через два часа я разыскал его в медсанбате. Умер он у меня на руках... Хоронили его на другой день в Мадоне на площади, против здания райкома и райисполкома, над которым только что взвилось алое знамя.

В начале октября мы вышли на ближние подступы к Риге. Город уже хорошо просматривался в бинокль: до него оставалось 10 километров.

Но чем ближе продвигались войска к Риге, тем более упорное сопротивление оказывал враг. Бои приняли исключительно ожесточенный характер. Советская гвардия, воспитанная ленинской партией на примерах мужества и героизма советского народа, как всегда, показывала чудеса храбрости, решительности, настойчивости в достижении цели.

Подвиг стал нормой поведения этих отважных людей. Плечом к плечу с воинами-мужчинами бесстрашно сражались и воины-женщины. Сколько прекрасных дел они совершили! Перед моими глазами до сих пор стоит образ Ольги Жилиной, одной из многих девушек, одетых в солдатскую шинель.

До войны она жила в Новосибирске. Рано потеряла родителей. Росла у своих теток — сестер Широконосых. В последнее время работала в райкоме партии Центрального района Новосибирска. В июле 1942 года в Сибири начали формироваться части 19-го добровольческого Сибирского корпуса. В одну из этих частей Ольга вступила добровольцем.

Сибиряки прибыли на фронт.

В феврале 1943 года Ольга участвует в жарких боях под Великими Луками, где погиб Александр Матросов. В схватках за высоту 233,3 на подступах к Ельне девушка за одну неделю получила три ранения: 8, 12, и 15 августа. К тому времени она уже была награждена двумя орденами и медалью. Еще через месяц она за храбрость в бою получила четвертую награду — орден Славы. Она пишет в Новосибирск:

«С фронтовым гвардейским приветом, дорогие тети Лиза и Нюра! Я от вас получила три письма, но ответа не могла написать; была ранена в левую руку (пулевое сквозное ранение без повреждения кости). Сейчас уже вернулась в свою часть, рука зажила. Послала я вам денег 450 рублей. Пока, до свидания. Завтра или сегодня будем вступать в бой. Пишите».

22-я гвардейская дивизия снова наступает. 62-й гвардейский полк дивизии дрался за деревню Ошани, северо-восточнее Риги. За три дня боя — с 6 по 8 октября санинструктор Жилина вытаскивала из-под огня 75 офицеров и солдат с их оружием, оказав им первую помощь. Полк уже дрался за деревню Бумбери. Бой был кровопролитным. Позади боевых цепей полка чудом уцелел сарай. Сюда стали сносить раненых перед отправкой в тыл. Противник заметил это и открыл огонь по сараю. Загорелась крыша. Ольга в это время перевязывала раненых. Кто мог, стал выбираться из горящего сарая.

— Сестра!... Сестрица!.. Помогите! — слышались голоса.

Жилина поспешно стала выносить тяжелораненых. 16 человек она уже вытаскивала из горящего сарая. Но вот осколком мины ее ранило в бедро. Это не остановило героиню. Истекая кровью, поползла в сарай за семнадцатым раненым, последним. Сверху сыплются голыши. Дымится одежда. Ольга, оставляя за собой кровавый след, тянет и тянет за угол плащ-палатку, на которой лежит раненый. Новый взрыв. Осколок

впивается в грудь девушки. Она делает еще одно усилие, чтобы оттащить раненого подальше от пылающего сарая, и роняет голову на руки, которые так и не выпускают концов плащ-палатки.

Ольги не стало. В Берлине, в Трептов-парке, стала на веки двенадцатиметровая фигура советского солдата с ребенком в одной и с карающим мечом в другой руке. В этом величественном монументе есть и твой кусочек, Ольга!

Ольга Васильевна Жилина была посмертно награждена четвертым орденом — орденом Отечественной войны 1-й степени. Последний наградной лист на нее можно увидеть в Центральном музее Советской Армии.

Может быть, кто-нибудь из читателей упрекнет меня за столь большое внимание, уделенное Ольге Жилиной. Нет! Упрекать не надо. Это одна из тысячи героинь, подавляющее большинство которых еще неизвестно народу, советской молодежи. Об их подвигах надо писать. И надо делать достоянием читателей их письма родным и близким — в этих наскоро исписанных листках тоже раскрывается чудесная душа наших боевых подруг — заботливых, нежных и бесстрашных.

Душа советского солдата... Порой она проявляется с самой неожиданной стороны.

Утром выхожу из землянки. Ежусь: морозец крепкий (дело было в январе). Мимо меня проходят «язык» и конвоир уже зрелых лет. Усы побелели от мороза. Повесил автомат на шею и усиленно дует на окоченевшие пальцы.

— Ты что же, друг, — спрашиваю, — рукавицы в разведке потерял?

— Да нет... не потерял... — смущенно улыбнулся конвоир и сердито прикрикнул на пленного: — Ну ты! Шагай, шагай, шинель!

Гляжу на немца, и сразу все становится ясно: на руках «языка» — добротные меховые рукавицы советского солдата.

Воин-мститель, в трескучий мороз отдающий побежденному врагу последние свои рукавицы... На такое великодушие способен только наш солдат!

10 октября получаем неожиданный приказ. 10-я гвардейская армия должна сдать свою полосу наступления 54-й армии 3-го Прибалтийского фронта и перегруппироваться, чтобы возобновить наступление на Ригу с юга, охватывая ее частью сил с запада.

Досадно: мы же пробились уже почти к самому городу. Но приказ есть приказ.

Наступление велось широким фронтом. С юго-востока — 1-я ударная армия. Прямо на запад, в направлении

Митава, Кулдига наступала 22-я армия, имея на своем правом фланге 130-й Латышский корпус под командованием генерал-майора Бранткална. Два корпуса нашей 10-й гвардейской наступали с юга, а мы, 19-й гвардейский корпус, обходили Ригу с запада. Наша задача — захватить Дачные поселки (на Рижском взморье), подойти к самому берегу моря и тем самым отрезать 16-й армии немцев путь отхода в Курляндию.

В первом эшелоне на правом фланге шла 22-я гвардейская дивизия, наступая на Дачные поселки прямо «в лоб». 65-я гвардейская двигалась левее. Здесь сопротивление немцев было менее организованным. Учтя это обстоятельство, приказываю 65-й сместиться еще левее и к 16 часам обходным маневром выйти к морю, овладев западной окраиной Дачных поселков. 56-я гвардейская оставалась в резерве. Она шла вслед за 22-й в готовности быстро развернуться для боя на любом направлении.

Все развивалось нормально. В полдень начальник штаба корпуса полковник Табачный доложил, что командарм, ссылаясь на требования командующего фронтом, приказал какими угодно путями как можно скорее выйти к морю (это имело большое значение в связи с начинавшимся совещанием «большой четверки» в Москве).

— Передайте это генералу Андрищенко, — ответил я. — И добавьте, что, выйдя к морю, пусть частью сил удерживает Дачные поселки и берег, а главные силы дивизии сосредоточит южнее в качестве резерва: они понадобятся, если противник попытается прорваться вдоль моря. Я же немедленно еду к нему сам.

Спустя несколько минут с группой всадников охраны и разведки я направился к Андрищенко. Сплошного фронта на этом направлении не было, поэтому ехали осторожно, периодически высылая вперед разведку. Два раза пришлось галопом уходить от вражеских пуль. Через полтора-два часа движения километрах в десяти юго-западнее Дачных поселков мы заметили скопление войск. Внимательно всматриваюсь через бинокль. Свои! Но почему они не движутся? Или это резерв? Почему же так далеко от берега?

Приближаемся. Замечаю в сторонке группу офицеров. Среди них вижу и приземистую фигуру комдива Андрищенко в коричневом кожаном пальто.

На полном скаку останавливаю коня.

— Где дивизия? И что вы тут делаете?

— Как где? Собираемся по полкам по вашему приказу. Здесь один стрелковый и артиллерийский полки и штаб дивизии, в трех километрах отсюда собираются остальные.

— А к морю кто вышел? Кто удерживает Дачные поселки и берег?

— Никто. Вы же приказали кончать выполнение задачи и сосредоточиться южнее Дачных поселков.

— Да вы что, с ума сошли? Почему прекратили выполнение боевой задачи? — вскричал я.

— Товарищ генерал! Что хотите, то и делайте со мной, но я не при чем. Вот радиogramма ваша...

Поняв, что произошло что-то очень серьезное, побледневший комдив подает мне радиogramму. Читаю: «Комкор приказал: кончайте выполнение задачи и главные силы сосредоточивайте в районе...» Далее следуют координаты. И подпись начальника штаба корпуса.

Стало ясно, что полковник Табачный, желая сократить радиogramму, перестарался и не подумал, как ее поймут подчиненные. Заниматься расследованием не было времени. Надо выправлять положение. Немного овладев собой, распорядился:

— Выпрячь и собрать всех лошадей. Вызвать людей, кто умеет ездить верхом. Через сорок минут все они должны быть здесь, около меня!

Через час импровизированная конница — около двухсот всадников, большей частью сидящих на неоседланных лошадях, с пулеметами на повозках, галопом неслась к морю. Немцы, прикрывавшие это направление небольшими силами, увидя скачущих лошадей и приняв их за настоящую кавалерию, оказав незначительное сопротивление, разбежались.

В 16 часов мы были у моря, захватив западную окраину Дачных поселков, о чем немедленно было донесено по радио в штаб армии. Путь врагу на запад был отрезан, но, как оказалось, большинство гитлеровцев все же ушло в Курляндию морским путем, на судах.

Через час к поселкам подошли и главные силы 65-й дивизии и почти одновременно с ними — 22-я.

13 октября Москва салютовала войскам 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, освободивших столицу Латвии Ригу.

22-й и 65-й гвардейским дивизиям было присвоено наименование Рижских, а 56-я гвардейская удостоилась ордена Красного Знамени. Многие участники боев за Ригу — солдаты, сержанты, офицеры и генералы — получили правительственные награды.

16 октября через Ригу торжественно прошли войска 130-го Латышского корпуса и 10-й гвардейской армии. Население города радостно приветствовало своих освободителей. Одинаково сердечно рижане обнимали и своих земляков-латышей, и русских воинов-сибиряков. Едина и нерушима наша многонациональная советская семья.

Получили подарки от сибиряков — несколько вагонов сибирских пельменей. Сколько радости они нам доставили! Надо было посмотреть на лицо солдата, когда он на привале доставал из своего вещевого мешка горстку пельменей, бросал их в котелок с кипятком и с наслаждением вдыхал аппетитный аромат. Сразу вспоминались родные места, дом, семья, все, что дорого сердцу солдата. Мы, конечно, поделились своим сокровищем с соседями. Всем хватило. Вместе с подарками пришли письма от родных, близких и знакомых. Немало писем было от общественных организаций. «...Мы глубоко верим, — читали мы в одном из них, — что карающий меч вы не вложите в ножны до тех пор, пока не будет завершено дело разгрома немецко-фашистской армии, пока не будет добит фашистский зверь в его собственной берлоге, пока не будет водружено над Берлином знамя Победы. Мы верим, что в грядущих боях славные воины-сибиряки покроют себя новой неувядаемой славой». Письмо кончалось стихами:

С врагами за Родину биться
У вас не устанет рука,
Недаром ведь в жилах струится
Горячая кровь Ермака...

Командиры и политработники читали эти письма вслух в землянках на передовой, на партийных и комсомольских собраниях, на митингах перед боем, а иногда и беседуя с бойцом с глазу на глаз.

— Это письмо адресовано и тебе. Видишь, как надеются на тебя твои земляки. Надо оправдать их надежды.

Такие беседы доходили до сердца каждого. Письма напоминали гвардейцам о том, что их помнят и ждут домой с победой. Они укрепляли решимость скорее покончить с врагом. Письма из родных мест, дышащие горячей народной любовью, помогали нам, командирам и политработникам, ближе стать к бойцам, поднимать их моральный дух.

И сами мы, читая эти письма, острее чувствовали свою ответственность перед народом, перед партией, перед своими близкими за исход боя, за исход всей войны; за ее скорейшее окончание.

11 декабря меня вызвали на командный пункт армии. У въезда на КП скопление легковых машин, причем «чужих».

— Кто это приехал? — спрашиваю у встретившего меня начальника штаба армии генерал-майора Николая Павловича Сидельникова.

— Василевский здесь. Будешь докладывать ему. Иди в землянку Михаила Ильича, там уже Кулешов и Хоруженко, ты один остался.

Войдя в землянку командарма, я стал конец разговора маршала Василев-

ского с Казаковым. Здесь же сидели генерал-майор Кулешов, недавно назначенный командиром 7-го гвардейского корпуса, и генерал-лейтенант Хоруженко — командир 15-го гвардейского корпуса нашей армии. Василевский несколько раздраженно указывал на плохие дороги и неудовлетворительную комендантскую службу, по вине которой ему пришлось плутать и где-то сидеть с машиной в грязи.

М. И. Казаков представил меня маршалу Александру Михайловичу Василевскому — представителю Ставки, приехавшему координировать действия фронтов. Василевский заслушал мое решение, расспросил о том, как наступление будет материально обеспечено.

— Вы уверены в успехе?

— Я уверен в том, что гвардейцы корпуса будут драться, как всегда, отлично.

Сказав это, я выжидательно посмотрел на маршала. С Василевским я встречался впервые. Мой уклончивый ответ он мог расценить как неуверенность в успехе. А я не мог ответить прямо потому, что перед глазами стояли картины непролазной грязи, в которой тонули войска, боевая техника, автомашины, не мог я забыть и о том, что у нас очень мало боеприпасов: нам очень скупо отпускали их, потому что основная масса снарядов отправлялась на запад, на решающее направление. Трудно привести хоть один случай за все бои в Курляндии, когда мы получили бы на операцию достаточное количество снарядов и мин, чтобы могли бы хорошо подавить огнем оборону противника, прежде чем идти в атаку. Вот всем этим и объяснялся мой не совсем определенный ответ.

Маршал внимательно посмотрел на меня и тихо произнес:

— Ну что же, и это хорошо. Желаю вам успеха.

Назначенное на 13 декабря наступление не состоялось. Ждали сильных заморозков, а потеплело еще больше, дороги окончательно развезло. Даже пешком пройти нелегко.

Начало наступления перенесли. А заморозков все не было. И так срок откладывался несколько раз. Только 20 декабря после восьмидесятиминутной артиллерийско-авиационной подготовки гвардейцы 10-й армии перешли в наступление.

В боях за Музикас были острые моменты. Гвардейцы совершили здесь немало подвигов. Пулеметчик Звягинцев, оставшись один у пулемета, до последней минуты вел огонь по вражеской пехоте, стремясь отсечь ее от танков. Много вражеских солдат осталось лежать на заснеженном поле боя. Но герой был обнаружен экипажем одного из фашист-

ских танков. Фашистская машина устремилась прямо на Звягинцева. Погиб еще один патриот — верный сын своей Родины, сражавшийся за нее до последнего вздоха. К великой досаде, были и иные случаи: командиры двух рот 65-го полка лейтенанты Галиев и Породин не выдержали натиска врага и без приказа стали отходить, правда, потом они эту вину искупили полностью и сражались отважно, геройски. Сдали нервы у командира батареи 45-миллиметровых орудий младшего лейтенанта Шарапова, который, видя идущую на него громаду танков, сначала принял бой, но, когда осталось только одно исправное орудие, он вынул из него затвор и покинул огневую позицию. С ним тоже пришлось строго поговорить, напомнить гвардейскую заповедь: «Стоять насмерть!»

Вечером 27 декабря в мою землянку на наблюдательном пункте, расположенном на западной опушке леса в 800 метрах севернее деревни Лаздрувас вошел начальник разведотдела.

— Товарищ генерал! В лесу слышится шум моторов. Наверно, немцы подводят сюда новые танки.

Выйдя из землянки в траншею, положив голову на бруствер, прислушиваюсь. Действительно, с севера доносится шум моторов. Несомненно, танки.

— Немедленно забросить две маленькие разведгруппы в тыл противнику. Не позже трех часов ночи мы должны знать, что там.

Возвратившись в землянку, связываюсь с командармом. Докладываю о предполагаемом сосредоточении танков. Тайным замыслом при этом у меня было попросить у командарма две-три батареи, а, может быть, и целый полк противотанковой артиллерии.

— Думаю, что особых оснований волноваться нет, — как всегда спокойно отвечает Михаил Ильич. — Может, показалось, померещилось? Но вообще, смотрите сами. Какие меры нужно принять — принимайте.

По его спокойному тону стало ясно, что ничего у него не выпросишь, а раз так, то не надо и пытаться.

Что же делать? Зову командующего артиллерией корпуса полковника Чижика.

— Что осталось у нас в резерве из противотанковых орудий?

— Ничего!

— Тогда вытаскивайте на прямую наводку все гаубицы пятьдесят шестой и шестьдесят пятой дивизий. И немедленно!.. Ставьте их так, чтобы во фланг ударили, если немецкие танки пойдут из леса севернее Гобас.

— Слушаюсь! Но успеем ли мы вытаскивать их к рассвету? А потом... Если танки прорвутся, то понимаете, что будет? Вся артиллерия двух дивизий ос-

танется у противника... Снег-то сейчас глубокий, в случае чего, отвести не успеем ни одного орудия.

Поколебавшись минуту, подтверждаю свое решение:

— Вытаскивать! К четырем часам утра занять огневые позиции для стрельбы прямой наводкой во фланг. Выполняйте!

Трудно передать, что было пережито мной после этого приказа. Всю ночь, стоя в траншее и жадно вслушиваясь в шумы, мучительно думал... Ведь если не сумеем задержать танки, гаубицы, выдвинутые на прямую наводку, попадут в руки врага. Тогда меня наверняка ожидает суд за такое беспрецедентное использование гаубиц...

Прошло много лет, а та ночь, тревожная, полная сомнений, и сейчас свежа в памяти. Было вдвойне тяжело от того, что все переживал в одиночку. Я не мог, не имел права никому, даже своим ближайшим заместителям, показать хоть признаки сомнения.

К трем часам ночи наступила полная тишина. Темно. Только изредка взлетают осветительные ракеты. Начальник разведотдела доложил, что никаких данных от заброшенной в тыл противника разведки нет.

Еле уловимые признаки рассвета заставили усилить наблюдение. Темные контуры леса, занятого противником, стали выступать все более и более отчетливо из мглы. Рев множества моторов как-то сразу ворвался в предутреннюю тишину и заставил всех нас встрепенуться и насторожиться.

— Дать сигнал по радио и ракетами о готовности к отражению атаки танков! — приказываю начальнику оперативного отдела...

Когда танки оторвались от опушки леса, мы не заметили. Увидели их уже в поле.

— Множество танков движется на нас, сосчитать трудно, — докладывает стоявший неподалеку от меня разведчик-артиллерист старший сержант Ряузов.

Между прочим, у Ряузова был несомненный талант художника. После войны мы направили его учиться в Москву, он стал неплохим живописцем, написал несколько картин и среди них полотно, отобразившее этот памятный бой.

Танков шло много, но меньше, чем казалось. За танками двигалась пехота на бронетранспортерах, которые мы сначала приняли тоже за танки.

Первыми открыли огонь противотанковые орудия и ружья из боевых порядков пехоты 22-й и 56-й дивизий. Но противник легко прорвался через позиции пехоты. И тогда ударили гаубицы...

Обычно мы считали и сейчас считаем, что из ствольной артиллерии главным противотанковым средством являются пушки. Но то, что мы наблюдали в то

памятное утро 28 декабря, опрокинуло все ранее имевшиеся представления о противотанковых способностях гаубиц. Это была потрясающая картина расстрела танков врага.

Гаубицы били прямой наводкой с 200, максимум с 600 метров. Эффект был потрясающий. Когда снаряд попадал удачно, раздавался лязг, и башня танка, словно игрушечная, срывалась с основания и летела в сторону. Через две-три минуты с десятков вражеских машин пылали факелами. Остальные не выдержали, остановились, повернули назад. Еще раньше повернули бронетранспортеры. Совсем рассвело, и стало хорошо видно, как под огнем немецкая пехота спрыгивает с машин и в панике бежит к лесу. Вот тогда-то мы и разобрались окончательно, где были танки, а где — бронетранспортеры.

В радостном возбуждении наблюдали мы за боем.

— Вас вызывает к телефону командующий армией, — докладывает Гриценко. Беру трубку, слышу:

— Ну, что там такое делается у вас?.. Что за канонада?

Мой доклад Михаил Ильич, чувствую, воспринимает не совсем доверчиво. Предлагаю ему:

— Так вы приезжайте, убедитесь сами.

Минут через пятьдесят М. И. Казаков уже стоял рядом со мной в траншее и наблюдал за догорающими танками и бронетранспортерами противника. Мы насчитали шестнадцать факелов. Командарм с довольным видом покручивал усы.

Наступил 1945 год. Советские войска все более и более прижимали фашистского зверя к его берлоге. Приближалась развязка четырехлетней кровопролитной войны.

В январе группа немецких армий «Север» была переименована в группу армий «Курляндия», куда входили те же 16-я и 18-я немецкие армии. Командовал группой генерал-полковник Шернер. Перед ним была поставлена задача: «приковать» 1-й и 2-й Прибалтийские фронты к Курляндскому полуострову и этим лишить советское командование возможности перебросить войска на другие направления, в частности, на Берлинское.

У многих попавших к нам пленных на левом рукаве была нашита лента с надписью: «Курляндия». Выяснилось, что это почетный отличительный знак. Всем защитникам Курляндского полуострова «фюрер» пообещал по окончании войны дать во владение большие земельные участки и даже усадьбы. Угрозы и посулы действовали: гитлеровцы дрались крепко, почти не отступали, правда, и

отходить-то им было некуда: позади море.

Войскам нашего 2-го Прибалтийского фронта, как и соседнего — 1-го Прибалтийского, директивой Ставки от 13 января предписывалось блокировать группу армий «Курляндия» и воспрепятствовать переброске ее дивизий на другие участки советско-германского фронта.

Активные действия наших войск держали фашистов в постоянном напряжении.

Мартовские бои нам особого успеха не принесли, за что посыпались неприятности. Фронт и Ставка искали виновных.

В нашей армии был заменен начальник штаба армии и два (из трех) командира корпуса, что вряд ли принесло пользу.

В этот же период свершилось слияние двух фронтов — Ленинградского и 2-го Прибалтийского — в один Ленинградский.

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ!

В то время как мы вели не совсем успешные бои и увязали в болотах Курляндии, на других участках советско-германского фронта шли завершающие сражения.

В начале апреля мы были обрадованы известием о захвате гнезда восточно-прусской реакционной военщины — города Кенигсберга и полной ликвидации кенигсбергской группировки противника.

В конце апреля мы узнали об окружении Берлинской группировки и встрече войск 1-го Украинского фронта с американцами на реке Эльбе. Стало ясно, что войне конец, идут ее последние дни. Но бои еще продолжались и на Берлинском направлении, и на Пражском, и у нас в Курляндии. Причем, они шли с неослабевающим ожесточением. Враг понимал неотвратимость своего поражения и в озлоблении сопротивлялся отчаянно.

А от нас требовали наступать и наступать, чтобы быстрее принудить врага к капитуляции. Это приводило к большим потерям, которые накануне предрешенной победы переживались особенно тяжело. До слез становилось обидно, когда погибал человек, не дожив нескольких дней до конца войны. Мы, командиры, всячески старались избежать ненужных потерь, сохранить людей.

8 мая мы снова наступали. Плотный огонь заставил нашу пехоту залечь.

В 16 часов позвонил мне М. И. Казаков.

— Андрей Трофимович! — уже без всяких позывных говорит он. — Началась общая капитуляция немцев. Го-

товь трубача. Подбери офицеров, знающих немецкий язык.

— А с наступлением как?

— Пока не выбросят белый флаг — нажимай и боя не прекращай!

Поднимать уже залегшую пехоту мы не стали, но огоньку прибавили солидно: экономить боеприпасы смысла больше не было.

— Морозов доносит, что немцы выбросили белый флаг, наши наблюдатели подтверждают то же, — взволнованно докладывает начальник оперативного отдела.

— Прекратить огонь на этом участке!

Гляжу на часы... 16 часов 30 минут. Историческая минута... Неужели конец?..

Да, это был конец. Ужасная, кровопролитная война, принесшая столько страданий нашему народу, закончилась.

Дорогие наши боевые товарищи — Доватор, Полегин, Хриченко, Матросов, Андронников, Аникин, Жилина и многие тысячи, миллионы других героев отдали свою жизнь ради этой великой минуты. Увы, они не дожили до нее! При воспоминании об этом, несмотря на огромную радость победы, на глаза навернулись слезы.

Вскоре на наблюдательный пункт прибыла в полном составе, во главе со своим командиром, 2-я рота 552-го немецкого полка. Это она первая — пока единственная — выбросила белый флаг.

Как-то странно было видеть людей, которые час тому назад поливали тебя пулями, жаждали твоей гибели, а теперь стоят перед тобой и ожидают милости.

— Почему остальные не сдаются? — спрашиваю через переводчика.

— Боятся, господин генерал! — отвечает командир роты. — Если позволите, я пойду и расскажу им об условиях сдачи. Каковы они будут, господин генерал?

— Условие одно: сложить оружие и под командой своих командиров построиться для учета личного состава. И предупреждаю: вооружения и имущества не портить. Иначе будете строго отвечать.

— Нет! Нет! Мы портить ничего не будем. Позвольте мне идти?

— Да, но с вами пойдут наши автоматчики.

— Нет! Господин генерал, я пойду один. Меня предупредили об этом. Если кто из русских будет идти со мной, они откроют огонь.

— Ну хорошо! Идите один, если хотите, возьмите с собой кого-нибудь из унтер-офицеров вашей роты.

— Благодарю вас, господин генерал! Я возьму двух человек.

— Скажите своим офицерам: если через час вы не выбросите белые флаги и

не начнете сдавать оружие, мы перейдем в наступление. Доложите об этом и в штаб своей дивизии.

Не прошло и четверти часа после ухода командира роты, как на других участках тоже появились белые флаги.

Через час сдался весь 552-й пехотный полк. Прибыли представители штабов 290-й пехотной дивизии и 2-го армейского корпуса немцев для уточнения порядка капитуляции.

Крики «ура!», автоматные очереди, хлопки бесчисленных ракет... Объятия, поцелуи, радостные возгласы, лихая пляска тут же, у траншей, песни... Стихия безудержного восторга захватила всех и продолжалась весь вечер, всю ночь.

Утро 9 мая доставило нам много хлопот. Сдавалась вся 290-я пехотная дивизия во главе с командиром дивизии полковником Фретчером. Сдался и штаб 2-го армейского корпуса, но без командира корпуса генерал-лейтенанта Гаузе и начальника штаба. Куда они делись, я до сих пор не знаю. За первые два дня капитуляции штаб корпуса принял и учел 8500 человек. То же происходило в других корпусах армии. Сдавались немцы охотно, с молниеносной быстротой выполняли любое наше требование. Особенно, когда побежденные убедились, что по отношению к ним советские солдаты и офицеры проявляют большую гуманность и не допускают грубостей.

— Господин генерал! — обращается ко мне через переводчика Фретчер, когда я подошел к группе штабных офицеров, — позвольте поблагодарить вас, ваших офицеров и солдат за гуманное отношение к нам. Если так будет и дальше, то нам только остается пожалеть, что мы не сдались вам раньше.

— Хорошо, что вы осознали это, господин полковник. Правда, несколько поздно...

Фретчер смущенно улыбнулся, развел руками...

Объезжаю расположение немецких частей. На лесных полянах толпятся массы пленных: складывают в большие кучи оружие, сортируя его по видам.

10 мая корпусу была поставлена задача прочесать весь полуостров с юга на север, выловить всех гитлеровцев, укрывшихся в лесах, учесть все склады и военное имущество. На другое утро все три дивизии были развернуты в боевые цепи и двинулись в леса.

В распоряжение корпуса был выделен самолет ПО-2. Я почти не расставался с ним. С воздуха прекрасно просматривалась вся местность, наши движущиеся цепи. С самолета я и руководил действиями частей, наблюдал за ходом коротких боев (без них не обошлось).

Не раз после посадки на плоскостях и в фюзеляже мы обнаруживали про-

боины от разрывных немецких пуль. Однажды пулями перебило расчалку крыла и исковеркало тягу рулевого управления. Но и на этот раз все обошлось благополучно.

16 мая очистка лесов в назначенной корпусу полосе была закончена. Дополнительно взяли в плен около трех тысяч солдат и офицеров. Немцы редко вступали в бой и почти не оказывали сопротивления. Но изменники, составлявшие 19-ю латышскую дивизию, и недобитые власовцы редко сдавались добровольно. Приходилось применять оружие, а когда появились у нас убитые, то мы стали беспощадными к врагу. С болью в сердце мы хоронили товарищей, павших в бою уже после окончания войны. Это было очень тяжело. На войне так остро не чувствовались утраты, как в эти первые послевоенные дни.

Об этих боях знали не только на нашем Ленинградском фронте, знали о них в Москве и на других фронтах. Находились остряки, которые при встрече с нами спрашивали:

— А вы знаете, какой анекдот про вас ходит?

— Нет, не знаем, да и заниматься ими нам некогда.

— Говорят, уже и война кончилась и залпы салюта в честь победы отгремели, и вдруг москвичи, гуляя по улицам, слышат сильную артиллерийскую стрельбу. «Что это?» — спрашивают они друг друга. — «А это Ленинградский фронт добывает Курляндскую группировку!».

Иногда на такой анекдот мы отвечали шуткой, а чаще, вспоминая товарищей, погибших в последние дни войны и во время прочески курляндских лесов, осаживали остряка крепким словом.

Резкий телефонный звонок разбудил меня среди ночи.

— К тринадцати ноль-ноль надо быть у маршала Говорова, — слышу голос М. И. Казакова. — Самолет сядет в девять тридцать у штаба корпуса. Готовьте площадку и посадочный знак.

— Что захватить с собой? А какая причина вызова?

— Маршал сам скажет. С собой брать ничего не нужно.

Сон пропал. До рассвета мучил вопрос: зачем вызывает командующий фронтом?

Прилетев в штаб фронта, сразу к командующему не пошел, а в целях разведки — уж это у меня давно вошло в привычку — направился к начальнику штаба Маркиану Михайловичу Попову.

— Могу тебя поздравить с почетным заданием, — сказал он. — Предвидится в Москве парад Победы, от нашего фронта выделяются войска для участия в нем. Вчера Военный совет фронта обсуждал кандидатуры командира сводных частей от Ленинградского фронта. Остановились

на твоей. Вот и все. Остальное скажет Леонид Александрович. Если ты готов, я ему позвоню.

Маршал встретил меня хмуро, без улыбки и без слов. Первый раз за два месяца я близко с ним столкнулся и не знал, что это его обычная манера разговаривать с людьми.

— Садитесь! — только коротко бросил он.

Несколько секунд, которые показались мне вечностью, он молчал, а затем задал несколько вопросов. Последним был:

— Справитесь?..

— Справлюсь!

— Хорошо! Так и будем считать. Завтра прилетите ко мне в это же время с конкретным планом тренировки к параду. Завтра же отправитесь в Ригу, где будете принимать прибывающие войска. Там же будете тренировать их до отправки в Москву.

— Товарищ Стученко, — добавил присутствовавший при разговоре член Военного совета фронта генерал-лейтенант Богаткин, — вы должны твердо понять: задача ответственная — ленинградцы не могут быть хуже других на параде Победы.

В первых числах июня мы уже были в Москве, разместились на окраине, в в воинских казармах.

Тренировки проходили два раза в день по три часа.

В один из дней мы, командиры сводных частей от всех фронтов, были приглашены на территорию Всесоюзной сельскохозяйственной выставки для прослушивания маршей, под звуки которых мы должны были маршировать мимо Мавзолея В. И. Ленина на параде. Когда мы приехали, оркестр под управлением генерал-майора интендантской службы Чернецкого был в сборе.

Чернецкий попросил каждого из нас прослушать и записать выбранный марш и предупредил, что под этот марш и будет проходить каждый фронт торжественным маршем мимо Мавзолея.

Большинство маршей оказалось нам знакомо. Игались и новые, очень красивые своей мелодичностью и торжественностью. Я вслушивался не в мелодию, я искал резко выраженного размеренного темпа и хорошей слышимости барабана. И марш был выбран... «Марш энтузиастов», старый, хорошо знакомый марш, не раз слышанный до войны. Мой выбор вызвал у некоторых шутки, на которые я тоже отвечал тем же, но Чернецкий, записывая для ленинградцев этот марш, одобрительно кивнул головой.

19 июня вновь приехал маршал Говоров. Проверил, остался всем доволен, но и на этот раз ни разу не улыбнулся.

Еще задолго до дня парада между фронтами разгорелась борьба — кому открывать победное шествие. Каждый, конечно, считал свой фронт главным. Всех занимал вопрос, чья, какого фронта колонна пойдет первой, второй и третьей. Остальные порядковые места, кроме последних, никого не волновали.

Сначала предполагалось, что Ленинградский фронт пойдет четвертым, вслед за 1-м Белорусским, 1-м Украинским и 2-м Белорусским, участвовавшими в Берлинской операции. В середине июня дебаты вновь разгорелись. Наконец, было принято мудрое решение: фронтам идти в таком порядке, в каком они располагались в конце войны — с севера на юг. Это положило конец всем спорам. И никто не считал себя обиженным. Мы, ленинградцы, теперь пойдем вторыми, вслед за Карельским фронтом.

Утро 24 июня 1945 года выдалось хмурое. Свинцовые облака затянули все небо. Но несмотря на это, у всех было приподнятое настроение. Построились на плацу перед казармами. Яркие знамена, блестящие мундиры. Ордена и медали на груди прославленных воинов.

Идти нам пришлось далеко. Но этот путь был незаметным из-за радостного волнения, из-за встречи, устроенной москвичами. Они стояли на всем нашем пути движения к Красной площади плотными шпалерами по обеим сторонам дороги, то есть на тротуарах улиц. Бурные аплодисменты, цветы, радостные крики: «Родные вы наши!.. Слава вам!.. Ура...а!» Так на всем пути народ славил своих воинов, пришедших в столицу с победой. Но были и такие, которые махали приветственно нам руками и плакали... видимо, вспоминали своих близких, не доживших до этого радостного дня.

Площадь Дзержинского, через которую мы проходили, встретила нас мелким морозящим дождем. Он все-таки прорвался и шел, не переставая, весь день.

Ленинградцы построились спиной к Историческому музею.

— Парад, смирно! — раздавалась команда для встречи командующего парадом маршала Советского Союза Рокоссовского.

Приняв рапорт начальника гарнизона, маршал застыл на коне в центре площади, ожидая выезда принимающего парад. Гром аплодисментов, прокатившийся по всей площади, возвестил о выходе на трибуну Мавзолея руководителей партии и правительства. Настали торжественные минуты. После объезда войск принимающим парад раздались мощные, величественные звуки «Славься» тысячетрубного оркестра. Глинка как бы воплотил в эти звуки все, что характерно для нашего великого народа: широ-

ту души, необъятную мощь, великую способность на беспримерные подвиги во имя Родины, человечность и в то же время суровость к врагу.

Начался торжественный марш-шествие победившего народа, именно народа, ибо мы воплощали в себе весь советский народ, без помощи которого мы не смогли бы победить.

Пошел Карельский фронт. Подал команду и я. Уже близко трибуна, а Чернецкий играет все марш для карельцев (не помню, какой). Что же он делает? — с ужасом подумал я. Когда же мы возьмем ногу?.. От волнения меня начинает прошибать пот. Случилось непредвиденное и страшное недоразумение по оплошности Чернецкого. Он запоздал перейти на «Марш энтузиастов» для ленинградцев. Запоздал, видимо, потому, что по времени привык играть марши для всех фронтов семибатальонного состава, а Карельский сводный парадный полк имел только пять батальонов, как представитель самого маленького фронта. Чернецкий, надо полагать, увлекся и схватился очень поздно. Он перешел на наш марш, когда я уже поднял шашку кверху («подвысь») для салюта. В это время впереди идущий маршал Говоров и идущая за ним линия командармов начали менять ногу, услышав свой марш.

Что делать?.. Начать менять нам ногу?.. Нельзя! Так как в этом случае задней половине батальонов придется менять ногу перед трибуной... Это же скандал, непоправимый скандал, — в отчаянии думал я, оценивая обстановку.

Нет! Ноги менять не будем, люди вытенированы исключительно хорошо и уговор помнят, пройдут... И мы прошли!

Никогда не забыть нам, участникам парада, как падали к подножью Мавзолея немецко-фашистские знамена. Полотнища с ненавистной всему свободолюбивому миру паучьей свастикой, гремя дровками, одно за другим падают на мокрый гранит. Их много — некогда грозных и страшных штандартов, несших с собой кровь невинных жертв, смерть и разрушение. Теперь это — грязные, никому не нужные тряпки. Их гряда растет. Это все, что осталось от фашистского государства, от его армии. Такая судьба ожидает всякого, кто посягнет на нашу Родину, кто попытается остановить историю...

Наблюдая это всенародное торжество (проведя свои колонны, мы все вернулись к Мавзолею), я позабыл про дождь. И только почувствовав озноб, понял, что промок до нитки.

Эх, пропал мой новый, такой красивый мундир! Он действительно пропал: покоребился и золотое шитье потемнело.

На другой день вечером в Кремле состоялся прием в честь участников парада Победы.

Трудно описать чувство радости и

гордости за свой народ, за свои Вооруженные Силы, которое переполняло нас все эти дни. Впечатлений, мыслей было так много, что трудно было во всем разобратся, да и никто не стремился к этому. Все тонуло в бурной радости и всеобщем ликовании.

* * *

Прошло много лет с тех пор, как отгремели последние залпы Великой Отечественной войны. На месте разрушенных городов, сожженных сел, из руин и пепла выросли новые, еще более красивые. Коммунистическая партия успешно ведет народ к коммунизму. День ото дня мы живем все лучше, все счастливее.

Но душевные раны, которые нанес враг нашим людям, не зажили. Матери и отцы все еще оплакивают своих сыновей, дети — своих отцов, жены — своих погибших мужей. Мне пишет Аля Соколова из Вязниковского района Владимирской области, дочь героически погибшего под Гжатском майора Соколова:

«Андрей Трофимович! Мне стало известно, что Вы пишете книгу, в которой рассказываете о батальоне Соколова Александра Ивановича. Это мой папа. Я очень горжусь им и продолжаю любить его как живого. Мне уже 24 года, а я вспоминаю его, хотя в лицо уже не помню. Мне очень интересно узнать о нем все подробности, чтобы сохранить память о папе на всю жизнь...»

А вот отрывок из другого письма — письма волонтеров дорогой памяти Володи Андронникова:

«...Нам, старикам, очень тяжело беречь наши сердца, нашу никогда не заживающую боль по нашему единственному любимому сыну, которого отняла у нас ужасная война, но мы все-таки

просим рассказать нам в вашей книге, как погиб наш сын, ведь Вы были с ним...»

Или пишет сын погибшего комиссара Полегина — Анатолий — из Киева:

«...Мы, вся семья, до сих пор очень больно переживаем гибель отца. Мы Вам очень благодарны, что помните о нем и хотите упомянуть о нем в своей книге. Я уже инженер, работаю на заводе и стараюсь быть достойным своего отца...»

Нет!.. Еще не скоро затянутся кровоточащие раны памяти. Они и не заживут, история будет всегда напоминать народам о годах великих испытаний и призывать: будьте бдительны, боритесь за мир, против поджигателей новой войны! А они вновь брягают оружием, угрожают миру атомной катастрофой, не понимая того, что сами первыми же погибнут в ней.

Безумцы! Они забыли судьбу германского фашизма, не учитывают они и того, что мы стали во много раз сильнее. И мы не одни. Плечом к плечу с нами идут наши друзья — страны мировой социалистической системы.

Мы вырастили новое поколение. Оно уже подхватило наши боевые знамена. Да и мы еще сами продолжаем находиться в строю. И каждый из нас может сказать Родине словами поэта:

...Пускай утопал я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне слово,
Я снова все это пройду...

А врагов нашей страны, врагов человечества мы добром предупреждаем:

- Не трогайте нас!
- Не трогайте и наших братьев
по социализму!
- Горе вам будет.
- Не трогайте!..

Путешествие в страну книг

К четырехсотлетию русского книгопечатания

В центре Тбилиси, неподалеку от проспекта Руставели расположена Республиканская библиотека имени Карла Маркса — сокровищница грузинской национальной культуры. Одно из крупнейших книгохранилищ Советского Союза, она насчитывает около 8 миллионов, как принято говорить, «печатных единиц».

Какие из русских книг, хранящихся в библиотеке, наиболее ценны? Вот что интересовало нас в связи с исполняющимся в марте четырехсотлетием русского книгопечатания.

В ответ на этот вопрос директор библиотеки, заслуженный деятель искусств Грузинской ССР П. Канделаки предложил совершить вместе с ним «путешествие» в глубь веков по страницам русских уникальных изданий.

Заведующая раритет-хранилищем Ц. Чиквашвили открыла массивную с металлической решеткой дверь, и мы вошли в большую комнату со множеством книг. Строго и чинно стояли они на полках, будто храня безмолвную тайну веков. Но вот П. Канделаки снимает с полки одну из них, читает заглавие: «О способах творящих водохождение рек свободное», и в памяти всплыли великие преобразования Петра I в армии, флоте, строительстве. Книга была переведена по его приказу с французского и напечатана гражданским шрифтом в Москве в 1708 году.

Не менее уникальными оказались и другие книги из Московской типографии: фон Боргсдорфа, прославляющего деяния Петра I, взятие им Азова в 1696 году (издания 1709 года), и фон Кугорна, изданная и напечатанная «...на русском языке повелением царского величества... лета господня 1710 года». Книга называлась: «Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте, которое на три маниры показуется во фортикование внутренней величины...»: заполняя весь заглавный лист, фон Кугорн «коротко» знакомил читателя с содержанием своего труда.

Среди тысяч книг «золотой кладо-

вой» мы увидели «Немецкий целлариус или полезный лексикон...» 1735 года, «Монархию турецкую, описанную через Рикота...» 1741 года, «Книгу об атаке и обороне крепостей, изданную через господина Вобана» в 1744 году, многочисленные описания путешествий русскими и иностранцами, монографии по истории России, труды «Вольного экономического общества», «Китайское уложение» и много других редких изданий, вышедших в Петербурге и Москве с начала XVIII века. Здесь же хранятся первые русские переводы сочинений Цицерона, Овидия, Вольтера, Монтескье, прижизненные издания Ломоносова, Сумарокова, Пушкина, Гоголя и многих других.

А как была представлена Грузия в первых русских изданиях?

П. Канделаки достал с полки несколько книг, перелистал их страницы. «Санкт-Петербург. 1779 год», «История георгианская о юноше князе Амилахорове», «Краткая грузинская грамматика, сочиненная на русском языке» 1802 года, «Обозрение истории грузинского народа царевича Вахтанга Грузинского» 1814 года, «Путешествие в Индию» Рафаэля Данибегова (Данибегашвили) 1815 года.

В отделе мы познакомились и с богатой периодической печатью на русском языке.

Как рассказал П. Канделаки, первая русская газета «Тифлиссские ведомости» появилась в 1828 году по инициативе графа П. Ф. Паскевича-Эриванского, и ее издание было поручено специально учрежденному для этого Комитету под непосредственным наблюдением военного губернатора.

В 1833 году «Тифлиссские ведомости» прекратили свое существование, и на смену им пришли «Закавказский вестник» (1836—1846 годов), «Кавказ», а также газеты «Обзор» и «Новое обозрение», редактируемое известным литературным и общественно-политическим деятелем Н. Николадзе в период 1878—1882 и 1884—1891 гг.

Среди сотрудников этих газет были Г. Успенский, М. Антонович, молодой поэт Н. Симборский и другие русские писатели и общественные деятели.

В «золотой фонд» раритет-хранилища вошли первое издание «Капитала» Маркса на русском языке (1872 год), комплекты русской революционной газеты «Колокол», издаваемой А. Герценом и Н. Огаревым в Лондоне и Женеве (1857—1865 годы), 3 и 4 номера журнала «Работник», издаваемого по инициативе В. И. Ленина и при непосредственном его участии в 1896—1899 годах, несколько номеров нелегальной газеты «Пролетарий» 1905 года, вышедших под редакцией В. И. Ленина.

Большой интерес представили также русские издания в кабинете краеведческой литературы.

— В первую очередь необходимо назвать книгу киевского митрополита Е. Болховитинова «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии», — сказала главный библиотекарь Т. Мачавариани, доставая с полки это издание. — Она вышла в Санкт-Петербурге в 1802 году и, как сказано в предисловии, создавалась не по рассказам «...европейских путешественников, но из оригинала источников, большею частью сообщенных от пребывающих ныне в Санкт-Петербурге Грузинских посланников и Депутатов».

Особенно ценные сведения Болховитинов получил от грузинских царевичей и архиепископа Варлама.

С этим уникальным изданием соперничают по своему возрасту «Краткая история Грузии» царевича Давида (1805 год), «Описание древностей города Тифлиса» и «Гора Святого Давида в Тифлисе» Платона Иоселиани, записки царевича Теймураза, выпущенные к столетию Крцанисской битвы, и другие.

— Много ценных книг находится у нас в архиве Нико Николадзе, переданном в дар библиотеке его дочерью Р. Н. Полневковой-Николадзе, — про-

должала Т. Мачавариани. — Среди них — общественно-политическая и художественная литература, труды в экономике, философии, русская революционная периодика.

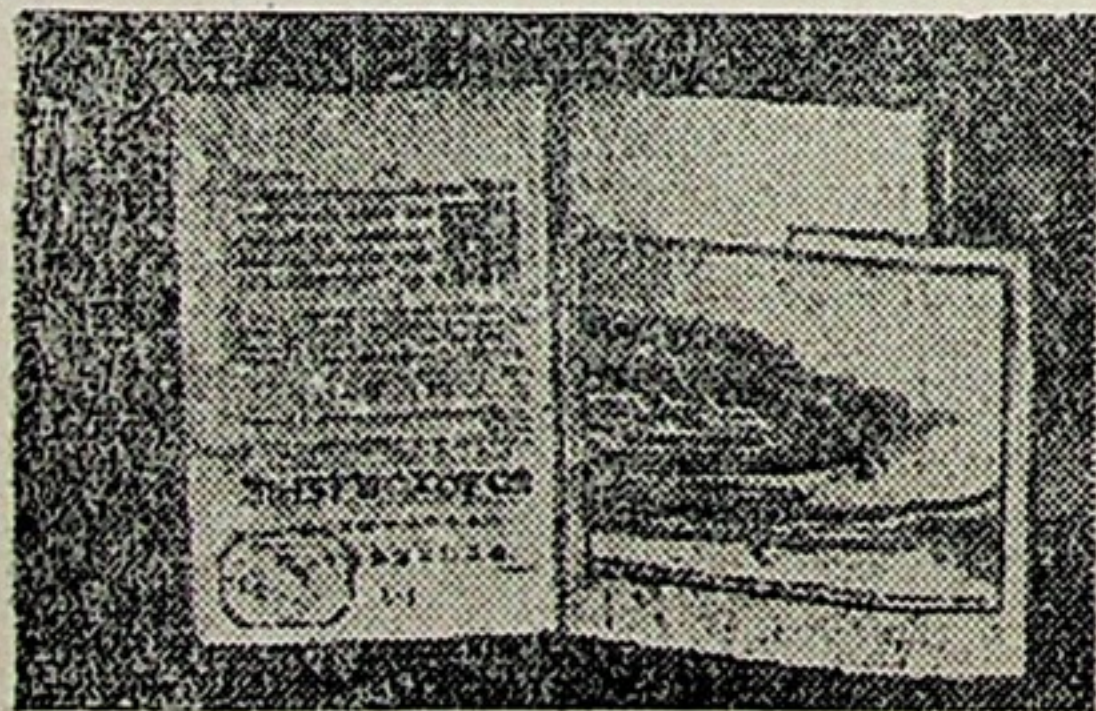
«Один из богатырей молодого поколения, фигура яркая и многогранная», — как отозвался о нем Илья Чавчавадзе, — Н. Николадзе встречался с Марксом, сотрудничал в «Колоколе» с Герценом, переписывался с М. Антоновичем, Г. Успенским, Н. Михайловским и другими.

Их письма к нему — яркое свидетельство дружбы двух народов, сближения их культур. Вышедшие в 1949 году в издательстве «Заря Востока» под редакцией профессора В. Шадури «Письма русских литературно-общественных деятелей к Н. Я. Николадзе» пользуются большим спросом наших читателей, а также за пределами республики.

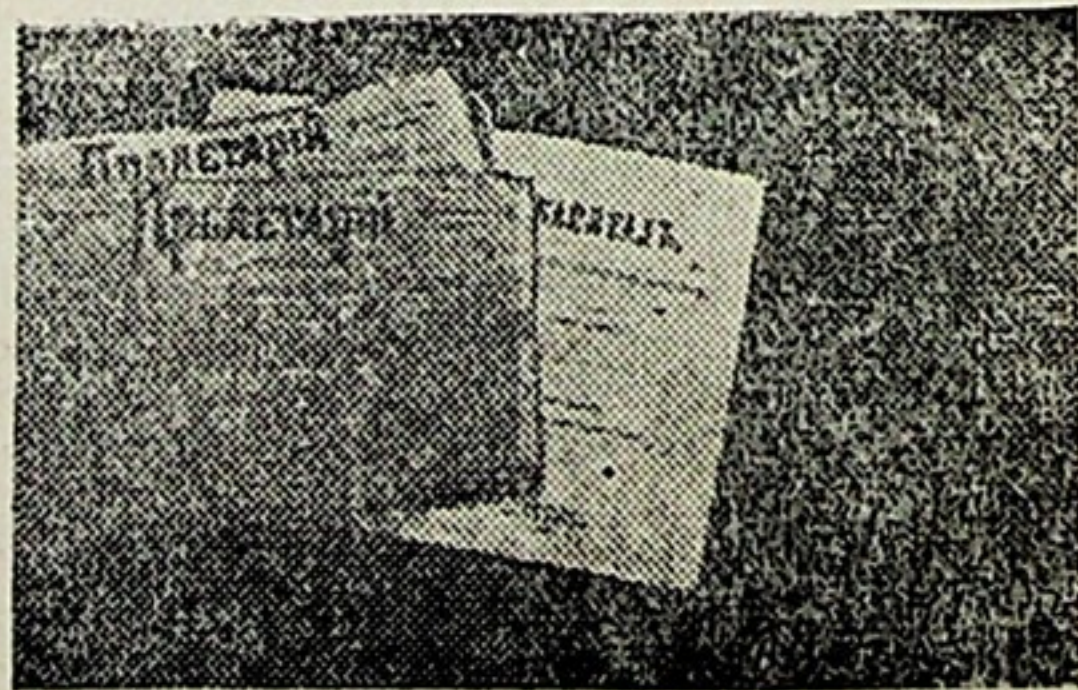
Особенно близок был Николадзе к Чернышевскому. Кабинет краеведения бережно хранит книгу «Н. Г. Чернышевский в Саратове», посланную дочери Николадзе внучкой великого русского революционера-демократа Н. Чернышевской с надписью: «Посылаю эту книгу с далекой родины Н. Г. Чернышевского в память его великой любви к угнетенной Грузии и в знак семейной традиционной дружбы между семьями Чернышевского и Н. Я. Николадзе. 11/VII-40 г.»

Недавно Р. Н. Полневкова-Николадзе подарила кабинету краеведения другую интересную книгу — «Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. I. — Петербургский университет. 1819—1895» с воспоминаниями Н. Николадзе о шестидесяти годах. На книге надпись: «Дорогой Русудане Николаевне от ленинградских друзей, которые помнят и чтят Нико Николадзе. Л. Григорьев. 28/V 63 г.»

— Вероятно, вам небезынтересно узнать, — сказала Т. Мачавариани, —

Уникальная книга 1709 года «О способах, творящих водохождение рек свободное».

Номера газеты «Пролетарий», вышедшие в 1905 году под редакцией В. И. Ленина, и первое издание «Капитала» К. Маркса на русском языке.

что среди многих редких книг из личной библиотеки Ильи Чавчавадзе у нас хранится сборник «Силуэты» писателя-народника Гр. Мачтета, автора известной революционной песни «Замучен тяжелой неволей», с которым, как видно из надписи, Чавчавадзе был лично знаком.

Наряду с этими книгами в кабинете краеведения собрана обширная литература на русском языке о Грузии и Кавказе.

Большинство книг получено из коллекций известного грузинского историка Д. Бакрадзе, бывшего директора Тифлисской публичной библиотеки Г. Гехтмана (труды по экономике и истории), кавказоведа Е. Вейденбаума, краеведов — братьев Томамшевых, профессора-химика Завриева и т. д.

В течение многих лет из Москвы присылал в дар библиотеке уникальные издания доктор медицинских наук профессор М. Саркисов-Серазини.

И все же, как ни богато представлены русские издания в кабинете краеведения и в отделе редких книг, их неизмеримо больше в общем фонде — свыше трех миллионов.

Комплектуются они в основном за счет обязательного экземпляра со всех концов Советского Союза, а также путем покупок, инкорпораций, приобретенных у частных лиц.

Полки с ними занимают квартал, и, чтобы доставить читателю ту или иную

книгу, сотрудники русского книгохранилища проходят в день не один километр пути.

— Только в 1963 году, — рассказывает заведующая книгохранилищами В. Джваридзе, — к нам поступило 64 219 русских книг, а за январь 1964 года — 4 397. Это фантастические цифры, если их сравнить с первоначальным фондом Тифлисской публичной библиотеки, основанной в 1846 году и насчитывавшей всего 88 русских изданий.

Мы подходим к полкам с новыми книгами. Многие из них еще пахнут типографской краской. Здесь и «Ленинский комсомол» — очерки по истории ВЛКСМ, и «Пуск управляемых ракет» М. В. Патрикейцева, повесть З. Фахтулина «Я говорю тебе — живи» о Герое Советского Союза Кудрате Суюнове, повторившем бессмертный подвиг Александра Матросова в боях за освобождение Украины, и сборники «Технической информации», и брошюра В. А. Мезенцева «Наш друг — химия» и многие, многие другие...

Наше путешествие по библиотеке закончено. Мы выходим из вестибюля, а навстречу идут и идут читатели. И разве удивительно, что с каждым днем их все больше и больше, что двери библиотеки открыты с утра и до позднего вечера, ибо, приходя сюда, мы находим здесь самое дорогое — источник знаний.

Меджид ХВАРЦНИЯ,
заведующий лекторской группой
Абхазского обкома КП Грузии

За действенность научно-атеистической пропаганды

В свете выдвинутых XXII съездом КПСС и июньским Пленумом ЦК партии больших и ответственных задач неизмеримо возрастают роль и значение коммунистического воспитания, в том числе научно-атеистической пропаганды.

В новой Программе КПСС указываются средства и методы атеистической работы, обеспечивающие торжество научно-материалистических взглядов.

Программа КПСС, ее положения и выводы о путях преодоления религиозных предрассудков проникнуты духом вечно живого, творческого марксизма и являются дальнейшим развитием ленинских принципов отношения Коммунистической партии к религии.

Владимир Ильич Ленин в статье об отношении рабочей партии к религии писал: «Мы должны бороться с религией. Это — азбука всего материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого материалистически объяснять источники веры, религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди: эту борьбу надо поставить в связи с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии».

Коммунистическая партия всегда следовала и следует ленинскому указанию о том, что борьбу с религией надо вести идейным и только идейным оружием, убеждением, а не принуждением. В Советском государстве устанав-

ливается свободное отправление религиозных культов, поскольку оно не нарушает общественного порядка и не сопровождается посягательством на личные права, честь и достоинство граждан. Все граждане равны в правах независимо от их религиозной принадлежности. Всякое оскорбление верующего, администрирование в борьбе с религией может привести лишь к закреплению религиозного чувства, к фанатизму.

В практике научно-атеистической пропаганды нередко наблюдаются две крайности. Либо недооценивается разоблачение религиозных пережитков, проводится оно вяло, от случая к случаю и, главное, без необходимой страстности и боевитости, либо под предлогом непримиримости и воинственности допускаются неправильные действия, нарушающие охраняемую законом Советской Конституции свободу отправления религиозных культов. И то и другое идет лишь на пользу религии и церкви.

В статье 124 Конституции сказано: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаются за всеми гражданами».

Важнейшей гарантией свободы совести являются отделение церкви от государства и школы от церкви. Церковь не вмешивается в дела государства, не может вмешиваться во внутреннюю и внешнюю политику Советского правительства.

Советская власть провозгласила свободу совести. Свобода совести означает у нас предоставление гражданам права

не исповедовать никакой религии и свободно вести научно-атеистическую пропаганду. Таким образом, свобода совести, гарантированная отделением церкви от государства, подкрепляется и другими важными факторами, действительно гарантирующими свободу совести, а не ее декларативное провозглашение, как это делается во многих буржуазных странах.

В разных буржуазных странах свобода совести ограничивается по-разному. Но общим для всех является прямое или косвенное запрещение свободы антирелигиозной пропаганды и даже фактически выбора религии (конституции США, Греции и др.).

Пропаганда атеизма, науки в буржуазных государствах запрещается. В США, например, официально запрещена пропаганда дарвинизма. В конституциях многих буржуазных государств признается только господствующая религия, чем фактически отрицается свобода совести и свобода вероисповедания (шведская конституция и др.). В буржуазных странах нет никаких гарантий свободы демократических прав и свободы граждан, в том числе и свободы совести. Религиозные организации имеют огромное влияние на проведение как внешней, так и внутренней политики буржуазных государств.

В противоположность им в СССР отсутствуют какие-либо правовые ограничения в отношении граждан в связи с их религиозной принадлежностью. Советская Конституция провозглашает равноправие граждан независимо от их вероисповедания, что распространяется и на священнослужителей.

С победой Великого Октября в нашей стране коренным образом изменились условия, а с ними и задачи по атеистическому воспитанию трудящихся. Октябрьская революция уничтожила буржуазно-помещичье государство, ликвидировала господство эксплуататорских классов, нанесла сокрушительный удар по их идеологии, в том числе по религии. Советской властью последовательно начали проводиться в жизнь требования первой Программы Коммунистической партии о путях осуществления свободы совести.

Однако, обеспечив советским гражданам свободу совести, Коммунистическая партия и Советское государство ставят своей задачей выволить верующих из-под влияния религии, отсталых и извращенных взглядов на мир. Свобода совести в СССР дает право верующим гражданам отказаться от религиозного дурмана. Поэтому свобода совести в социалистическом обществе неразрывно связана с активной борьбой за полное искоренение всех пережитков в сознании людей.

Мы знаем немало случаев, когда под воздействием разъяснительной работы верующие отходят от религиозных сект, приобщаются к труду. Можно сослаться на такие примеры: работница Сухумской 2-й больницы Людмила Черных порвала связь с баптизмом и вступила в комсомол, а жительница города Гагра Н. Егорова — с сектой пятидесятников. Так же отказались от секты пятидесятников жительница села Бомбры Гудаутского района — колхозница Елена Воянарская, от секты баптистов — рабочий стройуправления «Ткварчелшахтострой» К. Мозыка и многие другие.

Имеются случаи, когда отдельные служители культа публично отказываются от религиозной деятельности и выступают против религиозных обрядов, как, например, мулла Тарба Хаки из Гудаутского района.

Однако, в научно-атеистической пропаганде, в борьбе против пережитков прошлого, в том числе религиозных предрассудков, против изуверских сект, суеверий, имеются серьезные недостатки и упущения. Не всегда старые традиции, связанные с религией и культовыми обрядами, находят должную оценку и противодействие на местах со стороны партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. В результате в ряде мест все еще функционируют религиозные секты, проводятся религиозные обряды.

Устав КПСС требует от членов партии вести решительную борьбу с религиозными предрассудками и другими пережитками прошлого. Безусловное выполнение каждым членом партии этих уставных требований — важнейший фактор преодоления гражданами всего старого, религиозного, мешающего нашему продвижению вперед. Однако отдельные коммунисты не всегда выполняют свои уставные обязанности, порой сами способствуют консервированию старых обычаев и традиций религиозного характера.

Для преодоления религиозных пережитков важное значение имеет организация культурного досуга советских людей.

Многое в развертывании научно-атеистической пропаганды, в борьбе против тенденций прошлого предстоит сделать и партийным организациям Абхазии. Нельзя забывать, что в ряде мест у нас еще, к сожалению, бытуют различные обряды, с которыми надо вести решительную борьбу. К примеру, поклонение и жертвоприношение «святой» кузне. Этот обряд — отвратительный пережиток прошлого. По убеждению верующих, исполняющих его, кузня имеет магическую силу, а жертвоприношение перед кузней освобождает людей от всех грехопадений

и болезней. Владельцы кузни стараются завербовать как можно больше клиентов, так как этот обряд совершается с жертвоприношением (режут скот) и винопитием. После совершения обряда владельцу кузни остается мясо, вино и другие продукты, привезенные верующими.

Как правило, люди идут к владельцу «святой» кузни для совершения религиозного обряда по совету знахарей, гадалщиков и других юродствующих элементов. Поклонение «святой» кузне, к сожалению, не единственный обряд. В некоторых селах, например, Гудаутского района, поклоняются так называемым святым местам — камню, скале, сожженному молнией дереву и т. д. Самым чудодейственным святым местом здесь считается «Дидрицш». Он находится на горе, недалеко от Ачандарского сельсовета. Сюда приходят все желающие «исцелить» себя или доказать, что они не виновны в совершении дурного поступка, в чем их обвиняют «несправедливо». «Святое» место посещают и неверующие. Они знают, как только будет дана клятва у кузни в том, что дурной поступок не совершен, им обязательно поверят. Не раз сюда обращались скотокрады и другие воры для доказательства своей «невиновности».

Посещают верующие такие «святые» места, как Каманский источник Сухумского района, Лашкиндар в г. Ткварчели, камни «Святой Варвары» и др.

В некоторых городах и селах орудуют гадалки, знахари. Имеются случаи венчания в церкви, крещения детей.

Партийные и комсомольские организации в своей воспитательной, идеологической работе не должны проходить мимо этих отрицательных фактов, мешающих правильному воспитанию трудящихся.

Коммунисты призваны сделать все для того, чтобы быстрее преодолеть вредные пережитки прошлого.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции советская женщина стала равноправным членом социалистического общества. Наши женщины активно участвуют во всех областях народного хозяйства, науки, техники, в управлении государством. Например, от Абхазской АССР депутатами в Верховный Совет Грузинской ССР избрано 15 женщин, а в Верховный Совет Абхазской АССР — 45. Депутатами местных Советов в Абхазии избрано 1943 женщины.

Таким образом, ушли в далекое прошлое времена, когда говорили: «Бабья дорога — от печи до порога».

Однако не везде у нас ведется должная идейно-воспитательная работа среди женщин. Этим и объясняется наличие отдельных фактов, унижающих достоин-

ство женщины. Нередко можно видеть, что молодая абхазская невестка не разговаривает со старшими: с отцом мужа, с его старшим братом. Часто наблюдаешь, как женщина пропускает вперед своего мужа при входе в дом.

Разве не омерзительно, когда по установившемуся обычаю, которого кое-кто еще придерживается, хозяйка дома или девушка обязана мыть ноги случайному гостю, мало знакомому и притом часто являющемуся в дом навеселе.

Разве не нелеп глубокий траур, который порой носят годами абхазские женщины. Переодевшись в черную одежду после смерти близкого человека, женщина носит ее год, а то и больше. Бывает так, пора снимать траур, но опять несчастье — скончался родственник. Снова продолжают носить женщины траур, и, таким образом, некоторые из них почти всю жизнь ходят в трауре. Это рассматривается как традиция, обычай. Пора отказаться от такого пережитка старины.

Феодално-байское отношение к женщине проявляется и в ряде других фактов. Так, за последние 2-3 года в республике имели место факты похищения девушек.

«Попробуй не выйти за меня замуж», — заявил Н. комсомолке, ученице IX класса Нателе. Скрываясь от неоднократных попыток похитить ее силой, девушка вынуждена была временно оставить учебу, закрыться в доме своих родных. И вот однажды до Нателы доходит новость: ее «жених» пытался похитить другую девушку, но ему и это не удалось. И, наконец, он уже женат, все же похитил девушку, сказали ей.

А вот другой пример:

...Г. шла на день рождения к подруге. Она не обратила внимания на то, что кто-то вышел из машины и стал поджидать ее. Трое схватили девушку, бросили в машину и громким хохотом, свистом и пением заглушили крики Г. о помощи. Так состоялось похищение девушки. Знала ли Г. того, кто бросил ее в машину и заткнул рот — студента Сухумского индустриального техникума А. Пипия? Знала и ненавидела, как может ненавидеть человек, отличающийся честность от подлости, высокий порыв души от мерзости.

— Ты выйдешь за меня замуж? — в упор спросил Пипия, хватая девушку за руку.

— Нет.

— Ах, так. Я тебя заставлю, я тебя опозорю, и ты тогда за меня выйдешь замуж.

Преступник и его пособники понесли справедливую кару. Но этот случай свидетельствует о том, что элементы варварских обычаев старины еще живут и в наши дни.

Надо признать, что против таких уродливых явлений борьба все еще ведется недостаточно. Партийные и комсомольские организации должны усилить воспитание молодежи в соответствии с моральным кодексом строителя коммунизма. Необходимо тщательно продумывать и систематически проводить самые разнообразные молодежные мероприятия.

Комсомольские организации городов и районных центров Абхазии мало связаны с молодежью села. Они должны установить более тесные связи с селом, чтобы внести свою долю в трудовое и нравственное воспитание нашей замечательной сельской молодежи.

Средней и высшей школе принадлежит решающая роль в повышении культурно-технического уровня всех рабочих и крестьян. Но одно образование не решает проблемы воспитания. Коммунистическая сознательность вырабатывается в активной борьбе за коммунизм, важное место в которой занимает атеистическое воспитание, основанное на научном марксистско-ленинском мировоззрении.

Сохранение в нашей действительности остатков старины свидетельствует, прежде всего о слабом партийном влиянии на ту часть нашего сельского населения, которая придерживается отсталых и вредных традиций и обычаев.

В Абхазии нередко проводятся пышные свадьбы с приглашением большого количества людей, со сбором денег. Такие свадьбы, продолжаясь несколько дней, отрывают сотни колхозников от работы и, как правило, кончаются массовой пьянкой, иногда даже дракой и убийством.

Такие факты наблюдались за последнее время в Очамчирском, Гудаутском и Гагрском районах.

Участились похороны и поминки с религиозным ритуалом, угощением и употреблением спиртных напитков. Получается совсем по Пушкину:

Покойника похоронили,
Попы и гости ели, пили,
И после важно разошлись,
Как будто делом занялись.

Чтобы покончить с такими отрицательными явлениями, безусловно, нужна длительная воспитательная работа среди населения. Здесь решающую роль должны сыграть первичные партийные организации — первые ответчики перед партией.

Такого рода свадьбы, похороны и поминки носят антиобщественный характер, оказывают отрицательное влияние на молодежь, на ее воспитание в духе коммунистической морали.

Почему же все еще имеются такие антиобщественные явления? Это преж-

де всего результат слабой постановки массово-политической и разъяснительной работы среди трудящихся.

Подавляющее большинство населения нашей страны окончательно освободилось от религиозных верований и предрассудков. Но некоторая часть населения нашей страны до сих пор еще не свободна от религиозного дурмана, что до некоторой степени является следствием плохой постановки научно-атеистической пропаганды.

Следует признать, что в работе партийных организаций Абхазии по научно-атеистической пропаганде имеются серьезные недостатки и упущения. Научно-атеистическая пропаганда носит порой неконкретный характер, она не охватывает полностью ту часть населения, которая подвержена религиозному влиянию. Лекции, доклады, беседы и другие мероприятия, проводимые на научно-атеистические темы, часто носят отвлеченный характер. Лекции на атеистические темы большей частью посещаются неверующими людьми. Кроме того, большинство этих мероприятий, проводимых в городах и районных центрах, не охватывает сельское население.

Пока еще научно-атеистическая пропаганда плохо проводится в семье, по месту жительства верующих. В ряде сел Абхазии до сих пор еще сохранились такие культовые обряды, как «Абна инваху» (культ покровителя леса), «Алны нков» — это души мертвых предков и, если их не умилостивить, они, по суеверию, вредят скотине.

Проводится также религиозный обряд под названием «Ацуныхва». Во время его проведения режут корову. Такой обряд исполняется при продолжительной засухе. Исполнители его рассчитывают на скорый дождь.

Подобные факты нетерпимы в нашей действительности и требуют усиления научно-атеистической пропаганды, являющейся важным элементом в общем комплексе мероприятий по идеологическому воспитанию трудящихся.

Важное место в работе партийных организаций занимает воспитание молодежи на положительном примере людей старшего поколения, на их трудовом и боевом героизме.

В научно-атеистической пропаганде можно добиться успеха противопоставлением нашего научного марксистско-ленинского мировоззрения разного рода религиозным взглядам, суевериям и т. д. Для этой цели партийные организации должны широко пропагандировать новейшие достижения астрономии, физики, математики, кибернетики и других наук. На такие темы у нас еще не проводится достаточное количество лекций, бесед.

Успехи нашей отечественной науки, проникновение в тайны атома, термоядерных реакций дали нам возможность создать искусственные спутники Земли и искусственную планету солнечной системы, космические корабли, межконтинентальные ракеты и т. д. Благодаря бурному росту науки наша страна стала первой в мире по космонавтике.

Научные открытия подтачивают корни религии, вскрывая всю фальшь религиозной морали, наносят сокрушительные удары по темноте, невежеству и обскурантизму.

Пропаганда достижений науки, подрывающих основы религии, является важнейшей задачей партийных организаций. Лекции, доклады и другие мероприятия на эту тему должны быть не только доходчивыми и популярными, но и стоять на высоком научном уровне, при этом очень важно, чтобы они приводили к атеистическим выводам.

Путем глубокой и систематической пропаганды научных знаний, достижений естественных и общественных наук, распространения материалистиче-

ского мировоззрения необходимо раскрывать несостоятельность религиозных верований и представлений, бороться за полную победу научно-атеистического мировоззрения.

В научно-атеистической пропаганде мы до последнего времени мало использовали местный материал. Ввиду этого значительное количество наших лекций, докладов и бесед на научно-атеистические темы носило недостаточно убедительный, поверхностный характер. На помощь нам пришли работники Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР. Они подготовили материал о сохранившихся (местных) религиозных верованиях, обрядах, вредных обычаях и традициях, который пропагандисты и лекторы используют в своей атеистической пропаганде.

Нам надо строить научно-атеистическую пропаганду таким образом, чтобы она способствовала усилению коллективной ненависти к религии, мракобесию, ко всему старому, вредному, тормозящему наше успешное продвижение вперед, к коммунизму.

Бесо ЖГЕНТИ

Павел Антокольский

Среди мастеров русской советской поэзии, вносящих большой вклад в дело духовного сближения народов нашей Родины, укрепления их дружбы и единства, расцвета нашей многонациональной советской литературы, одно из выдающихся мест занимает Павел Антокольский. На протяжении своей более чем сорокалетней творческой деятельности он непрестанно проявляет живой интерес и любовное внимание к истории и современной жизни братских советских народов, к их культуре, искусству, литературе. Возвышенным чувством дружбы народов вдохновлены многие лучшие поэтические творения П. Антокольского, возникшие в результате неоднократных пребываний поэта в братских республиках, глубокого проникновения в духовный мир народов, населяющих эти республики, знакомства с их историческими судьбами, бытом, нравами.

Эти стихи поэта расширяют тематический кругозор современной русской поэзии, обогащают ее миром своеобразных тем, образов, красок. Духом высокого интернационализма пронизаны многочисленные литературно-критические и публицистические статьи П. Антокольского, его выступления на писательских съездах, пленумах, совещаниях, на декадах литературы и искусства братских республик, отмеченные глубоким знанием советских национальных культур, любовью и уважением к ним. П. Антокольский всегда выступает страстным поборником развития и расцвета национальной культуры каждого народа, все большего обогащения единой сокровищницы духовных ценностей нашей Родины лучшими достижениями всех национальных культур. Этому благородному делу и слу-

жит неутомимая и вдохновенная творческая деятельность П. Антокольского в области художественного перевода. Благодаря его огромной переводческой работе многие достижения классической и современной литературы советских народов, их поэтического фольклора обрели известность и признание во всей нашей необъятной стране и вышли на мировую арену.

П. Антокольский является одним из основоположников советской переводческой школы, одним из создателей советской эстетики художественного перевода, активно и непрестанно участвующим в организационно-практической работе по последовательному расширению масштабов и размаха переводческого дела в нашей стране. Переводческое искусство служит важнейшим фактором усиления творческих контактов наших национальных литератур, а, следовательно, и все большего сближения социалистических наций.

В своем беззаветном служении этому большому и благородному делу П. Антокольский особенно глубокими и многогранными творческими узами связан с Грузией, с грузинским народом, с нашей национальной культурой, со многими ее видными деятелями. В этом отношении поэт выступает достойным продолжателем славных традиций своих великих предшественников и старших современников. «Общеизвестно, — пишет П. Антокольский, — что со времен Пушкина, Грибоедова и Лермонтова Грузия — это одна из первых и самых значительных и постоянных привязанностей русских поэтов. К названным именам стоит прибавить Полонского, Бестужева-Марлинского. В наше время русско-грузинские связи продолжают еще с большей интенсивно-

стью. Они росли, крепились, становились разнообразнее, и главное, о чем следует вспомнить, к любви присоединилось дело, действие: русские поэты начали переводить грузинских». Трудно переоценить значение для грузинской литературы этого нового явления, порожденного духом нашего времени, существом советского общественно-политического строя.

В силу сложившихся исторических судеб грузинская культура с начала XIII столетия, создавая многие ценности общечеловеческого значения, замыкалась в собственных национальных рамках и ей закрыт был доступ к другим народам, к цивилизованному человечеству. Даже гениальное творение Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» — один из шедевров мирового поэтического эпоса — до последнего времени оставалось достоянием лишь грузинского народа и весьма ограниченного числа людей вне Грузии. Трудно сейчас даже представить себе, что всего три-четыре десятилетия тому назад бессмертное поэтическое наследие Давида Гурамишвили и Николоза Бараташвили было известно только грузинским читателям. В свое время Илья Чавчавадзе тщетно пытался найти двух-трех русских литераторов, которые взялись бы за перевод на русский язык хотя бы нескольких шедевров грузинской литературы. При жизни Ильи Чавчавадзе и его сподвижников Акакия Церетели и Важа Пшавела лишь отдельные их произведения удостоились перевода на русский язык. Да и эти переводы, при всем благородном стремлении доброжелательных любителей-переводчиков, были выполнены на таком невысоком профессиональном уровне, что никак не могли рассчитывать на широкий общественный резонанс.

В предреволюционные годы А. М. Горький, который своей творческой биографией теснейшим образом был связан с Грузией, приступил к организации перевода на русский язык образцов классической и современной грузинской литературы, придавая этому делу большое общественно-культурное и политическое значение. Однако этому замечательному начинанию великого пролетарского писателя в то время в силу различных непреодолимых трудностей не суждено было осуществиться. Осталось также неосуществленным страстное желание В. Маяковского вынести посредством русского языка на широкую всесоюзную арену все богатство грузинской поэзии, столь знакомой ему, столь любимой и близкой его сердцу.

Лишь в начале тридцатых годов, в преддверии Первого Всесоюзного съезда советских писателей, развернулась боль-

шая систематическая творческая работа по выявлению достижений советских национальных литератур, по их переводу на русский язык и включению в общую сокровищницу духовных ценностей многонационального Советского Союза. Только в атмосфере всеобщего творческого воодушевления, большого идейно-политического подъема, рожденного историческим постановлением ЦК ВКП(б) от 23-го апреля 1932 года и подготовкой к созданию единой всесоюзной писательской организации, могло возникнуть такое небывалое по своему размаху литературное движение.

Первый съезд советских писателей СССР должен был продемонстрировать всему миру единую сплоченность всех жизненных сил советской литературы, литературы всех национальностей нашей страны, показать, что идея социалистического интернационализма, нерушимой дружбы и братства народов наконец восторжествовавшая во всех областях хозяйственной и культурной жизни, находит полное осуществление и в области литературного творчества. В связи с этой задачей по инициативе А. М. Горького были сформированы писательские бригады в составе лучших русских мастеров художественного слова и направлены в союзные республики с заданием изучить состояние данной национальной литературы, отобрать ее лучшие образцы и широко пропагандировать их путем перевода на русский язык, ставший могучим средством межнационального общения в нашей стране и обретший огромный международный авторитет.

Особенно посчастливилось грузинской литературе. В состав направленной в Грузию бригады входили выдающиеся русские писатели: П. Павленко, Н. Тихонов, Б. Пастернак, Ю. Тынянов, О. Форш, В. Гольцев. Первые же переводы образцов классической и современной грузинской поэзии, выполненные Н. Тихоновым и Б. Пастернаком, изданные к писательскому съезду, вызвали огромный интерес и прославили грузинскую поэзию на всю Советскую страну. Этот интерес и всеобщее внимание к грузинской литературе еще больше возросли после Первого съезда советских писателей СССР. Прочитанный на этом съезде тогдашним председателем Союза писателей Грузии М. Торшелидзе содоклад о грузинской литературе наглядно показал, как на основе древнейших и богатейших национальных традиций в современных условиях успешно развивается грузинская литература, достигая незаурядных успехов во всех жанрах литературного творчества. Этот содоклад произвел большое впечатление на многочислен-

ных участников съезда. В Колонном зале Дома Союзов, где проходило заседание съезда, на одной из центральных колонн появился портрет Шота Руставели и на противоположной колонне — портрет Тараса Шевченко. Эти два портрета, занявшие места в ряду портретов великих классиков русской литературы, явились как бы живым воплощением высказанной М. Горьким в докладе на съезде мысли о том, что советская литература не является только литературой на русском языке, она всесоюзная, многонациональная, многоязычная литература, создаваемая всеми братскими народами Советского Союза.

Съезд послужил мощным толчком для расширения и углубления работы по взаимному ознакомлению и сближению национальных литератур. В ходе этой работы возникла идея об издании на русском языке большой антологии грузинской поэзии, охватывающей всю многовековую ее историю с древнейших времен до наших дней, об издании отдельными сборниками лучших произведений классиков и современных мастеров грузинской литературы. Вслед за Н. Тихоновым и Б. Пастернаком в эту работу уже с середины тридцатых годов активно включился П. Антокольский — один из зачинателей русской советской поэзии, один из лучших ее мастеров. Впоследствии в эту деятельность вовлеклись Николай Заболоцкий, Владимир Державин, Александр Кочетков, Александр Межиров, Вера Звигинцева, Василий Шервинский, Александр Гатов и многие другие.

На последующих этапах развития советской литературы этот круг русских поэтов-переводчиков, поддерживающих активное творческое содружество с поэтами Грузии, непрерывно расширяется и обогащается все новыми и новыми именами. Многие русские поэты разных поколений внесли свой благородный вклад в эту работу. До конца своей жизни оставался неутомимым энтузиастом и настоящим рыцарем этого содружества русских и грузинских поэтов замечательный литературовед и организатор редакционно-издательского дела Виктор Гольцев.

Грузинский народ и писательская общественность Грузии всегда будут с искренней любовью и признательностью вспоминать всех русских мастеров поэтического перевода, благодаря творческому труду которых все наиболее значительные достижения классической и современной грузинской поэзии заняли достойное место в духовной жизни советского народа и обрели признание во многих странах мира. На Третьем съезде советских писателей СССР известный русский писатель Н. К. Чуковский

в своей речи, посвященной вопросам развития искусства художественного перевода в нашей стране, говорил: «Николая Тихонова можно назвать одним из открывателей великой грузинской поэзии для русского и мирового читателя. А то, что сделал для пропаганды грузинской культуры Заболоцкий, — просто подвиг. Чуть ли не вся грузинская поэзия живет теперь в превосходных русских стихах со всеми заложенными в нее мыслями, со всеми страстями, со всеми оттенками чувств. Немало сделал и Павел Антокольский». Да, немало сделал, с большим душевным жаром и подлинной самоотдачей потрудились и трудятся по сей день этот замечательный художник слова для непрерывного развития и расширения русско-грузинских литературных взаимосвязей. Трудится не только как первоклассный мастер художественного перевода, но и как превосходный поэт, мыслитель, большой знаток и ценитель культуры многих народов, неутомимый общественный деятель.

Стихи П. Антокольского, посвященные Грузии или написанные на грузинские темы, составляют неотъемлемую часть его поэтического творчества и отмечены всеми специфическими чертами творческой индивидуальности поэта. В них воссоздается облик Грузии, воспринятый собственным художническим взором поэта и преломленный в своеобразном мире его мыслей и чувств. Автор этих произведений — превосходный пейзажист и испытанный мастер поэтического повествования. Высокая культура поэтической формы в них сочетается с неподдельной искренностью чувств и активностью творческой мысли. Смелые метафоры, неожиданные сравнения, колоритные картины природы и быта, отточенные рифмы, строгий музыкальный рисунок стиха — все богатство и многообразие изобразительных средств в стихах П. Антокольского подчинены конкретному творческому замыслу, отличающемуся стремлением к широкому обобщению, к философскому осмыслению темы. Романтическая возвышенность и приподнятость в них сопутствуют трезвому, реалистическому видению мира. Свой творческий путь сам П. Антокольский характеризует как последовательное движение от романтизма к реализму. Однако романтическое начало в его поэтическом творчестве не снимается в ходе этой эволюции, а органически сливается с реалистической основой его поэтического мироощущения. Присущее всей поэзии П. Антокольского чувство историзма особенно заострено в стихах о Грузии, и это вполне понятно и объяснимо. Однако глубокое проникновение его поэтической мысли в сферы отдаленных истори-

ческих событий, древнейших легенд и преданий никогда не уводит поэта от современности, а, наоборот, как бы с особой силой подчеркивает кровную связь его поэтического мышления с событиями наших дней. Во «Вступлении» к циклу своих стихов П. Антокольский назвал себя «сверстником мчащихся времен».

Летели дни. Прошли года,
В них слезы были, кровь и дым.
И я недаром стал седым:
Я памятью обременен,
Я сверстник мчащихся времен.

А в поэме «В переулке за Арбатом» поэт таким образом определил неразростаемую связь своей творческой жизни с духом времени, с ее требованиями и запросами:

Прошло вчера. Приходит завтра.
Мне представляется порой,
Что время — славный мой соавтор,
Что время — главный мой герой.
Оно и спорщик, и советчик,
И будний день, и торжество,
Враг приблизительных словечек,
Друг вдохновенья моего.

Из автобиографии П. Антокольского мы узнаем, что еще в годы его раннего детства в духовный мир будущего поэта властно вторглись приметы времени, нашего века, начавшегося глубокими социальными потрясениями. По газетным сведениям о смерти Чехова и гибели «Цусимы», а затем по грохоту баррикадных боев в знаменательные дни декабрьского вооруженного восстания 1905 года ощутил он впервые начало нашего «мчащегося времени», стремительно повлекшего за собой юношу, творчески одаренного и охваченного поисками собственного места в жизни и в искусстве. Воспитанный под покоряющим воздействием поэзии Александра Блока, в атмосфере творческого содружества с Евг. Вахтанговым, поддержанный и поощренный В. Брюсовым, П. Антокольский в начале двадцатых годов вступил в русскую поэзию и приобщился к тому поколению молодых художников слова, которому история уготовила основополагающую роль в формировании идейно-творческих традиций искусства социалистического реализма. С тех пор на протяжении сорока с лишним лет мы всегда видим П. Антокольского на переднем крае борьбы за поэтическую культуру нового мира.

Основной пафос поэзии П. Антокольского двадцатых годов заключался в гневном изобличении неизлечимых пороков и уродств капиталистического ми-

ра, с которым молодому советскому патриоту пришлось лицом к лицу столкнуться во время своего пребывания в странах Западной Европы в составе труппы вахтанговского театра. В начале тридцатых годов по творческим заданиям того же театра П. Антокольский направляется в один из районных городов Горьковской области. Здесь он очутился в гуще важнейших событий, напряженных жизненных противоречий, характерных для периода социалистического переустройства деревни, индустриального преобразования страны, развернутого наступления социализма по всему фронту. Непосредственные впечатления от этих событий помогли поэту обогатить тематику своего поэтического творчества великими буднями строительства новой жизни. Отныне он стал певцом и живописцем советской действительности. Лирическим героем его поэзии, пронизанной жизнеутверждающим пафосом, явился человек труда — творец и создатель самого передового и справедливого строя на земле.

В середине тридцатых годов П. Антокольский с большим творческим воодушевлением приступает к работе в области художественного перевода. Эта работа потребовала от поэта ознакомления с жизнью братских народов, длительных поездок по советским республикам, в частности, по республикам Закавказья. Перед взором поэта во всем своем величавом многообразии раскрылась панорама возрожденной жизни нашей многонациональной страны. Новые встречи, впечатления, наблюдения не могли не обогатить духовный мир поэта. Вот что говорит об этом сам П. Антокольский в своей автобиографии: «Тогда же, во второй половине тридцатых годов, я всерьез начал работать над переводами советских братских поэтов, узнал Грузию, Азербайджан, Армению... Исторический и социальный кругозор для меня расширился. Распахнулась и временная, незапамятная даль: в преданиях нашего Закавказья, в судьбах великих народов, строивших свою самобытную культуру... И вот, в поэзии народов Закавказья, в их вековом эпосе, в раскопках грузинских и армянских археологов мы искали следы исторических трагедий и переворотов, определявших судьбу народа на века. Вместе с нашими новыми друзьями, поэтами Советского Закавказья, мы старались служить их культуре, быть следопытами их плодотворных поисков». И дальше, рассказывая о впечатлениях, полученных от ознакомления с работой Зестафонского ферромарганцевого завода, поэт в той же автобиографии говорит: «Есть что-то общее между схваткой Мцыри с барсом и этой ночной схваткой металлургов с приро-

дой, с огнем и мраком... Эсхил вмещается в сегодняшний день, а прямо под ногами лежат грубые осколки мифа о Прометее... Жизнь раскрывала перед советскими поэтами свое первозданное богатство. Мы видели воочию труд тысяч и тысяч советских людей, ломавших горную породу, возводивших плотины будущих ГЭС. Мы видели результаты такого труда в крутом изгибе речной дамбы, в ожерелье ночных электрических огней, впервые победивших тот или другой мрак. Все это зрелища необычайной значимости, они растили и воспитывали нас».

Подобные впечатления и наблюдения породили книгу стихов «Большие расстояния», явившуюся этапной в творческой биографии П. Антокольского и обогатившую русскую советскую поэзию новыми красками, образами, темами.

По собственному признанию поэта, в годы Отечественной войны он писал так много, как никогда раньше и никогда после войны. Но дело не только в количественных измерениях. Именно в годы войны создал П. Антокольский лучшее свое поэтическое творение — поэму «Сын», вошедшую в золотой фонд русской и всей нашей многонациональной советской поэзии. Едва ли в каком-либо другом произведении советской поэзии с таким драматическим накалом и эмоциональной насыщенностью рассказано о том, ценой каких огромных жертв и потерь завоевал советский народ свою великую победу над фашистскими варварами и мракобесами и с какой несгибаемой стойкостью и мужеством переносил советский человек самые тягчайшие испытания во имя этой победы.

Из многих значительных поэтических удач П. Антокольского в послевоенные годы отметим эпическое полотно «В переулке за Арбатом» и цикл вьетнамских стихов.

Многие черты творческой индивидуальности П. Антокольского роднят его с грузинской поэзией: подчеркнутая метафоричность поэтического мышления, тяготение к поэтической живописи и пейзажной лирике и оживленному, одухотворенному изображению картин природы, заостренное чувство историзма, умение воспринимать и воссоздавать явления глубокой древности в свете самых актуальных современных мыслей и чувств советского человека. С особенной силой проявились эти качества поэтического дарования П. Антокольского в его стихах о Грузии.

Уже в своем первом «грузинском» стихотворении «Военно-Грузинская дорога», отмеченном изумительным живописным мастерством, поэт, впервые вошедший в «щель Дарьяла», проявляет стремление к «очеловечению» в изображении не раз воспетого гением русской

поэзии Кавказского хребта — «Костяка страны».

Вот он за альпийской зоной тянет
В синий дым, в заоблачные льды,
Ухнет вниз и снова целым станет,
Словно сам Арсен из Марабды.

И дальше:

Погляди на горы в Гудауре!
Вот, заправив чоху за кушак,
Та, седая, выгнулась в лекури —
И пошла, и только свист в ушах.

А в другом стихотворении — «Ночь в селении Казбек» поэт вводит вершины Казбека в мир горестных чувств и переживаний альпинистов, обнаруживших останки участников экспедиции, погибших в горах.

И горы склонились до самой земли
Серебряными головами. Любая несла бы
За гробом тиару свою в миллиардах
карат.
Любая громовая грудь подхватила бы
слабый
Раскат похоронного марша в стократный
раскат.
И шли бы за гробом и всею оравой
лиловой
Орали бы горы: «Вы жертвою пали
в борьбе».
И шли бы, как братья, и неповторимое
слово
Сказали о славе, о летчиках и о себе.

В каждом уголке Грузии поэт непрестанно слышит переключку эпох и столетий, но, проникая вглубь древнейших времен, он никогда не отходит от дыхания современности, от ощущения неподобной красоты, силы и величия наших дней. Вот на окраинах города Кутаиси взор поэта привлекли следы отдаленных веков. Однако это отнюдь не заглушает в духовном мире поэта животворного голоса наших дней, не затмевает в его восприятии ярких красок современного бытия.

Но при выходе из этой ночи
День шумел некошеной травой,
Разноцветный мир бросался в очи
Всею крутовертью ветровой.

И как воплощенная преграда
От вторженья неживых времен,
Сквозь развалины дворца Баграта
Виден был стреноженный Рион.

Воскрешая в живых поэтических образах древнейшие легенды и предания, поэт чудотворной своей фантазией вводит их персонажи в мир свершений наших дней. Вот обращенные к нам, строителям нового мира, слова этих героев, отделенных от нас тысячелетиями:

Даже тут, даже в черном Анде,
Даже черную землю грызя,
Мы проснемся, любя, ненавдя, —
Ваши спутники, ваши друзья.
Мы послужим и вам — обнаружим
Прочно сбитую чилу свою,
Мы не ржавым вернемся оружием,
Не сдадим и в последнем бою.

Мы не призраки. Мы не из сказок,
Не труха за музейным стеклом,
Мы — вся толща седого Кавказа,
Мы столетья берем напролом.
Рвем мы воздух в сигнальных фанфарах,
Режем волны бинтами турбин,
Рубим ночь в ослепительных фарах —
Мы, работники горных глубин!

Такое восприятие старины сквозь призму нашей современности характеризует весь цикл «грузинских» стихов П. Антокольского. Широких поэтических обобщений достигает он в стихах, посвященных поэме «Витязь в тигровой шкуре», а также художникам Нико Пироманишвили, Т. Абакелия, поэту Тициану Табидзе.

Не прошел поэт и мимо славных революционных традиций Грузии. Лирико-эпическое произведение «Подпольщик» одновременно является и взволнованным повествованием о легендарных мужественных борцах, самоотверженно восставших против мира рабства и насилия, и вдохновенным гимном их немеркнущим в веках подвигам. Но главный лирический герой грузинского цикла стихов Антокольского — это наш современник, человек, своей могучей десницей преобразующий мир и утверждающий на земле новую, светлую, самую справедливую, самую гуманную жизнь. Это —

Люди, сгорбась у печей,
Жидкий сплав шуруют молча.

Это — «широкоплечий мастер высоты», властно покоряющий небесные пространства и оставляющий далеко позади размах смелого, демонского полета.

Он видел Арктику в шальных бурунах,
И пляску молний, и полет планет,
И ласку солнца в тучках тонкорунных,
Но потолка его познанию нет.

Это — «дальнозоркий смельчак, возвратившийся с Эльбы сапер», который, закалившись в победоносном единоборстве с самой темной и ненавистной силой истории, сейчас мужественно вступает в схватку с дикой стихией природы, чтобы обуздать ее силы и подчинить их воле и жизненным интересам народа — создателя, строителя нового мира.

Это спор человека с природой!
Стволы
Грубых шахт без конца и числа
Аммоналом пробитое темя скалы,
Чтобы сдвинулась с места скала.
Автогенная сварка на линии мглы,
Чтобы мглу раскалить добела.
Генераторных крохотных точек узлы,
Чтоб в неоновых трубках текла
Золотистая лента и были светлы
Городских площадей зеркала...
Это фронт!
Рукопашная Света и Мглы.
Всем идущим на приступ — хвала!

Так многогранно обрисован в поэзии П. Антокольского облик Грузии с ее величественной природой, героическим прошлым, вековыми легендами и преданиями, людьми, совершающими чудеса в созидательном труде, в строительстве своей возрожденной Родины. И во всем этом ни тени экзотики, ни малейшего увлечения архаикой. Это романтика величия нашего времени, песнь торжества Света над Мглой.

Выше уже говорилось о заслугах П. Антокольского как превосходного мастера художественного перевода, перед всей советской культурой и, в частности, перед грузинской поэзией. Поэтический перевод — одна из самых важных и значительных сторон многогранной творческой деятельности П. Антокольского. Не случайно назвали мы его одним из создателей эстетики советского переводческого искусства. В 1954 году, на Втором съезде советских писателей СССР был заслушан содоклад П. Антокольского, М. Ауэзова и М. Рыльского «Художественные переводы литератур народов СССР». Содоклад читал Антокольский. Его выступление произвело на всех нас, участников съезда, неизгладимое впечатление. П. Антокольский вместе со своими соавторами по содокладу выступал убежденным поборником основополагающих принципов теории советского переводческого искусства.

Этот содоклад до сих пор остается важнейшим документом с точки зрения применения принципов творческого метода социалистического реализма к узловым проблемам художественного перевода. Из основных положений этого документа прежде всего привлекает внимание глубоко обоснованная в нем мысль об огромном общественно-политическом значении художественного перевода, как одного из важнейших факторов укрепления дружбы народов нашей Родины. «Дружба между народами Советского Союза. — говорится в этом содокладе, — одна из незыблемых основ существования советского общества. Всегда и везде, в годы мира и в годы

войны, и снова в годы мира, мы ощущали и продолжаем ощущать эту дружбу как воздух и хлеб нашего исторического бытия. Живым и реальным проявлением этой дружбы являются взаимные переводы литератур народов Советского Союза». С таких высоких общественных позиций расценивают свой труд и свою ответственность перед народом советские мастера художественного перевода. В противовес буржуазным теоретикам, в своем стремлении к отчуждению народов доказывающим якобы невозможность перевода художественного произведения с одного языка на другой, в содокладе с неопровергаемой убедительностью аргументировано положение, что любое произведение искусства слова переводимо с любого языка на любой язык. Характеризуя основные специфические черты советского стиля художественного перевода, содоклад утверждает: «Черты эти — правдивость в отражении мысли и формы подлинника, идейная верность, эстетическая точность». С точки зрения этой, единственно верной, концепции в содокладе подвергнуты жесточайшей критике два одинаково вредных отступления от этого требования — отсебятина и буквализм. «Отсебятина и буквализм. Буквализм и отсебятина. Вот два наиболее распространенных и наиболее вредных уклона в переводческой практике. Который из них вреднее? Само собой разумеется, тот, с которым не ведется в данный момент борьбы». В содокладе утверждается право переводчика на творческую активность в отношении к переводимому произведению, его долг раскрыть и воспроизвести и содержание и форму оригинала. Со всей категоричностью в содокладе утверждается требование, что «перевод художественного произведения должен быть также художественным произведением».

Справедливо опровергая распространенное в прошлом мнение о том, что перевод — это поединок переводчика с автором оригинала, что переводчик соперник переводимого писателя, содоклад этот утверждает, что «перевод есть акт самой высокой дружбы между писателями». Из многих других весьма ценных положений этого содоклада следует выделить еще одно. Наряду со своими основными обязанностями (знание языка подлинника, совершенное владение родным языком и т. д.), мастера художественного перевода должны «узнать и полюбить народ, родивший гениального поэта, узнать и полюбить труд этого народа, его повседневную борьбу за свое счастье».

Мы подробно остановились на этом содокладе потому, что в нем отражены мысли П. Антокольского, как одного из его авторов, выражено его переводче-

ское кредо, без понимания которого нельзя оценить творческую деятельность поэта в этой области. Все теоретические положения, высказанные в этом документе, полностью применимы к переводческой практике П. Антокольского. Да, П. Антокольский узнал прошлое и современную жизнь народа, родившего переводимых им поэтов, искренне полюбил этот народ, и этим чувством дружбы и любви окрылена вся его работа по переводу произведений классической и современной грузинской поэзии. Поэт с полным правом говорит об этом: «Раз и навсегда узнавши Грузию в поэтических переводах и в подстрочниках, в ее музыке и во фресках грузинского средневековья, в личной дружбе с ее деятелями и в горном пейзаже, в кипучем строительстве наших дней — словом, во всем многообразии жизни, мы снова и снова радуемся всему, что обогащает это знание и сопутствующую ему любовь».

П. Антокольский подошел ко всему богатству прошлой и современной грузинской поэзии не как соперник, а как друг ее, убежденный патриот и неутомимый пропагандист. Непримиимый враг отсебятины и буквализма, он стремится глубоко вникнуть в существо переводимого произведения, познать мир своеобразных изобразительных средств автора оригинала и воспроизвести все это на адекватном художественном уровне. В подавляющем большинстве случаев переводы П. Антокольского являются подлинными художественными произведениями несомненного идейно-эстетического значения.

Знакомясь с переводами П. Антокольского, прежде всего обращаешь внимание на глубокое знание и безошибочный вкус, с которыми он отбирает переводимый материал. У каждого переводимого поэта он берет самое для него характерное, ценное, значительное. Переводя классиков и современных поэтов самых различных творческих биографий, художественных индивидуальностей, переводчик сохраняет за каждым из них специфический, ему одному свойственный творческий облик. Это и есть то искусство «перевоплощения», которым, по убеждению П. Антокольского, должен владеть переводчик. В переводе П. Антокольского каждый грузинский поэт предстает перед иноязычным читателем таким же самобытным и неповторимым художником, каким он является в родной литературе. Стремясь воспроизвести образный строй, ритмический рисунок подлинника, характерные для него изобразительные средства, переводчик не насилует и не искажает природу русского стиха, законов русского стихосложения. Поэтому его переводы исполнены превосход-

ным русским стихом и воспринимаются как самобытное эстетическое явление.

П. Антокольский одним из первых среди русских поэтов (после К. Бальмонта) взялся за перевод «Витязя в тигровой шкуре». И хотя эта огромная работа не завершена, все же переведенные им главы поэмы имеют большое принципиальное значение в смысле творческих поисков путей и средств к адекватному переложению на русский язык этого величайшего памятника грузинской национальной культуры. Поэтому-то в первой большой «Антологии грузинской поэзии» на русском языке перевод П. Антокольского законно занимает свое достойное место. По переводам П. Антокольского русский читатель и читатели других братских республик могут составить правдивое представление о творчестве наших классиков: Давида Гурамишвили, Александра Чавчавадзе, Николоза Бараташвили, Акакия Церетели.

Переводы стихов современных грузинских поэтов, выполненные П. Антокольским, являются яркими образцами

творческого содружества мастеров художественного слова братских народов. Этим же чувством дружбы, любви и внимания к своим грузинским соратникам по перу согреты высказывания П. Антокольского о грузинской поэзии.

П. Антокольский любит вспоминать слова Герцена о том, что хорошо воспитанные люди со временем становятся старше, но не стареют. Эти слова в полной мере относятся и к самому П. Антокольскому — одному из самых «хорошо воспитанных» людей в советской литературе. Новые циклы стихов П. Антокольского, его переводы последних лет, все нарастающая активность его писательской деятельности дают нам право и основание верить, что далеко не израсходованная духовная бодрость и поэтический заряд умудренного большим творческим опытом и вооруженного высокой профессиональной культурой художника и впредь принесут много творческих радостей ему и его друзьям по перу, а также нашему признательному многонациональному читателю.

Михаил МРЕВЛИШВИЛИ

Слово о друге

Более тридцати лет назад Эммануил Фейгин вступил на путь литературного творчества. Его первая книга вышла в свет в 1932 году. Это была повесть о комсомольцах МТС «Черный пар», выпущенная издательством «Молодая гвардия». К тому времени за спиной ее автора был уже немалый трудовой стаж, а, следовательно, и жизненный опыт. Слесарь мастерских точной механики, рабочий МТС и строительства хлебных элеваторов, работник семеноводческого совхоза и, наконец, литературный сотрудник районной газеты — таков трудовой путь Эм. Фейгина. А параллельно еще — учеба. И все это в двадцать лет!

Эти факты биографии, думается, говорят о многом, они в значительной степени определяют дальнейшее творчество писателя, стоящего на очень твердых идейно-эстетических позициях.

Уже первые книги Эм. Фейгина (повести «Черный пар» и «Романтическое путешествие», сборники рассказов «Здравствуй, земля родная» и «В августе»), так же как и последующие, о которых речь еще впереди, всегда идут от жизни, от непосредственных наблюдений их автора. Хотя следует отметить и то, что основная тема его творчества определилась не сразу. Ему предстояло еще пройти суровую школу войны в качестве военного корреспондента ряда армейских газет, принять непосредственное участие в жизни Советской Армии и в ходе этого накопить богатейший жизненный материал и наблюдения, связанные с событиями Великой Отечественной войны, прежде чем окончательно сложиться как писателю со своим индивидуальным почерком, со своей главной темой.

И сегодня мы знаем Эммануила Фейгина как автора произведений, в которых нашли яркое отображение события Великой Отечественной войны и будни Советской Армии, как писателя «воен-

ной» темы. Но сказать только это — значит сузить и упростить творчество писателя, для которого основное все же не в самих событиях, а в людях, которые живут и действуют в его книгах. Поэтому-то мы не найдем в рассказах и повестях Эм. Фейгина ничего, что било бы на внешний эффект. Все в них ясно и просто, реалистически точно и глубоко содержательно. Подходя к творчеству с ясным сознанием своего долга перед народом и Родиной, писатель создает образы советских людей, чьи судьбы органически связаны с жизнью родного народа, Советской Отчизны.

Если сборник рассказов «Верность», написанный по горячим следам военных событий, характеризует прежде всего боевая, оперативная публицистичность, то роман «Совершеннолетие» — это уже большое художественное полотно о героическом подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны, произведение, в котором, на мой взгляд, более всего раскрылись особенности творческого метода писателя. И потому на романе «Совершеннолетие» стоит остановиться подробнее.

Герои романа — главным образом подростки, к которым в годы тяжелых испытаний фашистской оккупации приходит зрелость. Они становятся совершеннолетними не только по возрасту... Отсюда — название романа, действие которого происходит преимущественно в одном из небольших приморских курортных городков.

Легче всего, поддавшись искушению, пересказать содержание романа (и это не было бы лишено интереса), но мне хочется обратить внимание именно на те особенности идейно-эстетической позиции писателя, которые здесь нашли свое наиболее полное выражение.

Прежде всего, автор не боится быть пристрастным по отношению к героям

своего романа. Он не только сам любит их и откровенно любуется ими, но — силой художественного воздействия — заставляет и читателя полюбить их. А врагов нашей Родины, фашистских захватчиков, он так же откровенно и непримиримо ненавидит. Такова уж неизблемая позиция автора, таково его видение мира. И исходя из этого, он показывает поколение, которое, несмотря на многие испытания, лишения и трудности, выпавшие на его долю в годы войны, не теряет веры в лучшие идеалы человечества; напротив, оно выходит из них еще более закаленным, мужественным и зрелым. Это поколение, принявшее от своих отцов эстафету борьбы за победу и счастье родной страны. Это поколение, которое эстафету, принятую от отцов, передает новым поколениям, сохранив, вопреки всему, мечту о счастье, о штурме небесных просторов...

В этом плане наиболее верными выразителями духа времени в романе являются простая русская девушка, ивановская ткачиха Варя Ермакова и представитель поколения, много испытавшего, даже смертью своей победивший врага, — Алеша Коваль. Образ его, так же как и Павла Глебовского, как мне кажется, больше всего удался писателю. Им нельзя не верить, так естественны и убедительны их переживания и поступки. Стремление этих простых парней найти свое место в строю борцов за народное счастье, по мере того, как все больше трудностей встает на их жизненном пути, становится все более органичным. И именно в дни самых тяжелых испытаний, когда их родной город оккупировали фашистские захватчики, они, наконец, находят свое место в строю...

Тема возмужания молодого поколения, прошедшего через горнило войны, свое дальнейшее развитие получила в повести Эм. Фейгина «Солдат, сын солдата». Она интересна еще и тем, что в ней нашли отражение события уже не предвоенных и военных лет, как в романе «Совершеннолетие», а мирного времени. Причем писатель взял на себя на этот раз нелегкую задачу показать будни армейской жизни, о которой не случайно так мало произведений не только советских, но и зарубежных авторов. И в этой повести — центр тяжести перенесен на человеческие отношения, на психологические коллизии, на столкновение разных характеров. И здесь главные герои — молодые люди. На примере их взаимоотношений с «отцами» автор показывает преемственность поколений.

Центральный герой повести — рядовой Сергей Бражников является сыном и достойным преемником своего

отца, погибшего в боях за Родину. Бражников — положительный герой в самом прямом и лучшем значении этого слова. Все хорошее в нем настолько естественно и органично, что образ этот далек от схематизма и ходульности, которыми столь часто грешат «положительные» герои некоторых произведений наших писателей. Сергей Бражников — весь из плоти и крови. О нем даже не хочется сказать «образ», потому что он воспринимается как живой и обаятельный человек, которому нельзя не верить и не симпатизировать. И в его создании с новой силой проявила себя та идейно-эстетическая позиция писателя, о которой уже упоминалось выше. Автор явно и откровенно любит своего героя, наделяет его всеми «идеальными» качествами нашего современника. И тем не менее, вопреки концепции некоторых писателей, считающих невозможным показать «положительного» героя без «червоточки» (это, мол, нежизненно, нереально и неубедительно), Эм. Фейгин достигает полной победы. Образ Бражникова — подлинная творческая удача писателя.

Очевидно, тем же путем шел автор, работая и над повестью о Герое Советского Союза Якове Чапичеве. В ней перед нами разворачивается яркая, смелая, чистая жизнь молодого человека, вся без остатка отданная Советской Отчизне. Повесть основана на документальном материале и рассказывает о реальном человеке — поэте, солдате и коммунисте Якове Чапичеве, который всего два месяца не дождался победы над фашистской Германией. Но эта «документальность» не снижает силы ее художественного воздействия на читателя. Образ Якова Чапичева, который встает перед нами в этой повести, в чем-то главным, в своей сути, сродни образу Сергея Бражникова. Это тоже образ положительного героя, нашего современника, образ человека, глядящего в будущее. А документальность делает все произведение и его центральный образ, пожалуй, лишь еще более убедительными и достоверными. Здесь, как и в двух предыдущих произведениях, фоном служит в основном жизнь Советской Армии, события военных лет, о которых Эм. Фейгин всегда пишет с глубоким знанием.

Но не всегда тема Советской Армии, войны обязательно присутствует в произведениях писателя. В связи с этим надо сказать еще об одном важном факте биографии писателя, который также отразился на его творчестве. С 1953 года, демобилизовавшись из рядов Советской Армии, Эммануил Фейгин, сам крымчанин (он родился в го-

роде Джанкое Крымской области), живет в Грузии, в Тбилиси. Здесь он оказался, как говорится, на самом стыке дружбы двух народов и национальных литератур. Отсюда — тема дружбы народов, которая проходит почти через все его произведения. Присутствует она, например, и в повести «Солдат, сын солдата», где наряду с Сергеем Бражниковым, Геннадием Громовым, Сашей Сафроновым живут и действуют Шакир Муртазов, Геворк Казанджян, Вахтанг Кереселидзе, Вася Каланчик.

Кроме того, писателем созданы произведения, почти целиком основанные на грузинском материале. Такова его повесть «Мзеона», сценарий фильма «Тень на дороге» (написанный в соавторстве с известным грузинским писателем Константином Лордкипанидзе). И, наконец, неотъемлемой частью творческой деятельности Эм. Фейгина стала работа над переводом на русский язык наиболее интересных и близких ему по духу произведений грузинских писателей. В его переводе вышли, например, многие рассказы Константина Лордкипанидзе, Григола Абашидзе, Фридона Халваши, Гиви Гогичаишвили и других.

Много времени и сил отдает Эмма-

нуил Абрамович участию в литературной и общественной жизни республики. Он возглавляет русскую секцию Союза писателей Грузии, является одним из наиболее активных членов редколлегии журнала «Литературная Грузия» со дня его основания, постоянно помогает издательству «Литература и искусство» (а раньше — «Заря Востока») в редактировании выпускаемых книг.

Мы упомянули и об этой стороне деятельности писателя, чтобы показать насыщенность его творческих будней, чтобы подчеркнуть его активность, его непримиримость к спокойной, замкнутой жизни.

Эммануилу Абрамовичу сейчас перевалило за полвека. И большую часть этого времени он активно живет и работает в нашей советской литературе, уверенно и смело разрабатывая в своем творчестве актуальные для нашей современности темы. Писатель-коммунист, гражданин и воин, он верен своему призванию, о чем свидетельствует пафос и основная направленность всего им написанного — очерков, рассказов, повестей, романов. И это дает нам право верить и надеяться, что Эммануил Фейгин создаст еще немало сильных и глубоких произведений о нашем времени, о нашем современнике.

Арташес МХИТАРЯН

Многогранное творчество

В одном из своих рассказов Беник Сейранян высказал такую мысль: «Наши люди очень изменились, и настало время измениться также и нашим представлениям о человеке и человеческом». И сам же реализует эту мысль в своих произведениях. Писатель не просто показывает в них новых людей новой эпохи, но и стремится художественно осмыслить это новое, обобщить новые понятия о человеке и человеческом.

Эта тенденция наметилась уже в ранних рассказах и новеллах Б. Сейраняна, в которых ощущается, хотя пока и несколько наивное, стремление показать рождение нового на фоне мрачных картин прошлого.

В рассказе «Катнахпюр» перед нами бедная семья, единственное желание которой жить мирно и свободно, как родные горы. Но по воле себялюбивого владыки она гибнет...

В следующем рассказе «Ущелье Киранци» показана уже не только трагическая смерть семи братьев-каменщиков, но и гнев, возмущение народа против тирании князя, явившегося причиной их гибели.

И, наконец, в рассказах «Дед Садаф» и «К знакомым горам» мы видим, как это народное возмущение перерастает в революционную борьбу, на которую поднимается все нагорье.

Затем, как естественное развитие предшествующих событий, описанных в вышеназванных произведениях, писатель рисует победу трудящихся, которая открывает перед ними новую, светлую страницу в истории их жизни, доколе полной лишений и борьбы.

Организация колхозного хозяйства в горном селе показана писателем как начало длительного и сложного процесса коренной ломки в сознании крестьян («Тропа в горах»).

Раскрытие нового в людях и в их отношениях нашло свое отражение и в сборнике «Циранакар», в основном по-

священном событиям Великой Отечественной войны. В произведениях этого цикла показано, что победа над врагом ковалась советскими людьми как на фронтах, так и в тылу. Простые люди, патриоты, своим самоотверженным трудом служили общему делу. Пастух Сепо и Мариан, старый лесник Циранакара, дед Усеп, старики и дети в тылу отдавали все свои силы ради победы правого дела, так же как Ашот, Армен Арменян и его боевые друзья на фронтах Отечественной войны.

Следующий сборник — «Горный кристалл» также построен на материале Великой Отечественной войны. Проникнутый чувством глубокого патриотизма, он раскрывает богатство, красоту и благородство души советских людей в светлых и мужественных образах таких героев, как девушка, спасшая раненого бойца («Гюлисапах»), лыжники из «Белых орлов», полковник Лорецян («Первая награда»), Мелине из одноименного рассказа и другие.

Сокровищам кристально чистых сердец советских людей посвящен и сборник «Родники», но повествует он в основном уже о мирном, созидательном труде народа. Автора интересуют на этот раз вопросы, прежде всего связанные с нравственными принципами нашего современника. Знаменательно, что победу нового в человеке Б. Сейранян стремится показать в самых различных жизненных обстоятельствах и не только на основе конфликта двух противостоящих друг другу сил, взглядов, характеров, но и через конфликт, возникающий и разрешающийся в душе человека.

Поиски наиболее убедительного и верного жизненной правде раскрытия нового в духовном мире человека приводят писателя к интересным открытиям. И тем более досадно, что они лишены в некоторых его произведениях непосредственности восприятия, что ав-

тором не достигнута та гармония в передаче мысли и чувства, когда они становятся чем-то единым. Очевидно, именно в силу этого порою рассказы Б. Сейраняна воспринимаешь лишь рассудком, они не берут за душу. Сказанное можно отнести к таким рассказам, как «Русское сердце», «Любовь каменотеса» и другим.

Лучшие рассказы и новеллы, написанные Б. Сейраняном в 40-50 годах, вошли в сборник «В горах». Эта книга еще раз убеждает нас в том, что наибольшей удаче писатель достигает, когда обращается к жизни и быту людей его родного нагорья. (Как читатель уже мог заметить, материал для своих произведений Б. Сейранян черпает именно из жизни и быта горцев.)

Основным стержнем рассказов сборника «В горах» является социальная, общественная, психологическая и бытовая эволюция армянина-горца. Преодоленный им путь сложен, интересен и поучителен — это социальное и нравственное бесправие в прошлом, университеты классовой борьбы, пройденные в годы Великого Октября и гражданской войны, и, наконец, участие в социалистическом строительстве.

Все это умудрило горца, закалило его волю, пробудило в нем сознание свободного человека и в конечном итоге сделало его подлинным гражданином, живущим не только интересами своей страны, но и всего прогрессивного человечества. Таковы и Татух, и Гариб, и агроном Саринян и другие герои рассказов Сейраняна, чьи образы четко очерчены автором в их неповторимой индивидуальности.

Но герои Б. Сейраняна — это прежде всего люди труда. А труд у писателя опозитизирован, осмыслен, благодаря величественным, благородным целям, которым служит.

Интересны в этом плане образы деда Ована из рассказа «Слезы ожидания» и секретаря сельской партячейки Вардана Мовсисяна из «Метели». Вот как пишет о нем писатель: «Какая непостижимая сила таится в этом человеке, какая неиссякаемая энергия, какой неугасимый огонь! Больной, едва дыша, он отправился в горы. А для кого, под чью диктовку? Только по велению собственного сердца. И кто знает, дотянет ли сам до весны, а односельчанам рисует такие заманчивые картины будущего...»

И всегда мы ощущаем в рассказах Б. Сейраняна глубокую любовь к Родине, к природе родного нагорья, неповторимой в своей красоте, к его людям, а также к братским народам, к своему второму отечеству — Грузии («Горят

огни Колхиды», «На склоне горы Морут» и др.).

Но когда писатель начинает говорить о врагах своей Отчизны, о несправедливых эгоистах, формалистах и бюрократах, в его лирически задушевном голосе появляются нотки негодования и непримиримости, которые делают сатиру Б. Сейраняна меткой и острой («Лишь одну минуту», «Старуха Малакянц» и др.). Юмор его остроумен, глубоко человечен, насыщен народной мудростью («Аян», «Вердо» и др.).

Выше уже говорилось о том, что красной нитью через все творчество Б. Сейраняна проходит тема нового в человеке и в жизни родной страны. Иными словами, тема современности, в отрыве от которой писатель и не мыслит существование литературы.

В этом плане наиболее удачны его рассказы «Трактористы», «Родные», «Пришли гости» и другие, в которых, благодаря наблюдательности и острому глазу художника, подмечено и воплощено то новое, что характеризует отношения людей в наше время.

До сих пор речь шла в основном о рассказах и новеллах Беника Сейраняна, которого по праву можно назвать мастером малой формы. Но писатель является также автором и романа «Долина звезд». В нем дано жизнеописание трудовой семьи Аразянов, начиная с предреволюционного периода вплоть до наших дней. На ее примере писатель стремится показать тот сложный путь, который наш народ прошел от вековой забитости до свободного проявления всех его творческих возможностей. Но поскольку вторая книга романа еще не вышла, давать окончательную оценку ему, думается, преждевременно. Хочется лишь приветствовать обращение писателя к роману, жанру, который дает неизмеримо большие возможности для воплощения более широких замыслов и тем, волнующих художника.

У Б. Сейраняна есть и драматические произведения, поставленные в Тбилиси, — в драматическом театре имени С. Шаумяна, в грузинском и русском ТЮЗах, а также очерки, опубликованные в периодической печати Грузии и Армении. Вообще книги писателя были изданы как на армянском, так и на грузинском и русском языках, а отдельные его произведения — на азербайджанском языке.

Творчество Беника Сейраняна многогранно, в нем последовательно воплощена та истина, что в нашей стране выковывается не только новая жизнь, но и новые человеческие характеры.

Гурам ГВЕРДЦИТЕЛИ

О с н о в а о с н о в

В нашей общественной жизни за последнее десятилетие произошли значительные изменения. Советский народ приступил к строительству коммунизма широким фронтом. Этому предшествовала резкая, но справедливая и необходимая критика тех ошибок и недостатков, которые имели место в нашей жизни в период культа личности. Этот процесс обновления и очищения не мог миновать и советскую литературу. Ранее в ней отмечались тенденции возвеличения и восхваления одной личности. Ныне же она целиком служит своей основной задаче воплотить в художественных образах жизнь советского народа, его борьбу и труд во имя построения коммунизма.

Процесс подобного «оздоровления» нашей литературы, ее очищение от микробов одописания и лакировки порой проходил не без трудностей. Не все писатели сразу же верно поняли суть происходящего. Именно поэтому кое-где имели место попытки критики самого творческого метода советской литературы, попытки «новой» интерпретации ее основной проблематики. Все это было направлено против уродливых явлений, привнесенных в литературу в результате культа личности. Но вместе с тем критический пафос распространился и вообще на основополагающие принципы советской литературы.

Все это наложило свой отпечаток на нашу современную литературу. Некоторые литераторы, не до конца осознавшие сущность партийной критики культа личности, стали отображать жизнь нашего общества в своих произведениях односторонне и потому неверно.

Подобные писатели нарочито сгущали краски, рисуя жизнь таким образом, словно в ней нет ничего интересного и волнующего; они не замечали почти ничего хорошего в нашей действительности и — вольно или невольно — клеветали на богатую, разнообразную жизнь и светлые цели советских людей. Это яв-

ление в большей или меньшей степени получило распространение в нашей многонациональной литературе вообще. Очевидным примером подобной односторонности явился роман Дудинцева «Не хлебом единым».

Именно в эти годы получила особое распространение так называемая «бытовая», бытописательская литература. Задача советской литературы в целом — отображать бытие советского народа, ибо именно в бытии проявляется и его героический дух, и высокая сознательность. Но есть группа литераторов, которая под бытовым, каждодневным, подразумевает лишь мелочное, малозначащее, далекое от подлинной правды жизни индифферентное отображение действительности. Вместе с тем все это мелкое и незначительное не должно входить в сферу интересов литературы, во всяком случае — не должно быть определяющим моментом в ней.

Партийность и народность литературы немыслимы без выражения исторической правды. Но ни фальшивые, лакировочные книги, ни произведения, которые вместо раскрытия основных тенденций жизни переносили акцент на незначительные, частные явления и факты, не могли выразить эту историческую правду во всей ее полноте. Только подлинно большая советская литература, которая всегда оставалась верной методу социалистического реализма и опиралась на принципы партийности и народности, способна правдиво отобразить жизнь, как это было еще раз отмечено на состоявшейся год назад встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства.

Принципы партийности и народности не являются чем-то искусственно навязанным извне нашей литературе, они вытекают из ее глубинной сути. Это принципы, которые дают возможность писателям осветить воссоздаваемые картины ярким светом действительности.

К сожалению, все это оказалось пре-

даным забвению со стороны некоторых писателей, увлеченных критическим пафосом, и именно поэтому в нашей литературе проявились тенденции, которые ясно показали необходимость снова разъяснить некоторые основные принципиальные вопросы литературы и искусства. Вот этой-то цели — разъяснению основных вопросов развития советской литературы — и служили встречи руководителей Коммунистической партии и Советского правительства с деятелями литературы и искусства, совещание и Пленум, материалы которых восприняты нашим народом как партийные документы большой важности. В этих материалах со всей ясностью и полнотой определены основные теоретические и практические вопросы советской литературы и искусства. Разумеется, в них много внимания уделено и развитию принципов партийности и народности литературы и искусства.

С принципом партийности советской литературы неразрывно и органически связан принцип народности литературы. Понятия партийности и народности в литературе социалистического реализма взаимосвязаны и определяют одно другое.

Основу силы и могущества советского общества составляет неразрывное, органическое единство целей и задач партии и народа, воля и стремление партии и народа полностью совпадают. Именно поэтому литература не может служить народу без того, чтобы она в то же время не выражала интересов партии. И наоборот. Советский писатель, поскольку он является выразителем дум и чаяний своего народа (а без этого вообще немислимо представить нашу литературу), в то же время и постольку оказывается проводником политики партии. Поэтому противопоставление этих двух понятий в наших условиях столь же ошибочно и порочно, как и противопоставление партии и народа.

Об этом ясно и определенно говорил еще в 1957 году в своем выступлении по вопросам литературы и искусства Н. С. Хрущев: «Прежде всего нельзя противопоставлять понятия партийности и народности. Сила советского социалистического общества в единении Коммунистической партии и народа. Политика Коммунистической партии, выражающая коренные интересы народа, составляет жизненную основу советского общественного и государственного строя. Поэтому было бы большим заблуждением думать, что в наших советских условиях можно служить народу, не принимая активного участия в претворении в жизнь политики Коммунистической партии. Невозможно желать идти вместе с народом, не разделяя взглядов партии, ее

политической линии. Кто хочет быть с народом, тот всегда будет с партией. Кто прочно стоит на позициях партии, тот всегда будет с народом.

Партийность в художественном творчестве определяется не формальной принадлежностью к партии, а его убеждениями, его идейной позицией».

Проявление принципов партийности и народности органически связано с мировоззрением художника и идейной насыщенностью его творчества. Требования углубленности художественной мысли и ее зрелости, правдивости отображения жизненных явлений, показ тенденций развития нашего общества, создания высокохудожественных образов наших современников в равной степени исходят из принципов партийности и народности. И поэтому каждый, кто по-настоящему желает служить своим творчеством народу, — а можно ли представить себе советского писателя, который не стремился бы к этому? — должен сделать своим символом веры высокогуманные идеалы партийности.

Когда некоторые молодые или немолодые писатели под предлогом стремления к творческой «свободе» замыкаются в своей скорлупе и навязывают читателю свои субъективные переживания или копаются в мелочных фактах нашего бытия, — то это лишает их творения не только партийного духа, но и обесцвечивает, обесценивает их с точки зрения народности. А потеряв интерес у читательских масс, произведение обречено на творческое поражение. Вещи, выходящие из-под пера подобных литераторов, целиком и полностью находятся вне сферы народных интересов.

Сказанное вовсе не относится только к советской литературе. Любая литература, которая ставит своей целью служение народу, являлась и является носителем принципа народности. Только этим и определяется ее прогрессивность. Особенно ярко проявился принцип народности литературы в творчестве классиков. Белинский в русской критике и Илья Чавчавадзе — в грузинской дали его теоретическое обоснование. Народность — это краеугольный камень гениального наследия В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Илья Чавчавадзе в своих статьях постоянно подчеркивал, что если раньше наша история и литература обращали свое внимание исключительно на царей и вельмож, то ныне они обратились к народу, к жизни крестьян, их чаяниям и нуждам. По убеждению Ильи Чавчавадзе, только в гуще жизни могла найти литература те жемчужины, которые придали бы ей новый блеск, только там она наполнилась бы дыханием жизни.

Так же, как изменялась и развивалась литература в каждую новую эпоху, так же менялось и понимание термина «народность». Он определялся исторически конкретными условиями жизни. Народность поэмы Николоза Бараташвили «Судьбы Грузии» выразилась в исторически верном и прогрессивном понимании национальных интересов. Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели и вместе с ними другие «шестидесятники» проявили глубокое понимание этой проблемы. Их творчество давало конкретные и впечатляющие картины народного горя и нужды, было пронизано интересами простого люда.

Пролетарское движение и социалистическая революция дали принципу народности литературы новое развитие и новое направление. Этому не мог не отметить вождь пролетариата великий В. И. Ленин. Он дал определение роли и назначения литературы в общественной жизни данного этапа и того нового, что должно было стать характерным для литературы новаторской, социалистической.

В. И. Ленин отмечал две стороны проявления народности новой литературы. С одной стороны, она должна была стать выразительницей интересов народа, трудящихся и, следовательно, частью общепролетарского дела. С другой стороны, ей предстояло превратиться в истинно народное достояние, собственность миллионов трудящихся.

Ярким образцом подлинной народности в этом новом понимании является творчество великого пролетарского писателя Максима Горького, в котором столь сильно проявились духовные устремления народа, сила и энергия революционных масс.

С той поры, как литература открыто встала на службу пролетарского движения, два понятия — партийность и народность — стали поистине неразрывны. А в современных условиях, как в этом убеждает нас вся история советской литературы, высшим проявлением народности и является коммунистическая партийность. Именно в этом состоит характерное качество советской литературы, и этим неразрывным единством и слиянием народности и партийности она не только отличается от классической литературы, но и выделяется во всей современной мировой литературе.

Естественно, что о подобном слиянии в классической литературе не могло быть и речи, ибо, как я уже говорил выше, партийность стала отличительным свойством литературы только в эпоху пролетарского движения. Таким образом сила и прогрессивность классической литературы заключались лишь

в народности, как она понималась в соответствующую эпоху. Л. Толстой и Н. Некрасов, В. Белинский и Н. Добролюбов, И. Чавчавадзе и А. Церетели выдвигали в своем творчестве на первый план интересы народа, и благодаря этому они любимы и ценимы нами; но они даже не могли ставить вопроса о взаимосвязи принципов народности и партийности, так как этот вопрос в ту эпоху еще исторически не созрел. И поэтому высказывать какие-либо требования подобного рода по их адресу было бы ошибочно и несправедливо.

Интересно, что сочетанием народности и партийности, их единством советская литература резко выделяется во всей мировой литературе. Она отлична не только от реакционной и буржуазной литературы, но и от прогрессивной литературы Запада.

Разумеется, в этом отношении советская литература не имеет ничего общего с литературой буржуазной, больше того, — она стоит на совершенно противоположных позициях. Если у нас народность и партийность взаимодополняют друг друга и служат одной цели, то в буржуазной литературе партийность, напротив, исключает народность, поскольку такая партийность направлена против интересов народа.

Иначе обстоит дело в творчестве тех прогрессивных писателей Запада, которые явно и неприкрыто продолжают линию критического реализма. Джон Стейнбек, Грэхем Грин, Эрих Мария Ремарк, Эрнест Хемингуэй, Альберто Моравиа и другие, несмотря на определенную ограниченность мировоззрения, своим творчеством в большей или меньшей степени служат интересам народа. Силой своего художественного слова они раскрывают порочность буржуазного мира, и хотя никто из них не сумел дойти до понятия принципов коммунистической партийности, своим творчеством, реалистическими картинами тяжелой жизни трудящихся объективно они продолжали гуманистические и народные традиции критического реализма.

Итак, в эпоху пролетарских революций и борьбы за построение социализма сближение понятий народности и партийности происходит не вообще всегда и всюду, а лишь в том случае, когда мировоззрение писателя базируется на учении марксизма-ленинизма, когда писатель сознательно становится на позиции коммунистической партийности литературы. Следовательно, все это относится к советской литературе, к литературе социалистического реализма. Именно использование метода социалистического реализма дает возмож-

ность писателю своим творчеством полно и ярко выразить идею народности, наиболее активно и плодотворно служить интересам народа.

Этот вывод, имеющий принципиальное значение, не должен привести к упрощению вопроса. Столь высокая и полностью заслуженная оценка народности советской литературы вообще вовсе не дает нам основание думать, будто каждый советский писатель и каждое произведение советской литературы выражают идею народности одинаково сильно и одинаково верно. Ошибку такого рода допустил известный писатель И. Сельвинский, когда в своей полемической статье «Народность и поэзия» утверждал, что в жизни социалистического общества нельзя разделить общественную деятельность на народную и ненародную; как не может у нас существовать народное и ненародное министерство, так же нельзя себе представить деление на народное и ненародное искусство. С этой точки зрения каждый писатель, поскольку он является советским писателем, в своем творчестве непременно должен быть народным — выражать интересы народа, писать понятно и доступно для народа, идейно-художественной направленностью своего творчества вносить вклад в дело идеологического и эстетического воспитания народа.

Подобное умозаключение ошибочно во многих отношениях.

Нельзя ставить знак равенства между понятиями народности советской литературы и народности творчества каждого советского писателя, каждого произведения, вышедшего из-под его пера. При таком подходе мы должны априори реабилитировать все те ошибочные, а порой даже порочные тенденции, которые время от времени появляются в творчестве отдельных наших писателей. Больше того, согласившись с подобным утверждением, мы должны будем примириться с субъективистским отношением к жизненным явлениям и формалистическими «искажениями», с которыми порой приходится сталкиваться в некоторых произведениях наших писателей; примириться, как выясняется, только лишь потому, что они-де писатели советские, а вся советская литература в целом народна. Это не только странная, но попросту ошибочная постановка вопроса.

Когда отмечают и подчеркивают, что советская литература представляет собой высшую ступень проявления народности во всей мировой литературе, это вовсе не означает, что каждый советский писатель обладает наилучшим пониманием этой проблемы или же каждый наш писатель в своем творчестве в большей степени выражает чая-

ния и интересы народа, чем это делали писатели прошлого или чем это делают в настоящее время прогрессивные зарубежные писатели.

Характер народности творчества того или иного писателя определяется в первую очередь его способностью и умением глубоко проникнуть в жизнь народа, воспринять его интересы и с учетом перспективы исторического развития волнующе, высокохудожественно и ярко отобразить жизнь с верных идейных и мировоззренческих позиций.

Если исходить из подобной точки зрения, то творчество не всех советских писателей может считаться народным в равной степени.

В творчестве отдельных наших писателей за последние годы жизнь нашего общества получила искаженное, прямо скажем — фальшивое отображение. Сами авторы пытались оправдать появление подобных произведений необходимостью критического подхода к явлениям действительности. В советской литературе никто и никогда не отрицал пользу суровой и требовательной критики. И в последние несколько лет появилось немало произведений, в которых писатели с большой смелостью и душевной болью касались отрицательных сторон нашей жизни. Перечисление подобных произведений заняло бы немало места. Достаточно вспомнить «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына и некоторые другие рассказы, а также отношение к ним советской общественности и зарубежной критики, чтобы понять, насколько свободен советский писатель в выборе тем и в отображении сложных, порой даже болезненных явлений действительности.

В грузинской литературе примером подобной принципиальной и суровой критики остается роман Т. Донжашвили «На Алазани», в котором писательница прямо, не замазывая и не облегчая сложностей, касается недостатков, увиденных ею в нашей жизни.

Никому не приходило в голову отрицать право на существование произведений, содержащих здоровый, целенаправленный критический пафос. Никто не ставил под сомнение их народность. Когда же в творчестве отдельных писателей наметилась тенденция противопоставления человека и общества, то критический пафос превратился в фальшивое, искаженное изображение нашей жизни, и литературная критика, как и вся наша общественность, сурово, но вполне справедливо осудила все подобные попытки. Такие произведения ни в коей мере не могут отвечать требованию подлинной народности литературы.

Идейно-художественная неудача романа Дудинцева «Не хлебом единым»

была порождена откровенной попыткой автора противопоставить друг другу мыслящую, творческую личность (в лице героя романа Лопаткина) и общество, которое представляется писателю консервативным, бюрократическим по своей сути. И не случайно с таким восторгом встретила этот роман вся буржуазная литературная пресса. Критик Т. Уитней в «Нью-Йорк таймс мэгазин» с удовлетворением отмечал, что в романе Дудинцева противопоставляются коллективизм и индивидуализм, бюрократизм общества и творческая мысль личности.

Произведение, ставящее своей целью апологию индивидуализма, противопоставляющее героя обществу, отделяющее героя от народа, не может быть признано нами образцом литературы, начертанной на своем знамени народность, как один из своих основополагающих принципов.

Но этот принцип народности в советской литературе оказывается утраченным не только в произведениях такого типа. Характерных признаков народности в большей или меньшей степени лишаются и такие творения, в которых читатель с трудом найдет художественные картины реальной жизни нашего современника, распознает чувства и мысли советского человека.

Народность и партийность подразумевает ясность и яркость художественных образов. Духовный мир народа, его переживания и устремления невозможно передать при помощи образов туманных, невыразительных, искусственно усложненных.

К сожалению, произведения, характеризующиеся подобным недостатком, встречаются — и нередко! — и в грузинской литературе, в частности, — в поэзии. Это в особенности относится к тем молодым писателям, которые вышли на литературное поприще в последние годы. Многим из них явно изменяет способность непосредственного восприятия жизни, и они пытаются «компенсировать» этот недостаток при помощи показной усложненности поэтического мышления. В обилии стали печататься стихотворения, якобы преисполненные глубокой болью и возвышенными мыслями, но если читатель задумается над тем, что же в действительности вызвало боль поэта или его размышления, он останется в недоумении. Да и что может понять бедный читатель, если порою сам поэт не может прорваться сквозь туман созданных им же самим образов.

Непомерные дозы сетований и вздохов в творчестве таких поэтов вызывают неудовлетворенность вовсе не потому, что писателя хотят лишить права на горестные чувства и раз-

мышления, а потому и только потому, что должны быть ясно и четко обозначены подлинные, реальные корни и причины такого настроения, а в самом тексте подобных произведений обнаружить их бывает невозможно. И потому все эти ламентации оказываются искусственными, неоправданными, самоцельными. Минорный тон превратился в своего рода моду для некоторых, и потому в отдельных произведениях оказался утраченным социальный и исторический оптимизм, который характеризует советскую литературу. Нередко основой «поэтических вздыханий» оказываются вещи совершенно обычные, будничные, но изображение их автором нарочито, искусственно.

Примеров, подтверждающих это положение, к сожалению, можно привести не так уж мало. Молодой поэт Анзор Абулашвили в стихотворении «В твоем старом доме» пишет:

Теперь ты видишь и понимаешь сам,
Что такое исчезновение, и тебя смущает мысль...
Идет снег, и за окнами с разбитыми стеклами
Стоит туман мутного декабря...
И тебе сейчас хочется лишь шума,
Голосов, скучающих от края до края,
Не из-за темноты и страха,
А как воздаяние большой тишине,
Как воздаяние этой замерзшей дрожи,
Ползущей тени небытия.
Ты слышишь скрип половиц
И холодное шуршание летучих мышей...
И твоя душа кричит: — Бежим отсюда!
И твое тело кричит: — Бежим отсюда!
Ты сбегашь по разбитой лестнице,
Декабрьская ночь обрушивается на тебя снегом...
И ты чувствуешь странный страх и дрожь.
Чувствуешь, как шумит в твоей душе страх...¹

Люди, которые не уяснили себе, что такое народность и партийность советской литературы, которые считают по простоте душевной, что народность подразумевает примитивность формы и содержания, пожалуй, даже испытывают гордость от сознания, что являются авторами туманных и непонятных, лишенных больших мыслей и чувств, утративших оптимистическое звучание литературных произведений. В действительности же подобные писатели и их произведения не могут найти пути к душе народа, потому что она, эта душа, покорена произведениями тех и только тех писателей, которые раскрывают сердце человека, передают его мысли и чувства, выражают его сокровенные интересы — и все это в совершенной, высокохудожественной форме.

Одним из краеугольных камней принципа народности является требование, чтобы произведение искусства было понятно и доступно народу. Если чита-

¹ Здесь и дальше стихи даются в подстрочном переводе.

тель не сможет понять, что хотел сказать писатель, постичь мысль, заложенную в произведении, то в таком случае о народности писателя не может быть и речи. Нередко прозаик или поэт хотят многое сказать своими произведениями, и у них есть что сказать читателю, но содержание окутывается такой сложной сетью непонятных и туманных художественных образов, что восприятие его делается недоступным.

Впрочем, это еще не столь большая и непоправимая беда: если писатель действительно стремится поделиться тем, что накопилось у него на сердце, и старается установить контакт с читателем, он — рано или поздно — найдет путь к нему и создаст подлинно народные произведения. Хуже, когда автору нечего сказать и он старается замаскировать скудость своей мысли позой. Тогда читатель ничего не сможет найти в произведении, сколько бы он ни искал, по той простой причине, что там ничего и нет. Писатель считает себя (и пытается убедить в этом других) «сложным художником».

Приведем стихотворение Ладо Иремашвили «Кукла у окна»:

Снег сыпется белым у окна. Снег.
Сидит кукла у окна. Снег.
Со стеклянными глазами у окна. Снег.
Снег сыпется белым у окна. Снег.
Что такое снег? Снег сыпется белым.
Что такое белое? Снег сыпется белым.
Что такое грусть? Грусть рук?
Кукла сидит у окна.
Кто вспомнил, умрет ли лебедь?
Что такое смерть? Что такое песня?
Лебедь умрет. Что такое лебедь?
Кукла сидит у окна.
И раньше снег сыпался на город.
И раньше Тбилиси страдал от ветра.
Кукла сидит у окна,
Смотрит стеклянными глазами.

Кажется, в этой нарочито упрощенной речи мы должны почувствовать (почувствовать, а не понять!) какие-то значительные и сложные раздумья поэта о грусти, о тоске, о жизни и смерти. Но в действительности здесь никто не сможет ничего понять и ничего почувствовать, потому что стихотворение «освобождено» от мыслей, от чувств, от настроения. Следовательно, оно оказалось «освобожденным» и от народности.

Одним из основных определяющих качеств литературы является то, что она создается для народа, для читателя. И если какое-либо произведение или творчество какого-либо писателя в делем оказывается для него непонятным, то горевать об этом должен писатель, а не народ. Попытки некоторых жрецов искусства обвинить в этом на-

род являются пустым занятием. Великолепно говорил об этом Лев Толстой: «Нет ничего обыкновеннее, как то, что бы слышать про мнимые произведения искусства, что они очень хороши, но что очень трудно понять их. Мы привыкли к такому утверждению, а между тем сказать, что произведение искусства хорошо, но непонятно, все равно, что сказать про какую-нибудь пищу, что она очень хороша, но люди не могут есть ее. Люди могут не любить гнилой сыр, протухлых рябчиков и т. п., кушаний, ценимых гастрономами с извращенным вкусом, но хлеб, плоды хороши только тогда, когда они нравятся людям. То же и с искусством: извращенное искусство может быть непонятно людям, но хорошее искусство всегда понятно всем»¹.

Это назначение литературы — быть понятной и полезной для народа — в наибольшей мере должно относиться (и относиться!) к советской литературе, потому что ни одна литература в мире никогда не имела столь благоприятных, поистине безграничных возможностей для контакта с народом, какие существуют в условиях социализма.

Впрочем, следует отметить и то, что в советской литературе порой проявляется тенденция фальсификации понятия народности, противоположная той, о которой говорилось выше. Некоторых писателей характеризует стремление к упрощенному пониманию жизни, которая отображается в художественной практике. Это они стараются оправдать якобы «глубочайшей» народностью своего творчества.

Советская литература должна быть понятной, доступной, а не примитивной. Это совершенно разные вещи, вовсе не совпадающие, как представляется кое-кому, а, наоборот, исключают друг друга. «Ясное» в искусстве противопоставляется туманному, но не сложному! Писатели, обладающие сложным (подчеркиваю: сложным, а не туманным!) художественным мышлением в своем творчестве бывают подлинно народными, в то время как примитивные стихотворения, внешне подражающие народным образцам, как раз и теряют народную почву под ногами. Совершенно справедливо отмечал известный советский поэт М. Исаковский, что «если человек (поэт — Г. Г.) лишь механически вставляет в свои произведения, скажем, такие традиционно песенные слова, как «воля-волюшка», «сила-силушка», «добрый молодец» и т. п., то произведения отнюдь не становятся от этого «народными». Они оказываются написанными не народным языком,

¹ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., М., 1951, т. 30, стр. 108.

а языком, имитирующим народный, то есть лженародным языком»¹.

Обесценивание принципа народности литературы происходит не только тогда, когда поэт прибегает к внешнему подражанию, к имитации фольклорного материала, но и тогда, когда в произведении того или иного жанра сложный человеческий облик вольно или невольно предстает упрощенно, примитивизированно, словно произведение, сложное по художественным идеям, недоступно пониманию народа. Современный человек любой профессии и рода занятий отличается от людей всех предыдущих эпох возросшим интеллектом, многообразием интересов, углубленной любознательностью. И потому испытываешь чувство неловкости, если не сказать больше, когда видишь, как этому человеку предлагается такое, например, стихотворение, как «Идет к лошине» Ладо Иремашвили.

К лошине идет буйвол Лома,
Оставляя за собой намокшее от дождя поле.
К лошине идет с шумом и топотом буйвол Лома,
Свесив голову.
К лошине идет буйвол Лома,
Оскользясь на отвесных скалах.
К лошине идет с шумом и топотом буйвол Лома
Побродить.

Отмечу, что и другие стихи Ладо Иремашвили не отличаются глубокими мыслями и чувствами. И потому вызывает удивление, что автор предисловия к сборнику четырех молодых поэтов (А. Абулашвили, Б. Алавидзе, Л. Иремашвили, Т. Мебуришвили) счел возможным утверждать: «В сборнике читатель сможет познакомиться с прекрасными стихотворениями Ладо Иремашвили, написанными в народной интонации».

Как все это далеко от подлинной народности! Эти стихи если и могут познакомить с чем-либо, так только с искаженным понятием принципа, являющегося основой основ советской литературы.

Думаю, всего сказанного достаточно, чтобы сделать заключение о том, что не все советские писатели в своем творчестве народны в равной мере и не все произведения отмечены печатью подлинной народности, хотя именно глубоко народный характер и является отличительным качеством советской литературы в целом.

Многое зависит здесь не только от истинности отображения жизненных явлений, но и от таланта писателя. В. Г. Белинский в своей статье о Крылове совершенно справедливо писал: «И по-

тому способность творчества есть талант, а способность быть народным в творчестве — другой талант, не всегда, а, напротив, очень редко являющийся вместе с первым... Без таланта творчества невозможно быть народным; но, имея талант творчества, можно и не быть народным».

По мысли Белинского, народность — это не самостоятельное понятие, а отличительный признак литературы, писателя. И сначала надо быть писателем, сначала надо иметь литературу, а потом можно распознать в ней народность. Советская литература не является чем-то однородным, она — большой отряд писателей различных поколений, и, разумеется, не все писатели обладают равным талантом и возможностями. Не все, взявшиеся за перо, обладают способностью глубоко постичь жизнь общества, разобраться в явлениях действительности, понять думы, чаяния, устремления народа и все это обобщить в художественных образах для того, чтобы вынести на суд читателя.

Народность, повторяю, подразумевает заинтересованность писателя теми проблемами (и их высокохудожественное воплощение!), которые на конкретном этапе общественного развития больше всего волнуют народ.

Исходя из этого можно сказать, что на различных стадиях истории советского общества литературу интересовали разные проблемы: революционная борьба народа, трудности утверждения нового в жизни, социалистическое преобразование деревни, вопрос индустриализации страны, отношение интеллигенции к революционным преобразованиям, Великая Отечественная война и т. д. Главное в том, что в связи со всеми этими проблемами в центре внимания литературы постоянно находился процесс формирования советского человека. Народная сущность творчества каждого из советских писателей в первую очередь определяется именно тем, насколько верно исторически и художественно отразилась в нем эта проблематика и этот процесс.

Если с этой точки зрения проанализировать творчество таких грузинских писателей, как Галактион Табидзе, Лео Киачели, Георгий Леонидзе, Константин Гамсахурдиа, Симон Чиковани, Константин Лордкипанидзе, Демна Шенгелая и другие, которые вели активную творческую работу с первых дней зарождения грузинской советской литературы, станет ясно, насколько прочно связано оно, это творчество, с жизнью народа, которая полно и многообразно отразилась в их романах, повестях и стихах.

Ни одна из тех значительных про-

¹ М. Исаковский. «О поэтическом языке», М., 1953. стр. 19.

блем, которые перечислялись выше, или тех, которые определяли существенные стороны жизни народа, не осталась вне внимания грузинских писателей. И именно поэтому грузинскую литературу советского периода смело можно назвать художественной историей идейного и духовного формирования советского человека. В этом отношении народная сущность творчества каждого подлинного писателя одинакова, хотя, разумеется, и различается силой выражения и характером.

Но у проблемы народности есть частная, индивидуальная сторона, которая обусловлена индивидуальными качествами творчества писателя. Достаточно вспомнить, как отличны друг от друга по манере и творческой индивидуальности грузинские писатели, которые и сегодня активно творят: например, Константинэ Гамсахурдиа и Демна Шенгелая, Георгий Леонидзе и Симон Чиковани, Серго Клдиашвили и Константин Лордкипанидзе, Ираклий Абашидзе и Реваз Маргиани, Григол Абашидзе и Иосиф Нонешвили и многие, многие другие. На их примере видно, насколько многообразно может быть выражена в творчестве писателя или даже в отдельном произведении народная сущность.

Прекрасна поэзия Георгия Леонидзе, опирающаяся на подлинно народные интонации; она привольно течет, подобно горной речке, и несет с собой чародные чувства и переживания, горе и радости. А спокойный, преисполненный глубоким очарованием стих Симона Чиковани? Само собой разумеется, что творчество этих поэтов различно во многих отношениях, в том числе — и с точки зрения народности, хотя мировоззренчески, идейно оба автора стоят на одних позициях.

Лео Киачели и Константин Лордкипанидзе посвятили свои превосходные романы «Гвади Бигва» и «Заря Колхиды» одной проблеме — социалистическому преобразованию деревни и процессу формирования нового в сознании людей. Но как различны решения этой проблемы в двух книгах!

«Тихая обитель» Серго Клдиашвили и «Лицом к лицу» Александра Кутатели посвящены судьбам грузинской интеллигенции в сложную эпоху революционных потрясений. Но как непохожи в них авторские голоса и угол зрения на происходящие события!

Все перечисленные произведения различных жанров, несмотря на многочисленные (и естественные) отличия,

созданы писателями, стоящими на одной идейно-эстетической позиции. Если дальше углубиться в историю советской литературы, можно увидеть, что в тех исторических условиях, когда метод социалистического реализма не был еще в одинаковой мере воспринят всеми писателями, совершенно иным было и проявление народности в художественной литературе.

Вспомним хотя бы романы Михаила Джавахишвили. Если сравнить друг с другом «Хизаны Джако», «Судьбу женщины» и «Арсена из Марабды», то мы увидим, как велико с точки зрения народности значение мировоззрения писателя, того художественного метода, которым он пользуется при создании того или иного произведения.

В общем, разрешение проблемы народности творчества писателя невозможно в отрыве от художественного метода и мастерства, так как она составляет неразрывную часть всего творчества. Следует отметить, что творчество грузинских советских писателей с точки зрения народности не изучено и не обобщено в той мере, как этого требует столь глубокая и сложная проблема.

Советская литература призвана всей силой своего художественного творчества служить народу, делу осуществления величественных предначертаний партии. Влияние литературы, ее благотворное воздействие на читателя определяются именно верностью принципам народности и партийности. Именно поэтому так настойчиво звучали с трибуны XXII съезда партии призывы к нашим писателям с еще большей энергией помогать великому делу построения коммунистического общества, с партийных позиций, исходя из интересов народа, высокохудожественно отобразить душевное богатство нашего современника, видеть в жизни определяющие ее ход положительные явления, именно в них находя источник творческого вдохновения.

XXII съезд ознаменовал начало нового исторического периода в нашем общественном развитии, дал старт решающему штурму близких вершин коммунизма. В наши дни происходит формирование человека коммунистического общества. И непреходящие принципы партийности и народности литературы указывают нашим писателям единственно верный путь для создания высокохудожественных полотен, отображающих этот великий исторический процесс.

Тина ДОНЖАШВИЛИ

Щедрость души человеческой

У каждого человека, очевидно, бывают встречи, которые воспринимаются как некое ценное открытие. В дом № 11 по улице Шерозия я вошла без особого энтузиазма. Шла по обязательству, взятому на себя.

Стоял жаркий августовский день. Духота одурманивала. Лень было двигаться, думать. Перспектива устанавливать контакт с престарелым, немощным человеком ввергала в уныние...

Дверь открыла дочь.

— Мама, — крикнула она, — тебя спрашивают!

На веранде, в широком и низком кресле сидела женщина в темной, просторной блузе, с седыми, густо-волнистыми волосами. Она читала, и я успела заметить, что она читала «Три Дюма» А. Моруа. Не знаю, оттого ли, что она читала новинку, которую я еще не успела заполучить, или оттого, что легким и быстрым движением сняв очки, приподнялась мне навстречу, меня вдруг охватило знакомое нетерпение непредвиденного «открытия».

В этот август жара с каждым днем становилась свирепее, но она уже не была мне помехой. Не один и не два, а множество вечеров провели мы на этой веранде, за чашкой крепкого, благоухающего чая, который ласково и бесшумно подливала нам ее дочь Маквала.

Она рассказывала, и перед глазами возникали яркие картины из жизни прогрессивного общества дореволюционного Телави, оживали забытые образы мужественных борцов за торжество добра и света, и, очарованная романтикой их борьбы и деятельности, я часами слушала ее, затаив дыхание.

В прошлом преподавательницу грузинского языка и литературы, ее живо интересовали все литературные события,

все новые произведения, печатаемые в журналах и выходящие отдельными книгами. Она давала краткие, меткие рецензии на них, и мы часто спорили, но она спокойно и исчерпывающе доказывала свою правоту. Следование за ее стремительно быстрым ассоциативным мышлением заставляло напрягать память, мысли, внимание.

Иногда она принималась «чистить» мои книги. Тогда на ее тонких синеватых губах появлялась добродушно-насмешливая улыбка, от угла глаз к вискам веером расходились мелкие морщинки, и на лице цвета пшеницы появлялись лукаво-веселые отблески мысли. Я слушала ее замечания и глубоко сожалела, что в свое время у меня не было такого тонкого и умного советчика.

Девчонкой окончила она телавское 4-х классное заведение святой Нины. (Напомним, что во всех учебных заведениях в Грузии преподавание велось на русском языке.) В этой школе была учреждена стипендия имени Анны Чавчавадзе, которая назначалась лучшей выпускнице для продолжения учебы в семиклассном заведении святой Нины. (Анна — невестка поэта Александра Чавчавадзе, погибшая в русско-турецкую войну). В тот год стипендии была удостоена Нино, и 13-летнюю девочку родители проводили в Тбилиси.

В то время получить девушке семиклассное образование считалось таким достижением, что мечта о дальнейшей учебе расценивалась как сумасбродство. Но Нино потеряла покой — она должна учиться; но как, на какие средства? Аттестат лишил ее стипендии, а других источников существования в Тбилиси у нее не было. Но удача сопутствовала ей. Девушку пригласили в один великосветский дом репетиторшей. Жи-

вя в приютившем ее доме и занимаясь с тремя детьми, она получила возможность закончить специальные педагогические двухгодичные курсы. Сразу же по получении диплома педагога Нино по приглашению игуменьи Бодбийского женского монастыря поехала учительницей монастырской двухклассной школы. (Тогда во всех училищах были три или четыре приготовительных отделения, после чего дети переходили в классы.) 4 января 1898 года приехала Нино в Бодби. С этого времени и начинается ее педагогическая деятельность.

Вот как описывает Нина Михайловна памятное ей начало:

«В тот день в монастыре ждали возвращения игуменьи из Тбилиси. С раннего утра обозревать дорогу на колокольню взгромоздилась толстая монахиня-звонарь. В ожидании торжественной минуты приезда игуменьи не кормленные, измученные дети, как тени, слонялись по коридорам. Стемнело, когда наконец раздался долгожданный звон. Детей в лихорадочной спешке одели и выстроили во дворе. Небо звездное. Мороз злой. Приказывают топтать на месте, чтобы «ноги не застыли». Оказалось, монахиня-звонарь ошиблась. Она ведь не ворона, тоже человек. Ей бедняжке не сладко было проторчать весь тот морозный день на колокольне, очевидно, замельтешило в глазах. Ну вот, только мы отогрелись в помещении, и снова истошный трезвон. И снова все выстроены во дворе. В этот раз — без обмана. В распахнутые настежь ворота въехала карета, покатила мимо нас и остановилась поодаль на холмике. Монахини кинулись открывать дверцу кареты, высадили игуменью и, подхватив ее с двух сторон и неся за ней подол рясы, неторопливо приблизились к нам. Учительницы и дети хором приветствовали ее. Игуменья осенила нас крестным знаменем и направилась к храму, заснявшему светом зажженных свечей. Шел долгий молебен за благополучное возвращение святой настоятельницы. С хоров неслись дрожащие альты. Дети плохо выпевали некоторые трудные слова русской молитвы, учительница пения негодовала. Игуменья жарко шепталась с монахиней-бухгалтером. Что это? Хотелось крикнуть, хотелось плакать...»

В тот первый же день Нино убедилась, что им, учительницам, запрещено было говорить на уроке по-грузински. Монахини-наушницы беззвучно ходили по пятам, как из-под земли выростали рядом. Казалось, и стены имеют уши. На «преступницу», осмелившуюся сказать слово по-грузински, обрушивался гнев игуменьи и унижительное наказание.

Нино сама ведь училась на русском языке, но когда ей пришлось стать пособницей царской политики, направленной на насильственную русификацию, —

все взбунтовалось в ней. Протест нарастал, но не было возможности даже малейшего его проявления. Казалось, она задохнется или наложит на себя руки. Спасла ее сестра Елена, которая тоже учительствовала в Телави. Но какое же это было спасение? В телавском заведении святой Нины было все то же самое, от чего Нино бежала из Бодбийского монастыря. Но тут, в долгие, бессонные ночи, в страстных спорах и мечтаниях созрел план о создании грузинской школы. В результате длительной переписки, многократных поездок в Тбилиси, вмешательства влиятельных лиц начальник Кавказского учебного округа Яновский наконец разрешил Нино открыть частное училище. С бьющей через край энергией и радостью Нино повесила на фасад отчего дома, стоявшего на горе у въезда в Телави, вывеску: «Частное учебное заведение III разряда Н. М. Шиуковой».

Помещение-то у нее оказалось бесплатное, но сколько чего нужно было школе! И тут на помощь Нино пришли все четыре сестры, в том числе Мария, которая в это время училась в Петербурге на Бестужевских курсах.

Для быстрого и облегченного восприятия детьми родной азбуки Нино из красочно расцвеченных, вырезанных из картона букв составляла популярные стихи и песни. Буквы нитями были подвешены к потолку. Когда вблизи школы появлялся какой-нибудь незваный, незнакомый гость, грузинские буквы летели под потолок и вместо них ученикам раздавали русские буквари. Нино ликовала, полагая, что ее «преступная» деятельность надежно замаскирована, но действительность ошеломила ее. Разрешение открыть школу, оказывается, сопровождалось бдительным наблюдением. «Наблюдателям» не пришлось долго ломать голову. Вскоре и друзья и недруги узнали, что Нино в своей школе обучает детей родному языку.

Это было похоже на «бунт», и сума-тоха, поднятая из-за этой крамолы, вывела из равновесия чиновников Кавказского учебного округа. Судьбу школы решил примчавшийся из Тбилиси инспектор Шульгин.

— Вам разрешили открыть школу, а вы тут преподаете грузинский язык?! — кричал возмущенный инспектор на Нино.

Школу закрыли.

А тут еще, все из-за этой же школы, Нино повздорила с любимым. Ей тяжело было жить в Телави, но куда ехать, когда весь свет кажется не мил. В каком-то оцепенении пребывала она, когда сестра стала настойчиво ее звать в Петербург (там училась уже и вторая сестра Нино).

И Нино все в том же оцепенении уехала из Телави. Откуда ей было знать, что ее маленькая, бесправная и бедная

школа явилась первой ласточкой наступающей весны, что ее школа остается фундаментом первой телавской грузинской школы. И откуда ей было знать, что к зову сестер из Петербурга, втайне от нее, присоединился голос любимого, уехавшего туда представителем общества «Кахетия»?!

Был канун 1905 года. Друзья наспех организовали им венчание за городом, в какой-то захудалой церквушке. Ни у жениха, ни у невесты не было нужных документов, но поп легко дал себя уговорить, потому что, как потом выяснилось, он был отлучен от церкви и венчать не имел права.

В грозные дни 1905 года дом молодоженов стал очагом революционной молодежи. Бестужевские курсы были закрыты. Сестры помогали зятю издавать брошюру-письмо К. Маркса президенту Всегерманского союза рабочих Швейцарии. Они уносили с баррикад и хоронили убитых соотечественников.

Позже у них собирались студенты-грузины, учившиеся в Петербурге. О чуткости, о врожденном педагогическом чутье Нины Михайловны говорит и одна маленькая деталь: в числе их частых гостей был и ассистент Петербургского университета, утонченно вежливый, на редкость скромный Иванэ Джавахишвили.

Он имел привычку, разговаривая, делать какие-то зарисовки, а перед уходом выбрасывать их в корзину. Как-то, через десятки лет, ему, уже ученому-историку с мировым именем, одному из основоположников Тбилисского государственного университета, крупному общественному деятелю, принесли пакет с бережно сохраненными зарисовками.

«Бесконечно вам благодарен... Изумляюсь, как вы сумели на протяжении 35 лет сохранить эти «зарисовки»? Я потерял все свое книгохранилище...» — написал Нине Михайловне больной и издерганный недоверием ученый, кристальный патриот своей родины И. Джавахишвили.

— На самом деле, Нина Михайловна, что вас заставляло извлекать из корзины какие-то бумажки? — спросила я.

— Не знаю... Я была убеждена, что любой клочок бумажки, к которой он прикоснется, со временем должен стать достоянием грузинского народа...

А ведь ей тогда было всего 23-24 года!

В 1910 году с двумя девочками-погодками и тяжело больным мужем она вернулась в Грузию. Вскоре, похоронив мужа, поехала в Телави. «Там дом отчий, за жилище хоть не придется платить. А девочки... Воспитает она их, может, им посчастливится осуществить мечту всей сознательной жизни матери...»

Это была безнадежность тех лет черной реакции, наступившей вслед за зар-

ницами 1905 года. Ошиблась Нино. Мечту свою ей самой довелось осуществить. Не дремала прогрессивная мысль, не ослабла воля к борьбе с монархическим самоуправством. Грузинское Общество по распространению знаний объединило передовых и мужественных деятелей тех лет. Общество решило открыть в Телави грузинскую школу. Кандидатурой директора и учительницы этой школы была названа Нина Михайловна!..

И в сентябре 1911 года, в том самом доме на горе, на базе той самой нининой школы открылись двери настоящей, законной, долгожданной грузинской школы, с любовью названной «школой на горе».

Преподавание всех предметов на родном языке было так необычно, что люди приходили в школу, присутствовали на уроках, а потом разносили весть о том, что Нино «даже географии» учит детей по-грузински.

Теперь трудно даже представить себе, чтобы школа открылась вне государственного обеспечения. А «школа на горе» открылась, не имея ни гроша и никакого отношения к наместничьей казне. Какой же изобретательностью и энергией нужно было обладать, как сильно надо было любить эту свою осуществленную мечту, чтобы школа жила?! И жила она полнокровной, шумной, деятельной жизнью, жила, как сейчас мы в таких случаях говорим — истинно творческой жизнью.

Школьная касса складывалась из подношений местной интеллигенции и взносов членов Общества по распространению знаний.

Первое, весьма солидное пожертвование (400 рублей) поступило от пожилой княгини Софии Вахвахишвили.

Когда изготовленный на эти деньги инвентарь доставили в школу, вахвахишвилевские слуги принесли огромный портрет княгини Софии в дорогой, аляповатой раме. Вот горе! Куда девать портрет? Никто не соглашается вступать в переговоры со строптивой княгиней, да и что сказать? Пришлось Нино идти к ней.

— Дорогая княгиня, как жаль, что ваш портрет был доставлен поздно. Мы уже развесили портреты Шота, Ильи, Акакия... Вы сочтете насмешкой, если рядом с ними мы повесим ваш портрет... Как нам ни горестно, но другого выхода нет, мы должны будем вернуть вам либо портрет, либо деньги...

400 рублей были спасены, но княгиня, велев вернуть свой портрет, запретила упоминать при ней имя «дерзкой учительки».

А «дерзкая учителька» (она же и директор и единственный педагог) продолжала изыскивать необходимые средства. С этой целью она уступила одну из классных комнат известному композито-

ру Нико Сулханишвили для занятий с хором. Денег не было и у Сулханишвили. Зато в телавском клубе можно было устраивать вечера-концерты хора Сулханишвили, которые неизменно привлекали огромное количество людей. Кроме того, Сулханишвили своих солистов, которых он берег и лелеял, как малых детей, в сочельник рассылал с поздравительными песнями по богатым домам. Певцы по возвращении с гордостью выкладывали заработанное ими солидное вознаграждение.

В фонд школы поступали также доходы с вечеров, концертов, балов, лотереи, устраиваемых в день именин Ильи Чавчавадзе, святой Нины, в новогоднюю ночь и т. д. Подарки, игрушки, гостинцы Нина Михайловна делила между школьниками. Она ухитрялась дарить детям из бедных домов ситец на платья, чернила, ручки, тетради, карандаши и даже снабжать их самодельным мылом.

Нина Михайловна вскоре собрала школьную библиотеку. Книги ей уступали за бесценок или она их выпрашивала у друзей и знакомых. Просто неиссякаемы были ее выдумки на то, чтобы привить детям любовь к родному языку, к учебе, к труду. Нужно полагать, что именно удивительная педагогическая интуиция подсказала ей внедрение нового — профессионального — метода обучения, сейчас широко распространенного в советских школах. Путем поощрений, соревнований она добивалась того, что после занятий дети оставались в школе, с увлечением осваивая разного рода ремесла. Уже через 3-4 года существования школы посетителей поражало мастерство выставленных в школьном музее изделий, изготовленных учащимися. Мальчики по своему вкусу изготавливали деревянные, металлические, кожаные предметы сельского хозяйства и домашнего обихода, девочки шили платья, национальные костюмы, белье, вязали кружева, шерстяные носки, чулки, платки. Один смысленный мальчуган упорно специализировался по составлению скелетов домашних птиц и животных, додумываясь до весьма остроумных приемов.

В школьной библиотеке хранилась большая книга, красиво переплетенная учениками. Это был «Наш журнал». В

течение недели в классах проводился «час свободного письма». Автор лучшей работы в воскресный день переписывал в «Наш журнал» свое сочинение.

Эта первая в Телави грузинская школа была начальной, всего с четырьмя отделениями. Общество по распространению знаний тогда своей ближайшей задачей ставило привить детям основы родного языка. И школа выполняла эту задачу. Дальше дети могли продолжать учение в любой другой школе. В Телави было шесть других школ разного разряда, и обучение в них проходило на русском языке.

После установления Советской власти эта грузинская школа была преобразована в трудовую школу. Нина Михайловна продолжала преподавать в ней родной язык и литературу.

И уже когда сбывшаяся мечта начала давать удивительные всходы, когда нужда, горечь, оскорбленное самолюбие, все трудности остались далеко позади, когда на ее глазах росло и вступало в строй строителей светлого будущего воспитанное ею поколение; когда она уже стала свидетельницей того, с каким уважением произносятся имена бывших учеников «школы на горе», а впереди ее ждала радость, только радость больших свершений — на нее обрушилась непоправимая беда. Умерла дочь. Юная, талантливая, любимая. Дочь, которая писала стихи, по сей день ходящие в списках по рукам телавской молодежи. Дочь, которая в 17 лет написала: «Мама, жизнь так прекрасна, и так прекрасна ты, живущая во мне...»

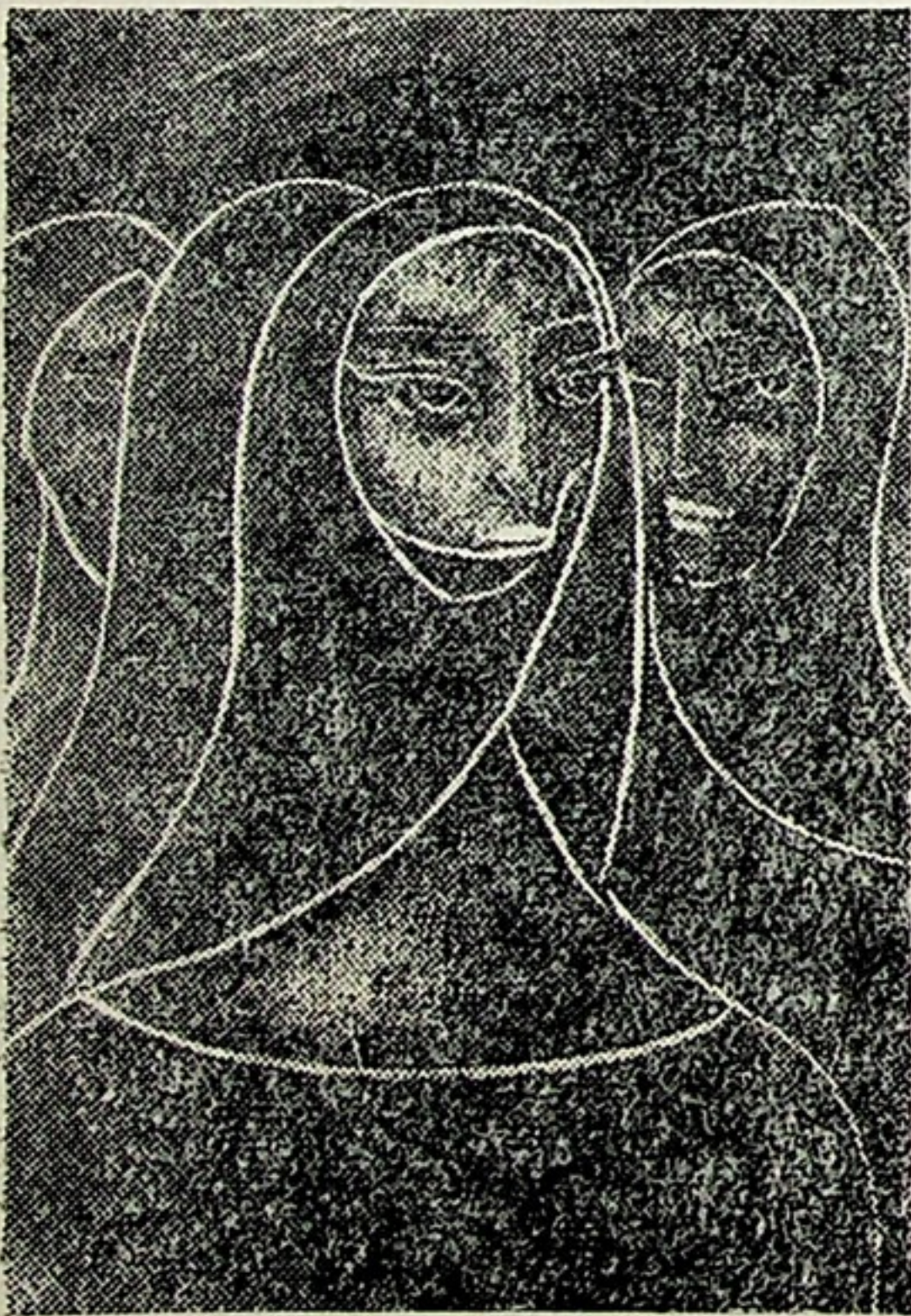
С той страшной минуты для Нины Михайловны наступили сумерки, которым, казалось, нет конца. Горе тяжелым замком навесилось на дверь ее дома. Но жизнь шла своим чередом, и маленькую историю о «школе на горе», об ее бессменном директоре и учительнице младшие слышат от старших...

Таких, как Нина Михайловна, осталось мало, по пальцам перечесть. Они уходят, теряются в годах, как иссякающий в песках источник. Но от этого первоисточника можно почерпнуть многое из того, что бесценным наследством останется будущим поколениям.

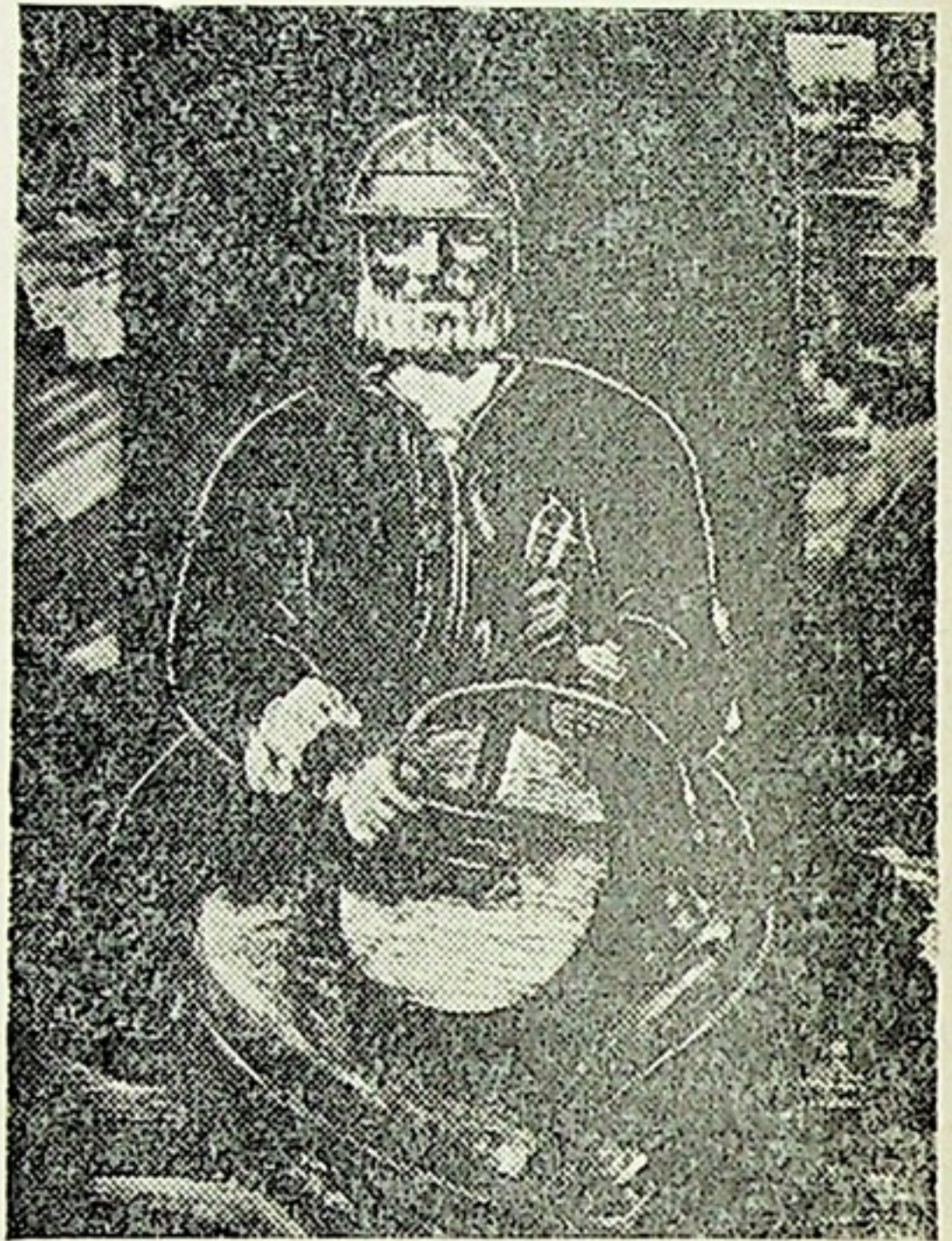
О графике Нателы Ианкошвили

Художница Натела Ианкошвили в последнее время приобрела большую известность у нашей общественности. И это естественно: Н. Ианкошвили в своих новых работах, экспонировавшихся на больших персональных выставках в Государственной Картинной галерее Грузии и в Доме работников искусств, проявила себя интересным и самобытным мастером.

Чем же были интересны выставки Нателы Ианкошвили? Молодая художница на них предстала как человек с ярко выраженной творческой индивидуальностью, со своим, присущим только ей, видением мира. Оно проявляется во всем: в композиции картин, в рисунке, в цветовой гамме. Звучание красок у Н. Ианкошвили органически связано с формой и содержанием ее произведений.

Сванские женщины

Народный музыкант

Проявив себя как своеобразный живописец, она много и плодотворно работает в графике. На первый взгляд графические работы Н. Ианкошвили похожи друг на друга. Но, может быть, это говорит как раз в пользу художника? Ведь все эти работы выполнены одной рукой, увидены одним глазом, вдохновлены одним сердцем.

При более внимательном знакомстве убеждаешься, что перед нами художник, работы которого отличаются одна от другой не только содержанием и колоритом, но даже техникой исполнения. Например, кубинские зарисовки выполнены в манере, отличной от сванской графической сюиты или от портрета голландской девушки. Желание для каждой новой работы найти новые средства выражения, соответствующие данному содержанию, постоянные творческие искания — очень ценное качество для художника, особенно — для художника молодого.

Творческая индивидуальность Н. Ианкошвили проявилась еще в годы учебы. Я имел возможность тогда наблюдать за ней как ее педагог. Упорство и принципиальность начинающего художника говорили уже в то время о ее искренности и целеустремленности, о ее своеобразном видении окружающего мира. Именно эти качества истинного художника привели сегодня Н. Ианкошвили к творческой победе.

Я уверен, что Натела Ианкошвили благодаря настойчивому, упорному труду сделает еще много по-настоящему хорошего, интересного. И я пользуюсь случаем, чтобы пожелать молодой художнице больших творческих достижений и высказать убеждение, что любителям изобразительного искусства предстоит много новых встреч с ней.

Уча ДЖАПАРИДЗЕ

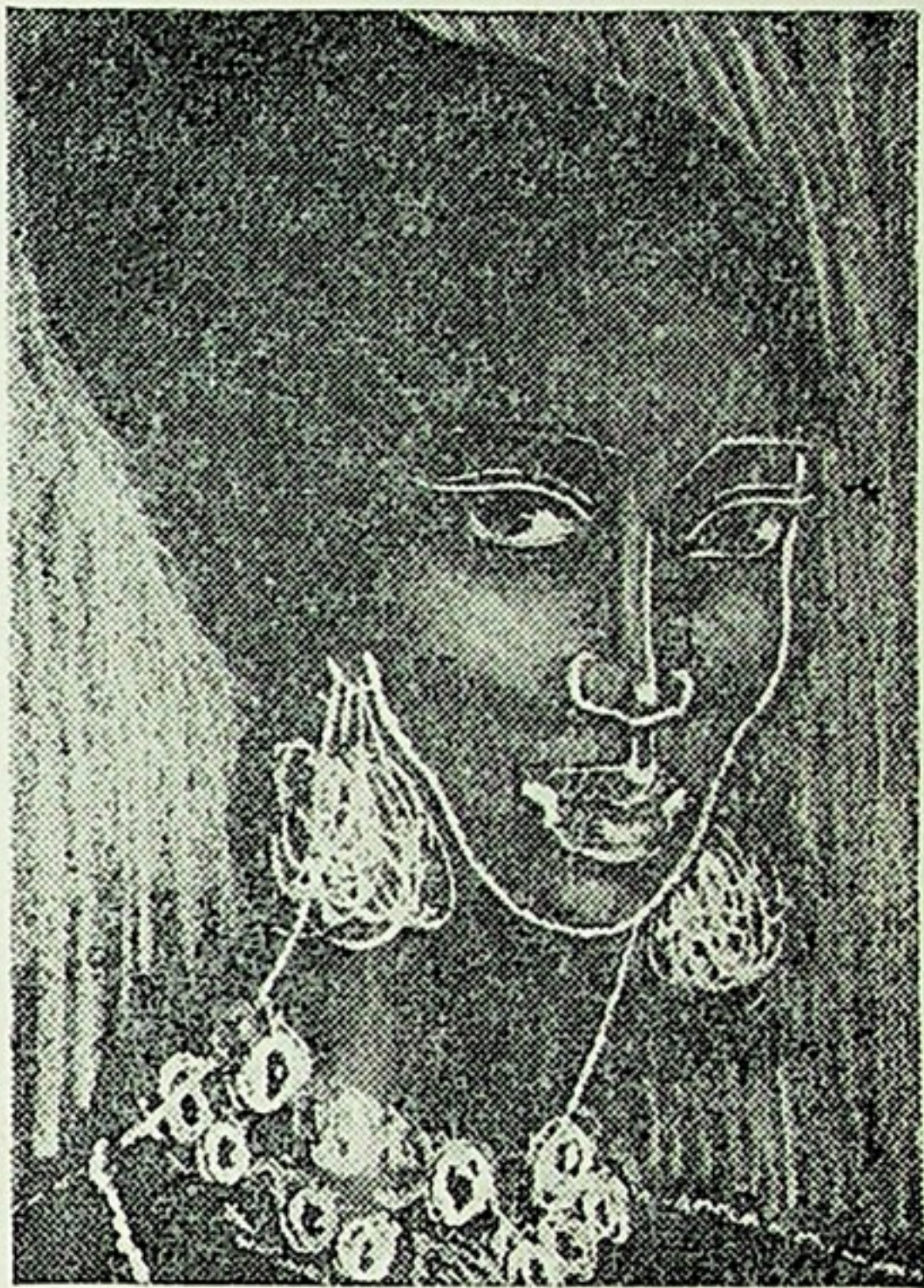
Настойчивая потребность углубленного познания окружающего мира, широкий кругозор и наблюдательность, удивительное трудолюбие, соединенное с высокой профессиональной культурой, — вот то счастливое сочетание, которое характеризует художницу Нателу Ианкошвили.

В графических работах художница сохраняет непосредственность восприятия окружающей действительности, с

увлечением ищет и находит новые образы, новые средства выразительности.

Интересен по замыслу и исполнению графический цикл «Сванские могилы».

В нем великолепно передана монументальная строгость Сванетик, продиктованная первозданной суровостью ее природы и своеобразием этнографии.

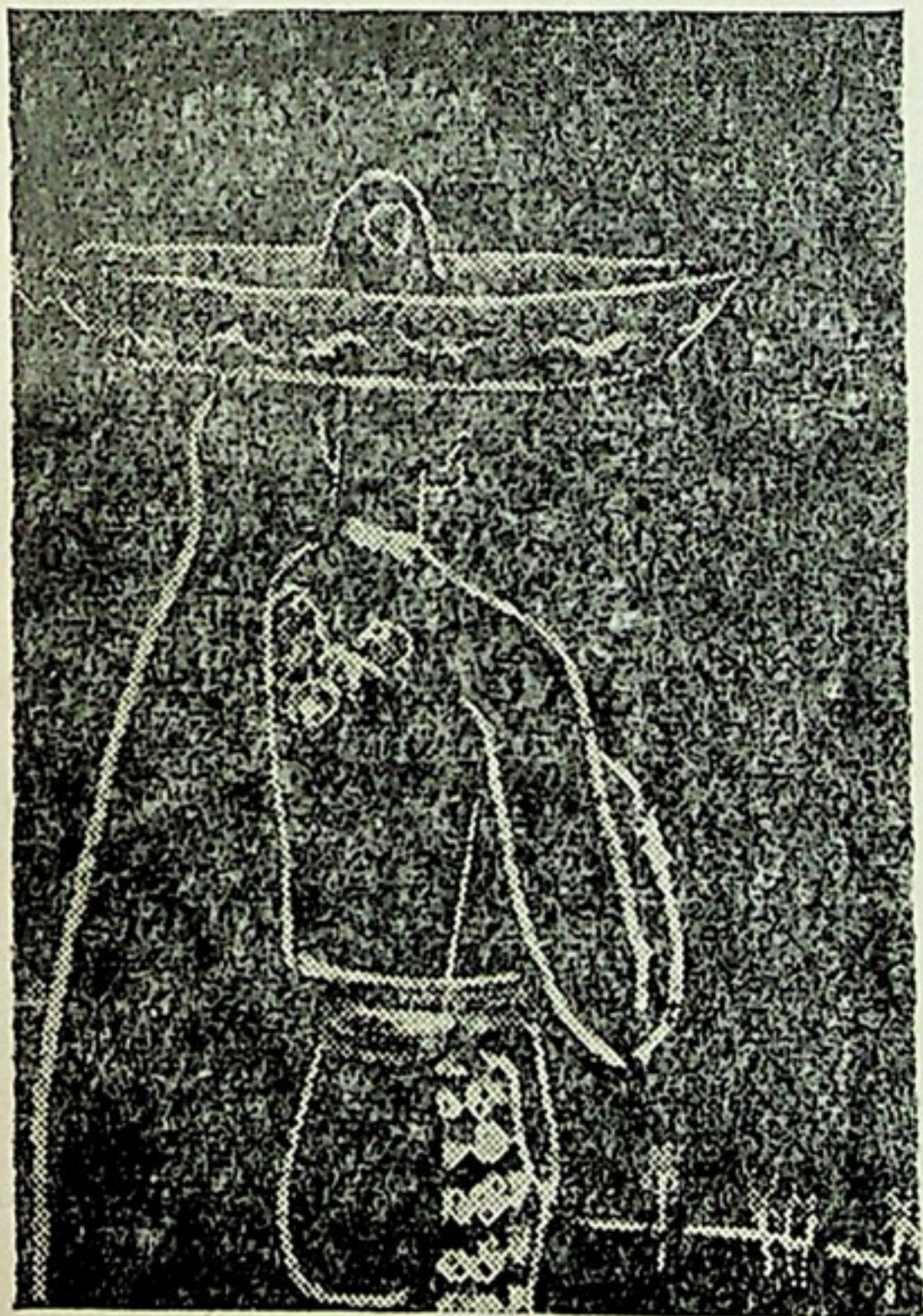
Негритянка

Художница создает четкие композиции, мастерски используя игру нервных белых линий и пятен по черному фону. Конкретные образы сильных и волевых людей охарактеризованы обобщенно, лаконично и строго.

Бесспорным достоинством художницы является умение использовать те художественные средства, которые лучше всего выявляют характер изображаемого. С помощью этих средств художник достигает большой выразительности своих произведений. Подтверждением этого является одна из лучших работ сванской серии — «Сванские женщины».

В некоторые работы Н. Ианкошвили чисто графического характера удачно вплетены элементы живописи. В этом смысле интересна серия «По Мексике». Свободная манера исполнения придает некоторую экзотичность этим работам, сделанным с большой наблюдательностью и мастерством.

Даже самыми скупыми линиями Н. Ианкошвили удается создавать волнующие и поэтические произведения. Высо-

Мексиканцы

кая культура и мастерское владение линией, особенно важное для художника-графика, ярко проявляются в серии «По Кубе».

Кубинские мужчины и женщины в национальных шляпах-сомбреро, негры, увлеченные темпераментной и огневой пляской, бойцы народной милиции, вы-

разительный портрет Фиделя Кастро, в котором великолепно передан сильный характер и непоколебимая воля вождя кубинского народа, — вот образы, созданные Н. Ианкошвили и блестяще подтверждающие оригинальный талант художницы.

Парнаоз ЛАПИАШВИЛИ

Давно известно, что культура является важным средством, сближающим народы. Именно в этом и состоит значение экспозиции трех художников — Иванова, Оссовского, Ианкошвили, которые, побывав на Кубе, создали яркие и впечатляющие картины. Можно утверждать, что они тем самым заслужили право называться активными борцами на фронте нашей революции. Я хотел бы сказать, что живопись и графика Н. Ианкошвили верно отражают отдельные стороны формирования кубинской нации. Натела Ианкошвили уделяет большое внимание кубинским неграм. Я хотел бы заметить в связи с этим, что негры на Кубе составляют почти треть всего населения и что они приняли активнейшее участие в свершении кубинской революции. Вообще, я хотел бы заметить, что Натела Ианкошвили хорошо прочувствовала

Фидель Кастро

сущность кубинской революции и очень удачно отразила это в своих картинах.

Эвелия ТЪЕЛЕС,
временный поверенный в делах
Республики Куба в СССР

ТБИЛИСИ

ТЕАТР ГРЕЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ В ГОСТЯХ У ТБИЛИСЦЕВ

В январе в Тбилиси выступал Пирейский театр греческой трагедии, основанный режиссером Рондирисом и получивший всемирное признание. В 1960 году он гастролировал в Дюссельдорфе, Париже, Флоренции, Сицилии, в 1961 — в 35 городах Европы и США, в 1962 году принимал участие в фестивалях в Израиле, Болгарии, Турции, а также в Берлине, в 1963 — в Швеции, Польше, Чехословакии, Дании.

За исполнение роли Электры Аспасия Папатанассиу была удостоена в Париже в

1960 году первой премии театра Наций, с 1962 года она выступает в роли Медеи. С тех пор спектакль ставился более 200 раз и был показан почти во всех странах Европы.

Наш корреспондент обратился к народной артистке Союза ССР Верико Анджапаридзе и известному греческому хореографу Лукии с просьбой поделиться своими впечатлениями о постановках греческой трагедии на грузинской сцене и в театре города Пирея.

Греческий театр я видела в прошлом году в Москве, в этом году его приезд обрадовал тбилисских зрителей. Знакомые с классической греческой трагедией, они с особым интересом ждали его выступлений. И театр не обманул их надежд: он по-на-

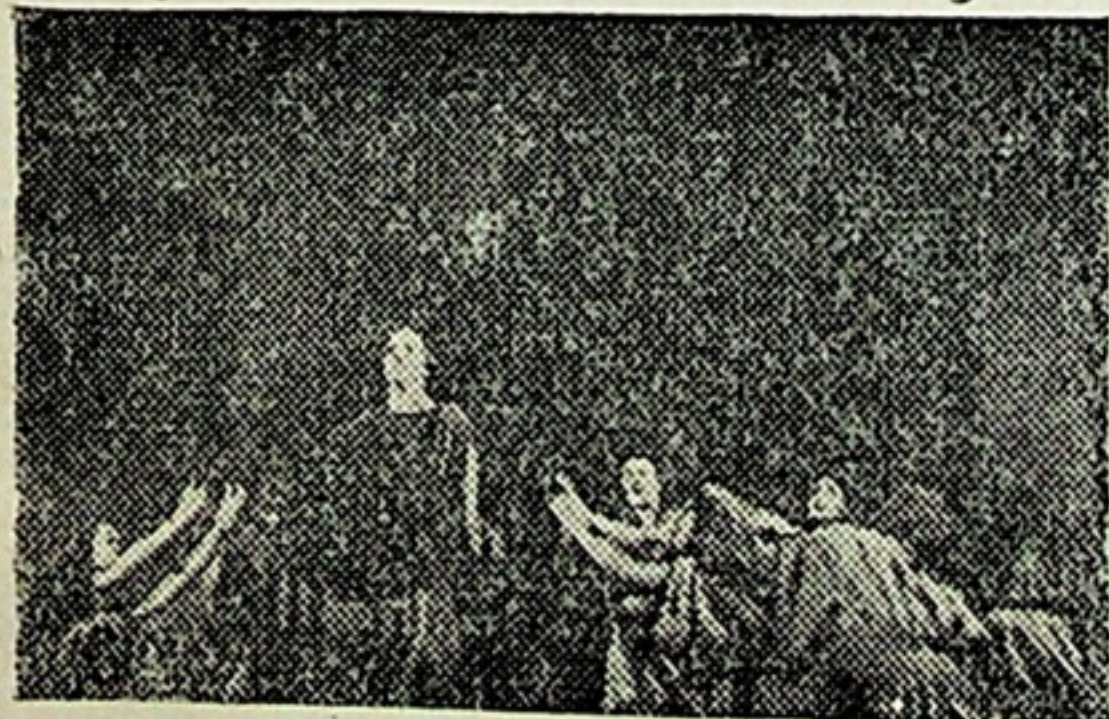
стоящему интересен — и режиссерски и игрой актрисы Аспасии Папатанассиу.

На мой взгляд, грузинская «Медея» ближе к современности, начиная с хора, который активно выражает свое отношение к происходящему, и кончая героями — если с них снять греческое одеяние, их можно вполне принять за наших современников.

Вместе с тем мне нравится то, что трагедия переносит нас в далекие времена, в мир сильных страстей и событий.

Очень тронули меня в греческом спектакле несколько сцен. Таковы прощание Медеи с детьми, оплакивание хора. Нельзя сравнивать два совершенно различных театральных мира, но коль скоро зашла об этом речь, скажу: наша «Медея» «смонтирована» по-грузински.

И опять-таки, без всяких сравнений бесспорно одно: греческий театр — это высокое театральное искусство.

Медея — А. Папатанассиу

В. АНДЖАПАРИДЗЕ

Медея — В. Анджапаридзе

Прежде всего я хочу остановиться на том, что наш театр выступает без масок и котурнов, обязательных для греческой трагедии прошлого. Это приближает нас к сегодняшним дням, делает игру актеров естественной, свободной.

Вместе с тем, режиссер Рондирис и вся труппа сохраняют идеи трагедий в их первоначальном виде, стремясь донести до зрителя всю глубину замыслов великих греков — Еврипида, Софокла, Эсхила.

Правда жизни — вот что движет спектаклями нашего театра и чему подчинены игра актеров, пластическое и музыкальное решение хора.

Что же касается постановки «Медеи» в театре имени Марджанишвили, то можно лишь приветствовать греческую трагедию на грузинской сцене.

Чувствуется любовь и уважение к Еврипиду режиссера, давшего спектакль в отличной от нас интерпретации; прекрасна Верико Анджапаридзе в роли Медеи. Это — поистине выдающаяся актриса. Интересно решены участие в спектакле хора, постановка в целом.

В заключение хочу сказать: «Меня спрашивали, не напоминает ли нам немного Грузия Грецию? Не немного, а много. Мы чувствуем себя у вас, как дома».

К. ЛУКИЯ

КРЕПНУТ ДРУЖЕСКИЕ СВЯЗИ БРАТСКИХ ЛИТЕРАТУР

В прошлом году издательство «Литература и искусство» выпустило на грузинском языке сборник рассказов латышских писателей — Андрея Упита, Вилиса Лациса, Анны Саксе, Арвида Григулиса, Жака Гривы, Анны Броделе, Яна Гранта, Юлия Ванана, Зигмунда Скуина, а в Латвии был издан сборник, в который вошли произведения грузинских прозаиков: Лео Киачели, Константинэ Гамсахурдиа, Демны Шенгелая, Константина Лордкипанидзе, Михаила Мревлишвили, Григола Чиковани, Георгия Натрошвили, Георгия Шатберашвили и других.

В связи с 250-летием со дня рождения классика латышской литературы Кристионаса Донелайтиса в этом году в Грузии выйдет его поэма «Времена года» в переводе Григола Абашидзе и Реваза Маргиани.

Вслед за подготовленным к печати узбекским издательством сборником лучших рассказов грузинских писателей будут изданы рассказы узбекских авторов на грузинском языке.

В 1965 году намечается издание «обменных» сборников между Эстонией и Грузией.

В ходе подготовки этих сборников пред-

ставители издательств братских республик приезжают друг к другу, консультируются, делятся своими планами. Так, в минувшем году главный редактор издательства «Литература и искусство» Григол Чиковани помог латышским коллегам при составлении сборника рассказов грузинских писателей.

Выпуск «обменных» сборников стал доброй традицией. Работа в этом направлении продолжается. Скоро издательство «Литература и искусство», расширяя рамки этой серии, подготовит новые сборники стихов поэтов братских республик Советского Союза.

КНИГА 49 АВТОРОВ

Поэт Морис Поцхишвили перевел на грузинский язык около ста стихотворений 49 авторов. Среди них — поэты старшего поколения А. Твардовский и К. Симонов, О. Шираз, Б. Пастернак и М. Рыльский, молодые поэты: Е. Евтушенко, Ю. Мориц, Ю. Михалик, В. Коротич и другие, творчество которых нашло широкий отклик как у нас в стране, так и за рубежом.

Оригинально оформленный художником И. Джанашвили, этот сборник, выпущенный издательством «Литература и искусство», назван: «Мудрость любви».

ДЖОН СТЕЙНБЕК В ГРУЗИИ

После двухнедельной поездки по городам Советского Союза осенью минувшего года выдающийся американский писатель, лауреат Нобелевской премии Джон Стейнбек приехал в Грузию.

В Союзе писателей Грузии он встретился со своими братьями по перу.

«Лично я, — сказал на встрече Джон Стейнбек, — считаю самым благородным делом культурные связи между странами. Долг писателя содействовать укреплению этих связей...».

Джон Стейнбек пробыл в Грузии несколько дней. Здесь он познакомился с достопримечательностями Тбилиси и Мцхета, посетил совхоз в Мухрани.

Гостя покорили чудесные народные мелодии, исполненные на дудуки (восточном народном инструменте). Узнав об этом, заслуженный артист Грузинской ССР Михаил Адамашвили преподнес почетному гостю дудуки, сделанное им самим. В ответ на это Джон Стейнбек попросил первого секретаря Союза писателей Грузии, поэта-академика Ираклия Абашидзе передать М. Адамашвили небольшой подарок — ручку, подаренную ему при получении Нобелевской премии, и письмо, в котором писал:

«Приветствую моих друзей, предоставивших мне возможность послушать чудесную музыку. Приветствую также и музыканта, который подарил мне орудие своего труда. И я с большой благодарностью дарю ему орудие моего труда. Джон Стейнбек».

КАСПИ, ГОРИ

НА ГАСТРОЛИ В РАЙОНЫ РЕСПУБЛИКИ

В дни, когда Тбилисский театр оперы и балета имени З. Палиашвили принимает на своей сцене актеров союзных республик и зарубежных стран, творческий

коллектив театра выезжает на гастроли в различные районы республики.

Оперная труппа показала несколько постановок в Телави, Рустави, Болниси, Гардабани, а в прошлом году выступила в Гори.

Гастроли театра сопровождаются неизменным успехом. В его репертуаре — оперы З. Палиашвили «Даиси», «Абесалом и Этери», В. Долидзе — «Кето и Котэ» и другие.

Как отметил заместитель директора театра Н. И. Джапаридзе, «цель гастрольных выступлений театра — пропаганда оперного наследия грузинской классической музыки в различных уголках республики».

МОСКВА

«БЕЛЫЙ КАРАВАН» — НА ВСЕСОЮЗНОМ ЭКРАНЕ

Новый грузинский художественный фильм «Белый караван», получивший заслуженное признание зрителей, удостоен первой категории. Его высоко оценили известные советские кинорежиссеры С. Герасимов и М. Ромм, кинематографическая общественность столицы.

...Несколько лет назад молодой писатель Мераб Элиозишвили по путевке ЦК ЛКСМ Грузии побывал на зимних пастбищах в районе Казбеги. В результате поездки была написана серия очерков о чабанах, родился замысел будущего сценария. Он весь основан на жизненном материале.

Автор сценария, режиссеры Т. Мелиава и Э. Шенгелая работали в тесном творческом содружестве, и это, думается, во многом определило успех фильма.

Любопытно, что в фильме, снятом по его сценарию, М. Элиозишвили участвовал и как актер. Он снимался в роли чабана Балты.

В настоящее время фильм дублируется на русский язык и скоро выйдет на экраны Москвы и других городов Советского Союза.

листая журналы и газеты

Гастроли молодой советской пианистки Марины Мдивани в Америке совпали со скорбными событиями: 22 ноября был убит президент США Джон Кеннеди. Первый концерт Марина Мдивани дала 25 ноября в день национального траура в стране.

Но несмотря на траурные дни и отдель-

ные попытки фашиствующих расистов, которым претит любое признание заслуг советского народа, помешать выступлению нашей пианистки, талант Марины Мдивани был оценен по достоинству. Об этом свидетельствует публикуемая рецензия из американской газеты «Чикаго Дейли Ньюс».

ПИАНИСТКА МДИВАНИ — БОЛЬШОЙ ТАЛАНТ

Как в каждом кошмаре, в конце этой недели ни в чем не было ни логики, ни смысла. В субботу вечером антикоммунистиче-

ские пикетчики протестовали у здания Оперы против представления оперы перед лицом американской трагедии. Но в воскре-

сенье после полудня советская пианистка дала ничем не нарушенное выступление в Оркестра-Холл. Ни пикетов, ни шумихи, ни намека на неудовольствие; Марине Мдивани в ее чикагском дебюте был оказан теплый прием.

Миссис Марина, которой 27 лет, хотя она выглядит как подросток, довольно напряженно начала токкату Баха, но вскоре заиграла свободно и дала чрезвычайно интересный концерт. Любая молодая леди, которая может осилить такие, требующие мужской силы, произведения, как бетховенские Вариации с фугой из «Прометея» и Сонату Листа, должна хорошо владеть клавиатурой, и Марина Мдивани действительно владеет ею.

В настоящее время ее подход к инструменту и к музыке подобен подходу молодого Горовица, особенно в отношении огненных октав при исполнении Листа и виртуозной пьесы В. Овчинникова, которыми она вызвала восхищение слушателей.

Пианистка подобна Горовицу и в своей тенденции играть с большой динамичностью, а также чередовать полную мощь с крайне тихим звуком. Но главное на данном этапе ее развития заключается в умении управлять этими крайностями. Она не ограничена ни в технике, ни в индивидуальности.

Более того, исполнение ею Бетховена было музыкально совершенным и как бы представляло показ захватывающей дух легкости. Индивидуальное? Да,—временами даже эксцентричное, но всегда серьезно звучащее и подкрепленное запасом мощи, которая не всегда бывает слышна у молодых пианистов...

Нельзя сказать, что Марина Мдивани полностью созревший интерпретатор, но у нее есть ум, сильные, быстрые руки и потенциал больший, чем у кого-либо из молодых артистов, которых присылал нам Советский Союз.

Донэл ХЕРНААН

Подписано к печати 17 марта 1964 г. 7 печ. листов
Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆.

Заказ № 43

Тираж 2400

УЭ 05453

Цена 40 коп.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

ჟურნალი „ლიტერატურნია გრუბია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ლიტერატურა და ხელოვნება“

Типография издательства ЦК КП Грузии «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова,
Тбилиси, проспект Вуставели, 42.

Отпечатано в типографии издательства ЦК КП Грузии
«Комунисти» — ул. Ленина, 14.

ივერია

1881

№ 1

საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურის
ცენტრი

კმეზანი

საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურის
ცენტრი

ქართლის
მეცნიერული
პროგრესი

ქ. ნიკოლაძე

ქართული
ლიტერატურა

ბრძანებული

საბავშვო

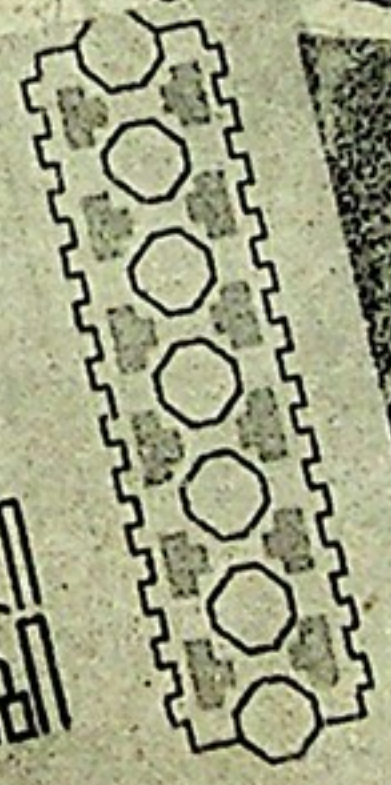
В. ИМЕДАДЗЕ

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

и
ДЕЯТЕЛИ
ГРУЗИНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურის
ცენტრი

საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურის
ცენტრი

საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურის
ცენტრი

საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურის
ცენტრი

საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურის
ცენტრი

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117
04.10.59
203.010133